

ПЕГАСИК

Сказочно правдивое
повествование
о некоторых событиях из жизни
нескольких людей,
летучей солонки,
читающего воробья,
неукротимой кошки,
а также
о смысле бытия
и о многом другом
для детей
и прочих

1. Рождение Пегасика

Это произошло в одном сибирском городе. Всего несколько лет назад. Точнее угадаете, когда всё прочтёте.

Стоял небывало жаркий сентябрь. Только самые аккуратные девочки не опаздывали в школу и не удирали с уроков. В лесу второй раз зацвели удивлённые огоньки. В четверг после дождя всюду появились грибы — в таком количестве, что примерные хозяйки заготовили их впрок на целых два года.

В субботу Евгеша Малюхин, который учился в первую смену в первом "Ю" классе, пришёл домой из школы перед самой темнотой.

-Где тебя носило? - спросила мама. Она знала, что на понедельник уроков не задают, и сердилась совсем немного, только из-за того, что Евгеша бегал голодный.

-Погода какая, - пробормотал Евгеша. - День "Рэ"...

-Вот именно, -- сказала мама. - У тебя день рождения, а мы тебя не видим.

-Я не люблю день "Рэ".

-Почему?

-С каждым днём "Рэ" люди стареют. Не хочу стареть. Хочу всегда быть маленьким.

-Ты слышал, отец? - воскликнула мама. - Ребёнок не хочет быть большим!

-Это пройдёт, - отозвался папа из своей комнаты. - Поколотят хорошенько на улице, он и передумает.

-Не передумаю, - сказал тихо Евгеша. - Я драки не боюсь.

-Ладно, - мама вздохнула. - Иди пока поешь.

-Иду, - сказал Евгеша. И напрямик отправился к папе.

У папы в комнате была настоящая мастерская. Там стоял большой старый верстак с двумя деревянными винтами. Над верстаком и вокруг было много шкафов и полок. На полках стояли деревянные фигурки зверей и птиц, туески, шкатулки, стаканчики, вазочки и гравюрки. В шкафах папа хранил свои книги и инструменты. Евгешин папа, когда служил в армии, занимался самым мужественным делом: был воздушным десантником, прыгал с парашютом на лес и на воду, мог один справиться с десятью врагами. А после армии стал резчиком по дереву.

-Ой, - сказал Евгеша, войдя в мастерскую.

Папа стоял возле своего точила, приколоченного к верстаку, и сверлил деревянный брусок. Из точила вбок торчало необычное, похожее на гриб сверло, а брусок папа держал в руках и как бы надевал его на сверло. Летели стружки, точило гудело, папа улыбался.

-Что это будет? - спросил Евгеша.

-Увидишь,- ответил папа. Он любил тайны.

Необычное сверло проделало в бруске довольно широкую дыру, но не насквозь, а в виде ямки. Папа доверил Евгеше выключить точило, зажал брусок деревянным винтом верстака и снял со стены тонкую пилу-змею.

-Дереву больно? - спросил Евгеша.

-Точно не знаю, - ответил папа. - Но думаю, что уже нет. Вот когда его спиливают, тогда другое дело, оно ещё живое. А теперь что ж: сухое и есть сухое. Ну, иди.

Но Евгеша набрал в ладони ещё тёплых стружек и сунул в них нос. Пахло очень вкусно. Уходить отсюда не хотелось.

-Это кедр, - объяснил папа. - Когда его режешь или пилишь, даже когда просто отломишь, всегда сильно пахнет. Даже самая сухая и самая старая доска. Это смола.

-Значит, оно ещё живое, - сказал Евгеша.

-И что же? - Папа начал пилить брусок.

-Больно ему.

-Как же быть? - спросил папа.

-А ты стал бы кем-нибудь другим...

-То есть?- Папа перестал пилить.

-Ну, чтобы никому не делать больно...

-Не получится, сын. Все живые так устроены, что всегда кто-нибудь кого-нибудь обижает, причиняет неудобства, даже если сам того не хочет. Просто невозможно иначе.

Евгеша совсем расстроился.

-Но я никого не хочу обижать, - сказал он. - Я хочу просто жить.

-Вот мы говорим "просто, просто", - папа вздохнул, - а ведь НИЧЕГО ПРОСТОГО на свете нет. И жизнь - как раз самое сложное на свете. Зверю проще, чем человеку: он не умеет думать. Съела кошка мышку, съела птица мышку - значит так и надо. Они ОТ ПРИРОДЫ такие...

-А если они ТОЖЕ ДУМАЮТ? - спросил Евгеша осторожно.

-Вполне возможно, - папа снова вздохнул. - Только думают они уж наверно не так, как мы.

-Тогда они злые!

-Почему?

-Если они думают, значит понимают, что других съесть нехорошо. А всё равно едят.

-Но иначе они погибнут, - сказал папа. - Они иначе не могут, я же говорю: природа их так устроила.

-Несправедливо.

-Конечно, - согласился папа.- Только ведь ничего не переделаешь. Нам остаётся только вредить поменьше, а животные сами лишнего от природы не возьмут. И нам надо так: зря сломал ветку - обидел природу, а если свалил несколько деревьев да построил из них дом, значит попросил у природы помощи. Эти деревья вроде и не погибают: живут с тобой, защищают тебя от дождя, от холода, и вы друг другу не враги. Так?

-Ладно, - теперь вздохнул Евгеша. - пусть будет так. Но я хотел бы всё-таки знать, о чём они думают: деревья, звери, птицы - все...

И он пошёл ужинать. А когда вернулся в мастерскую, папа уже заканчивал работу. В левой руке он держал небольшую, почти круглую лодочку. С одной стороны лодочка имела воробьиный хвостик, только покороче и пошире, а с другой у неё была шея, украшенная

лошадиной головой. В правой руке папа держал специальный, заточенный со всех сторон крючок - ложечный резец, которым вычищал лодочку изнутри.

-Игрушка? - опросил Евгеша.

-Солонка, - ответил папа. - Называется "Уточка".

-Это же лошадка, - возразил Евгеша.

-Спереди лошадка, - папа засмеялся, - а сзади всё-таки птица какая-то. Назвал не я. Наша художница. А меня попросили сделать несколько штук для пробы: станет ли народ покупать такие солонки.

-Конечно, станет, - сказал Евгеша уверенно. - Она красивая.

-Красивая? - Папа разглядывал солонку, будто раньше её не видел. - Красивая?.. Слушай, сын, а что оно такое - КРАСОТА?

-Да как же! - Евгеша удивился, что папа не знает такой простой вещи, но сразу вслед за этим подумал, что, наверно, он его, Евгешу, проверяет.- Красота - это... Ну, когда чтонибудь нравится. Правильно?

-А я, сынок, сам не знаю. - Папа улыбнулся так беспомощно, что Евгеше стало его жалко. - Вот музыка - она ведь бывает красивая?

Евгеша кивнул.

-А движения бывают красивые?

-Бывают, -- согласился Евгеша.- И запахи бывают красивые, и цвет...

-И вкус, наверно, тоже, - добавил папа.

-Ещё бы! - Евгеша засмеялся. - например, халва. А лучше яблоко. Красиво и по вкусу, и по цвету, и по форме... И по запаху!

-А лук? - папа тоже засмеялся.

-Наверно, только по форме, - Евгеша сморщил нос.

-А кому-то он нравится и по вкусу, - сказал папа. - Значит, красота - штука сложная. И не все понимают ее одинаково.

-Выходит, - сказал Евгеша, - одной красоты на всех не бывает?

-Я думаю, - сказал папа, - видеть красоту ещё надо уметь. Об этом есть целая наука - эстетика. Но и она до конца всего не объясняет. В одном я уверен: чем культурнее человек, тем он больше видит вокруг себя красоты... Но это долгий разговор. Может быть, на всю жизнь... Вот тебе подарок ко дню рождения.

Папа достал из шкафа деревянный пистолет.

-Это маузер, десятизарядный. Вы ведь в войну играете?

-Ребята играют.

-А ты?

-Я - нет.

-Как же так? Они ведь играют и учатся отечество защищать. Твой дед был на фронте снайпером. Ты разве не хочешь стать настоящим мужчиной?

-Запиши меня в стрелковую секцию. И боксёрские перчатки давай купим. Научи меня по-настоящему, как в десанте.

-Вот какой ты серьёзный, - папа обнял Евгешу своей большой рукой. - А я всё думал, что ты малец. Ладно, начну учить. Но в стрелковую секцию тебе ещё рано. Потерпи три года.

-У-у-у, - ответил Евгеша. - Ладно, пойду догуляю. Смотри, что мне мама подарила.

Он достал из кармана фонарик.

-Ай да мама!- воскликнул отец. - Раньше меня поняла, что тебе игрушки не нужны.

-Почему не нужны, - возразил Евгеша. - Нужны. Только серьёзные.

-Ясно, - папа улыбнулся. - Боксёрские перчатки за мной. Иди испытывай фонарик.

Через полчаса родители Евгеша услышали, как кто-то бьёт ногами в дверь. На всякий случай пошли открывать вместе и увидели на пороге хмурого Евгешу.

-Что за мода ломать дверь? - сказал папа.

-Ты забыл ключ? - спросила мама. - Или до звонка перестал доставать?
Евгеша молча протянул им свои руки. Из правого кулака что-то выглядывало, а левой рукой он крепко держал правую, и из-под пальцев сочилась кровь.
Евгешу втащили в квартиру и при ярком свете увидели, что он бледен.
-Что это? - спросила мама дрожащим голосом.
-Это ночная птичка, -- объяснил Евгеша.
-М-м-моя-у-у, - раздался снизу голос. Это кошка Сима подросла за добычей.
-Кровь почему? - спросила мама.
-Погоди, мать, - сказал папа. Он в решительные моменты всегда действовал очень быстро и точно, и его все слушались. -Ты, сын, давай сюда птичку, а ты, мать, протри ему руку одеколоном и забинтуй. Поговорим потом.
Пока мама лечила Евгешу, папа достал из-под кровати свой рыбацкий садок, сделанный из мелкой сетки. Он поместил птичку туда, а садок повесил к абажуру, чтобы Симе не достать. После этого велел Евгеше:
-Ну, рассказывай.
И Евгеша рассказал, как он гулял за домом, а вокруг носились эти маленькие птички и резко посвистывали...
-Они свистят, чтобы в темноте ни на что не наткнуться, - объяснил попутно папа. - Локатор у них звуковой.
-Не мешай, - сказала мама. - Всё равно непонятно, что за локатор.
...Евгеша осветил новым фонариком на деревья, на птичек, потом на стену дома. Погасил фонарик и подошёл к самой стене, чтобы осветить в подвальную отдушину. Тут же на стену перед ним со всего разлёта села ночная птичка. Он, конечно, сразу накрыл её рукой. И в эту секунду над рукой мелькнула какая-то тень, гораздо больше птички и совершенно бесшумная. Она обдала руку ветром и чём-то острым чиркнула по коже. Стало очень больно, но Евгеша руку не отёрнул, а осторожно сжал пальцы, взял птичку, накрыл больное место левой рукой и побежал домой.
-Это была сова, - сказал папа. - Она охотилась, а ты ей помешал.
-Вот и хорошо, - сказал Евгеша. - Пусть мышей ловит... Хотя мышей тоже жалко.
-Бедненький ты мой, - сказала мама. Погладила забинтованную руку и поцеловала сына в макушку.
Евгеша был доволен, а папа сказал:
-Ты, мать, не причитай, а то он девчонкой вырастет.
-Он у нас уже мужчина, - возразила мама. - Если бы он отёрнул руку, сова сожрала бы птичку. А он вытерпел.
Евгеше стало неловко от похвал, он отодвинулся от мамы и спросил отца:
-А та солонка уже готова?
-Лаком покрыл. Должна высохнуть. Идём.
Солонка "Уточка" сушилась на двух спицах. Папа тронул её пальцем и снял со спиц. На хвостике были вырезаны пёрышки, на шее - грива.
-А глаза? - спросил Евгеша. - А рот? А крылышки? Она ничего не сможет!
-Так задумала художница, - объяснил папа. - это образец.
-А ты говорил, - Евгеша нахмурился, - образец - это такое, что лучше уже не сделаешь.
-Н-ну, - папа усмехнулся, - есть ещё другой смысл у этого слова.
-Не должно быть другого.
-Честно говоря, - сказал папа, - мне самому это не нравится. И название, между прочим, тоже. Ну какая это уточка?! Это, в крайнем случае, Пегасик!
-Что такое Пегасик?
Папа ненадолго задумался и ответил со смехом:

-Это крылатый конь. Откуда он взялся, рассказывать долго. Когда-нибудь сам прочтёшь. А пока давай скажем попроще: его придумали поэты. Чтобы летать на гору Парнас, на которой у каждого получаются хорошие стихи. Понял?

-А чего тут понимать. Как у тебя в мастерской, только пахнет не кедром, а...

Евгеша задумался.

-Словами, - подсказал папа. -Одни слова хорошо пахнут, другие похуже. Верно?

-Пегасик пахнет лучше Пегаса, - сказал Евгеша. - Ему бы ещё крылья...

-Оте-ец! - слышался из кухни голос мамы. - Нужна твоя помощь!

Папа быстро ушёл.

На верстаке остались ещё не убранные инструменты.

Евгеша всего секунду подумал с Пегасиком в руке и решился. Он уже умел немного резать гейсмусом - хитрой стамеской, которая как бы состоит из двух, сложенных под углом. Этот замечательный резец оставляет на дереве канавку, как раз такую, чтобы успеть наметить хотя бы крылышки... По свежему лаку гейсмус двигался послушно и быстро. Евгеша так увлёкся, что спохватился уже когда заканчивал вторую лапку. Правда, лапки он для простоты вырезал утиные, но при таких надёжных крыльях бегать и не нужно вовсе. Две секунды полюбовавшись своей работой, Евгеша отложил гейсмус и взял косячок - стамеску с косым лезвием, ужасно острую. Глазки можно сделать, как у шахматного коня. Чик-чик-чик, и один глаз готов. Ещё три тычка, и готов другой. Вышло не хуже, чем у папы. Наверно, с перепугу. А рот ещё проще: раз-два, раз-два, раз-два! Есть чем смотреть и чем разговаривать. Есть на чём бегать и летать! Теперь быстренько покрыть лаком. Евгеша обмакнул в бутылку тонкую кисточку и заполнил все вырезы душистым прозрачным лаком. Стал дуть, чтобы скорее высохло, и думать о поэтах на Парнасе: вот так же они, при хорошем запахе слов...

-Ну, ты даёшь? - Это неслышно вошёл папа.

Неужели рассердится?

Папа взял Пегасика за хвост, повертел, разглядывая, и по привычке подул на лак.

-Ха! Да ты его просто оживил! Молодец, рука тверда! Пойдём, маме покажем.

Мама сидела в общей комнате за праздничным столом и смотрела детскую телепередачу "Спокойной ночи, малыши". Когда папа с Евгешей вошли, на экране появился крокодил Гена.

-Смотри, что у нас получилось, - папа протянул маме Пегасика.

Мама с большим вниманием осмотрела деревянное создание, тоже подула на него со всех сторон и погладила по головке - сначала Пегасика, потом сына, потом папу.

-Вы оба вложили в него душу, - сказала она торжественно.-Только что же скажет художница?

-А мы ей эту солонку не отдадим, - сказал папа. - Её всё равно нельзя пускать в продажу: видишь, какой большой сучок прямо в голове.

-Как же ты не заметил?

-Да он был спрятан в материале. Появился уже под пилой. Чтоб не пропал труд, я и вырезал остороженько - даже интересно было, как получится.

-Да, - сказала мама, - сучок извилистый. Столько извилин, что иной человек позавидует.

-А может быть, он ими уже думает? - предположил папа с улыбкой. - Ведь ты сама сказала, что мы в него ДУШУ ВЛОЖИЛИ.

Они оба засмеялись, поставили Пегасика на сервант досушиваться и начали поздравлять сына с днём рождения и угощать разными вкусностями.

-К сожаленью

день рожденья

только раз в году, -

пел на экране крокодил Гена.

-У нас с Пегасиком день рождения совпал, - сказал Евгеша.

-Расти большой, сынок, - пожелал папа. - Будь героем, как твой дед.

Совсем молоденький дед-снайпер улыбался со стены – его портрет папа вставил в самую резную раму: со всеми наградами деда, со знамёнами, пушками и цветами.

-Будь умницей, - пожелала мама.

-Ладно, - пообещал Евгеша.

Съели праздничный пирог, побаловались чаем, посмотрели мультики, наговорились вволю и собрались спать.

-Может быть, птичку отпустим сейчас? - предложила мама.

-А сова? - сразу возразил Евгеша.

-Но днём птичка, наверно, не видит, - усомнилась мама.

-Видит, - уверил папа. - Даже летучая мышь спокойно летает при солнечном свете. Когда я был мальчишкой, мне пришлось однажды ночью бежать по улице. Помню, я был в белой рубашке. Летучая мышь ударилась о мою грудь, и я принёс её домой. Продержал до утра в банке под марлечкой, а утром как следует разглядел и выпустил. Улетела за милую душу.

-Давай хоть рассмотрим птичку, - попросил Евгеша.

Птичка сидела на сетке, высунув клюв наружу и вцепившись коготками так, будто хотела её порвать. Папа снял садок с абажура и опустил к самому Евгешину лицу.

-Только нос туда не суй, - забеспокоилась мама, - как бы не клюнула.

Птичка заметалась по клетке. Вместо крыльев можно было разглядеть только сплошной серый вихрь.

-Как колибри, - сказал папа. Он имел в виду быстроту крыльев.

-Как воробей, - поправила мама. Она имела в виду цвет оперения.

-Только клюв подлиннее, - отметил Евгеша. Он имел в виду и воробья, и колибри.

-Повесим обратно, - сказал папа. - Слишком нервно ей.

В это мгновение Сима уже присела, готовая к прыжку.

Сима была не простая кошка. Незнакомые люди иногда спрашивали: "Где это ваша кошка так испачкалась?" Их удивляло, что у белой кошки могут быть от природы чёрные лапы, хвост и голова. А Сима гордо задирала свой хвост с крючком на конце и стояла так до тех пор, пока гостям не объяснят, что она не какая-нибудь, а сиамская кошка, что её предки служили при дворе тайландских королей и что её голубые глаза могут стать совершенно красными, а это страшно.

Когда Сима неслышно подошла к праздничному столу, её глаза горели рубиновым огнём. Она с самого начала была уверена, что этот бездельник Евгеша поймал птичку специально для неё. Так почему же не отдать сразу?

Сима неслышно подпрыгнула и с охотничьим диким воплем повисла на сетке. Её когти, как и когти всех её родственниц, сиамских кошек, обладали очень неприятным свойством: если вцеплялись в занавеску, в пальто какого-нибудь гостя или в новое мамино платье, то очень трудно было их оттуда вытащить.

Сима закачалась на сетке. Мама вскрикнула и отскочила.

Евгеша остолбенел. Птичка заметалась ещё сильнее. Папина рука с сеткой дёрнулась вверх.

Сима раскачивалась и выла. Её красные глаза источали пламя. Но все быстро пришли в себя, потому что знали Симин характер. Мама и Евгеша засмеялись и приблизились, а папа стал отцеплять от сетки правую лапу кошки.

-Помогите мне, - он опустил сетку пониже.

Общими усилиями разжали по одному крючковатые когти Симы и кое-как выпутали их из сетки.

-Проваливай! - папа топнул на неё ногой. Сима сердито отошла на два кошачьих шага и оскорблённо смотрела, как сетку с ЕЁ птичкой подвешивают к абажуру.

-М-м-мне-е-е, - пробормотала кошка, - м-м-мне-е-е н-н-надо. А вам-м-м она м-м-мала.

Но её не послушались.

-Спать пора, - сказала мама.
И её послушались все.

2. Тревожная ночь

Спалось Евгеше плохо. Может быть, потому, что ночь выдалась душная и жаркая, снились ему страшные полёты в ночном небе. Он метался между высокими деревьями. Когда задевал провода, летели жёлтые искры. А за ним гонялись две совы и несколько летучих мышей. Совы скрежетали: "Держ-ж-жи!", мыши пищали: "Лови-и-и!" Евгеша отмахивался и кувыркался в тёмном воздухе, пока не упал с кровати.

На полу он обрадовался, что больше не надо удирать, почти до конца проснулся и тихонько пошёл в общую комнату, где на раскладном диване спали мама и папа. Чтобы они не проснулись, он не стал обуваться. Босиком, в зыбкой темноте, ещё покачиваясь, добрался до середины комнаты и остановился рядом с Симой, которая чутко дремала в ожидании добычи.

Птичка висела на сетке в неудобной позе, почти вверх лапками и не спала. Евгеша подумал, что зря не выпустили: хоть поела бы ночных мошек, а сова, наверно, давно улетела. Сима решила, что Евгеша тоже вышел на ночную охоту, и с уважением дважды двинула по полу хвостом. Белый фонарь за окном радостно вспыхнул красным в её глазах. Когда Евгеша остановился и поднял голову к птичке, Сима подошла и провела хвостом по его голой ноге.

-Съедим-м-м её в-м-месте, - сказала она. Но Евгеша, конечно, услышал только ласковое мурчание, потому что ещё не знал ни одного иностранного языка. Он строго погладил Симу по спине и отошёл к серванту.

-Н-не-е-еуч! - пробормотала Сима и легла дремать.

Евгеша подумал: "Такая ласковая, а птичек жрёт!" И тут же решительно забыл про Симу. Залез на стул и потянулся за Пегасиком. Всё же не очень-то хорошо быть маленьким. Нашупал на серванте Пегасика. Совсем высох. Можно унести. Взялся за воробьиный хвостик, слез на пол и неслышно ушёл в детскую. Там погладил игрушку по головке, поставил на стол, а сам лёг и задумался.

Хорошо Пегасику. Он деревянный. Если в огонь не попадёт, никогда ему не умереть. Но всё равно жалко его. Вот было дерево. Живое. Росло. Шишки на нём были. С орехами. Долго оно росло. Папа говорит, что лет триста. Это так много, что даже трудно представить. Потом за две минуты дерево спилили и повалили. Значит, убили. Потом обрубали все ветки. Жалко...

Евгеше стало снится, что он - дерево. Ему триста лет, у него много знакомых птиц, облаков и звёзд. Он ужасно много знает. Луна и Солнце с ним здороваются. Но вот пришли его спилить. Курят противный табак. Долго точат пилы и топоры. Долго спорят, куда валить. А он ждёт смерти и не может убежать...

Ужасный сон.

3. Утро, полное событий

Спасла Евгешу мама. Разбудила, когда его уже начали пилить.

-Сынок! Как это Пегасик здесь оказался? Сам ночью перелетел?

Евгеша вспомнил ночь, хитро улыбнулся и посмотрел на Пегасика. Гордо изогнув шею, Пегасик ярко блестел свежим лаком и улыбался солнечному лучу, который уже давно грел его через окно.

-Как хорошо ты его вырезал, - похвалила мама. - Смотри, он улыбается.

Евгеша встал и взял Пегасика.

-Ничего он не улыбается.

И поставил обратно на стол.

-Да смотри же! - убеждала мама. - На солнце лучше видно!

Евгеша взглянул и сел на кровать. Чудеса! На солнце Пегасик в самом деле улыбался.

-Ну, пусть ещё на солнышке понежится, а мы пойдём завтракать.

-А как птичка?

-Проснулась. После завтрака выпустим.

Евгеша заглянул к птичке. Она всё так же висела, уцепившись за сетку, а Сима не сводила с неё умильных голубых глаз.

-Не-е-еуч! - сказала она Евгеше.

Мама перенесла Пегасика на папин верстак - там больше солнца.

Сима на завтрак не пришла, плошка с молоком осталась нетронутой. Сима караулила добычу. Она так была уверена в своих силах и терпении, что никогда не отступала.

Выпускать птичку пошли всей семьёй. Евгеша открывал дверь, мама несла садок, а папа держал за шиворот Симу. Тихим от ярости голосом Сима ругала папу и норовила достать когтями, но не достала, а он всех выпустил, её поставил на пол и вышел сам, захлопнув дверь.

Оставшись одна, Сима сразу замолчала и бросилась в детскую. Там вскочила на стол, со стола перебралась на подоконник, а с подоконника - в открытую форточку. Сверху она горящими глазами наблюдала, как мама нежной рукой гладила гостью на прощанье и как потом добыча без страха упорхнула в яркое небо.

Пегасик тем временем сидел на верстаке и пытался вспомнить свою жизнь. Конечно, в это можно не поверить. Есть люди, которые не поверят даже в то, что деревяшка может сидеть. Считается, что деревяшка может стоять: стоят столы, стулья, шкафы и особенно столбы. Деревяшка может лежать — если она аккуратно положена на своё место. Наконец, деревяшка может валяться — если её бросили где попало. Но сидеть может только одушевлённое существо. А какая душа у деревяшки? Никакой и — никогда.

Но так думают скучные люди, которым уже ничего не интересно, и потому им кажется, что они всё знают. Нам с ними не по пути. Кто доказал, что дерево ничего не чувствует? Кто доказал, что у дерева нет памяти? Никто. А я держал Пегасика в руках. Я с ним разговаривал. Я гладил его по головке, которая вырезана из очень извилистого сучка. А то, что ум содержится в извилинах, известно, надеюсь, каждому. Вот и думайте, верить или не верить. Да это и не главное. Понимать надо — вот что главное. Один человек мне жаловался, что, мол, старается, работает, а его не понимают. Я спросил: "А душу ты в дело вкладываешь?" Он ответил: "А зачем?" Вот затем и надо, чтоб понимали. Люди ведь не глупее тебя, им видно: от души ты стараешься или только вид делаешь. В Пегасика, например, вложили душу сразу три человека. Поэтому, конечно, так и получилось, что, когда семья Малюхиных ушла выпускать птичку, на верстаке не стояла, не лежала и не валялась, а сидела и размышляла о своей жизни другая птичка — странный деревянный Пегасик. И мысли в его удивительной голове были вовсе не такие ясные, как у нас с вами. Их и мыслями пока не назовёшь: одни вопросы.

-Что же я такое? - спрашивал он себя. - По голове я — лошадь, по хвосту — птица, телом — лодочка, а называюсь — солонка. Я даже не знаю, сколько мне лет...

Если подсчитать, то на первый взгляд покажется, что Пегасику всего один день от роду — вырезан-то он вчера. И вспоминать ему будто бы нечего. Но всё не так просто. Брусок, из которого вырезан Пегасик, сделали из трёхсотлетнего кедра. Значит, и Пегасику триста лет? Но известно также, что всякое дерево за год прибавляет в толщине всего по одному тонкому кольцу. И в брусок попали, конечно, не все триста, а всего колец сорок-пятьдесят. Значит, и Пегасику лет сорок-пятьдесят? Вот как всё непросто. Но и за эти годы дереву есть что вспомнить. Что же вспомнилось Пегасику?

Три ветра из разных времён. Несколько выдающихся дождей.

Несколько особо трескучих морозов. Горячие, вкусные лучи солнца. Близкий удар грома откуда-то сбоку. Долгий, надоедливый скрип где-то вдали. Ещё какие-то события, которых он

не понимал. Главное, что он помнил всем телом, — это медленное, приятное движение древесных соков, откуда и куда - неизвестно.

Те времена, когда он был бруском, запомнились и того хуже.

Главное в этих воспоминаниях — боль. Когда пилили поперёк. Потом вдоль. Снова поперёк. Сверлили. Снова пилили. Резали. Последняя боль - от наждачной бумаги. Сильная - от грубой, потом слабее - от мелкой. Потом были ласковые прикосновения лаковой кисти, и Пегасик почувствовал на себе кожу - гладкую и прочную. Тогда он только чувствовал и слышал своим новым звонким телом. А потом была ещё боль, но уже приятная, какая бывает у туго связанного человека, с которого снимают наконец верёвку и можно размять затёкшие руки. Нож коснулся его боков — с одной стороны, потом с другой — и крылья освободились. Это было неожиданно и замечательно. Потом он почувствовал, что может двигать лапками, если захочет. Но его охватил радостный страх — а вдруг всё это снится? - и он решил пока не двигаться, подождать полной храбрости.

Нож стал причинять ему боль в других местах, и он почувствовал, как освобождаются глаза и рот. Ему захотелось крикнуть, побежать, полететь, но он дождался, пока его ещё раз покроют лаком, увидел близко лица Евгеша, мамы и папы и почувствовал, как они на него дышали. Потом он гордо сушился на серванте, незаметно поворачивал голову и за всеми наблюдал.

Самое удивительное, что он всех хорошо понимал.

-Вы оба вложили в него душу, - это сказала мама.

-К сожаленью день рожденья... - это крокодил Гена.

-Расти большой, сынок, - это папа сказал Евгеше.

-Ладно, - это ответил Евгеша.

-Ярко! Ярко! Почему уже день? - это кричала в сетке ночная длинноносая птичка.

-Никогда ничего не допросишься! Отдайте! Вам на всех не хватит! - это кричала Сима, когда висела на сетке с птичкой.

-Н-не-еуч, - это ночью и утром сказала Сима Евгеше.

-З-з-з-запах з-з-зам-м-ман-н-нчив, - а это только что прожужжала муха, садясь на верстак рядом с Пегасиком.

-Н-н-наверн-н-няка н-н-несъедобн-н-но, - ответила ей другая, кружась над верстаком. - Н-н-небось н-н-новый м-м-мухо-м-м-мор...

Пегасик рассердился и хлопнул крыльями. Он сделал это впервые, и крылья слегка подбросили его над верстаком.

-Ж-ж-живой! - тревожно загудели мухи и ударились об оконное стекло.

В это время к верстаку подошла Сима и всё увидела. Она была страшно рассержена тем, что выпустили птичку, и искала, на ком бы сорвать свой гнев. Собралась было дожидаться Евгешу и оставить ему на память пару хороших царапин, но тут же сообразила, что вместе с Евгешей вернётся папа, а он за такое злобство может в чулан запереть, без малейшей вежливости... И Сима пошла к верстаку, над которым жужжали две мухи - а вдруг удастся хоть одну поймать...

Увидев, что деревянная фигурка захлопала крыльями, Сима беззвучно метнулась вверх и прижала Пегасика к верстаку.

Деревянная фигурка вырваться не стала и крыльями больше не хлопала. На зуб она была тверда и гладка. Острые Симины когти с неё соскальзывали.

Сима отступила и замерла. Так она делала, когда играла с пойманной мышью. Мышка притворялась мёртвой, а когда её оставляли в покое, пыталась убежать. Но разве от Симы убежишь!

Деревянная птичка удрать не пыталась. Она уже три минуты лежала на боку без признаков жизни - деревяшка и деревяшка.

Сима тронула её лапой.

Твёрдая фигурка покачнулась. Кошка толкнула сильнее. Фигурка завертелась на месте, как та деревянная ложка без ручки, которой Сима играла в детстве.

-Н-н-не-е-е, - сказала Сима разочарованно. Она решила, что деревяшкины движения ей померещились.

В этот миг открылась дверь, и хозяева вернулись с пустой сеткой, громко разговаривая о птичке.

-Не расстраивайся, - говорила Евгеше мама.- У тебя ведь остался Пегасик. Будешь с ним играть.

Сима ещё сильнее рассердилась. Подумать только! Не она, ласковая, мягкая, живая Сима, осталась у этого недостойного сорванца Евгешки, не она, а вот эта неуклюжая, тупая, твёрдая, несъедобная и мёртвая деревяшка!

-Н-не я-а-а-а! - вскричала Сима и что было сил ударила Пегасика лапой.

Пегасик кувыркком полетел с верстака на пол.

Семья всё это видела, потому что дверь в мастерскую была распахнута.

Но не успела мама сказать:"Ах!", не успел Евгеша испугаться за свою игрушку, не успел папа броситься вперёд, чтобы спасти хрупкую фигурку от удара, как Пегасик у самого пола - второй раз в жизни! - распахнул крылышки, и они его подхватили. Он быстро-быстро ими замахал и стал подниматься. Сквозняк от распахнутой двери подхватил его и понёс в детскую комнату, где всё так же была открыта форточка, из которой Сима недавно следила за выпусканием ночной птички.

Сзади заскрежетали по полу когти - это обманутая Сима бросилась в погоню и поскользнулась на повороте.

-Ах! — сказала наконец мама.

-Ой! — сказал Евгеша.

Папа быстро наклонился, чтобы поймать Симу, но не успел: при крайней необходимости кошки бывают крайне проворны.

Сима одним прыжком заскочила на Евгешин стол, вторым – на подоконник, третьим оказалась уже в форточке. Протяни лапу — и дерзкий Пегасик попался! Но Сима чересчур сердилась и от этого слишком спешила. В форточке она потеряла равновесие и махнула когтями на целых полсекунды позже. Она промахнулась, обозлилась безгранично и, всё забыв, прыгнула вдогонку за добычей.

Может быть, Сима решила, что полетит не хуже этой неживой деревяшки, а то и лучше. И она полетела, растопырив лапы с готовыми к бою когтями, громко воя и помогая себе хвостом. Но Пегасик вильнул в сторону, а Сима, как ни вертела чёрным хвостом, стала опускаться всё ниже, пока не оказалась на коленях у соседской старухи, которая целыми днями сидела под Евгешиним окном на собственной табуретке и грызла семечки.

Старушка не любила котов. Кошек она тоже не любила. Она любила собак, но собаки всегда бегали мимо и к ней не подходили, потому что не ели семечек, а ничего другого у неё в руках никогда не видели.

Упавшая с неба Сима испугала старушку и рассыпала ей семечки. Хотя шлёпнулась Сима всего лишь с первого этажа, она всё же изрядно испугалась и повисла у старушки на подоле. Старушка начала стряхивать Симу и звать на помощь. Сима вопила и не разжимала когтей. Тут подросли Евгешины родители и стали спасать старушку и Симу друг от друга...

На небо в это время глядел один Евгеша, который не побежал на улицу, а высунулся в форточку. Только он и успел увидеть, как деревянная игрушка, всё увереннее махая крылышками, исчезла среди деревьев.

Отделив Симу от соседки, родители оглядели землю в поисках Пегасика, но ничего не нашли. Зато, подняв глаза, увидели, как Евгеша в форточке утирает скупые мужские слёзы и мотает головой. Тогда они поспешили вернуться в квартиру.

Дрожащую, урчащую Симу поместили на кухне перед блюдцем молока и приступили с вопросами к Евгеше. Но тут он не выдержал, улёгся на свою кровать лицом вниз и заплакал от души. Так от него ни слова и не добились.

А Сима не прикоснулась к молоку. Залегла под шкаф и целый день оттуда урчала сварливо, когда люди проходили мимо. Как все кошки на свете, она считала себя единственной хозяйкой в доме и терпеть не могла, когда её не слушались.

Вечером Сима ушла из дому. Она отправилась за Пегасиком. Он стал её врагом. Его следовало найти и растерзать.

4. Первое знакомство

Далеко от форточки улететь Пегасик не смог: в первом полёте всегда быстро устаёшь. Он опустился на ветку ближайшего дерева и привалился боком к стволу, потому что с утиными лапками сидеть на дереве не очень-то удобно. Устал он, между прочим, не оттого, что махал крыльями, а от волнения. Всё же многовато опасностей для начала да ещё без привычки: если бы с крыльями не совладал, мог расколоться об пол, а если бы кошка достала когтями... Ужас да и только.

-Тебя тоже отпустили? - раздался рядом тонкий голосок.

Только теперь Пегасик разглядел знакомую ночную птичку. Она сидела прямо на коре ствола, вцепившись острыми коготками и опираясь на хвост, расставленный веером. Пегасик ей обрадовался, но не было веселья в его ответе.

-Меня прогнала кошка. Я хотел бы остаться с Евгешей, ведь это он сделал мне и крылья, и глаза, и ноги, и рот. А вместо этого должен буду скитаться. Видно, нельзя человеку иметь друзей разного племени — от этого всем одни неприятности.

-Ты прав, - согласилась птичка. - Я очень благодарна Евгеше и за спасение от совы, и за то, что не стал мучить в клетке. Они хорошие люди, коль понимают.

-Что понимают?

-Что никому нельзя мешать жить. Я им не нужна - они меня отпустили. А кошка им нужна — она от них мышей отгоняет. Не летучих, конечно, а тех, которые под полом.

-Но ведь я им тоже нужен? - воскликнул Пегасик. - Разве справедливо, что кошке можно, а мне - нет?!

-А зачем ты им? Какая им от тебя ПОЛЬЗА?

Пегасик подумал и сказал, что не знает.

-Вот видишь, - важно ответила птичка. - Это они тебе нужны. Потому что они тебя сделали, и тебе без них не по себе. А ты для них ничего не можешь. Глаза и рты им вырезать не надо, а вместо крыльев у них такие руки, что ими можно сделать какое угодно чудо. Посмотри вверх, между ветками. Видишь белую полосу на небе? Это летит большая птица, которую сделали люди. Очень твёрдая и гладкая. Такая огромная, что может возить в себе сразу множество людей. Я была там, где эти птицы отдыхают. Это место называется — аэродром. А птицы — самолёты. Чтобы лететь, оне отталкиваются огнём. Очень страшно... Переносить людей по воздуху ты ведь не сможешь, верно? Значит, тебе надо хорошенько подумать и решить, для чего ты живёшь.

-А почему я должен об этом думать?

-Дело в том, - сказала ночная птичка, - что все умирают. Я-то уж точно умру. Это сказала моя бабушка, а ей я доверяю... И вот перед самой смертью у меня будет решающий миг. Даже если меня убьёт сова или я полечу днём и во что-нибудь врежусь, я всё равно успею вспомнить главное в моей жизни. Если было в жизни самое главное, тогда умирать не страшно. А если не было от тебя пользы, значит и тебя не было. А это обидно, верно?

-Что же это такое - самое главное?

-Это то, для чего ты жил. Вот я живу для того, чтобы ловить ночью лишних комаров, мошек и бабочек. Если их не ловить, они расплодятся в таком количестве, что съедят всех.

-А совы для чего? - спросил Пегасик. - Они ведь едят вас...

-Вот этого не знаю, - птичка вздохнула. - Нас не так уж много, работы целая пропасть - комаров-то всех никогда не переловишь. Зачем же ловить нас?!

-А люди для чего?

-Люди? - птичка задумалась. - Мне кажется, люди нужны всё-таки для справедливости. Например, когда мы не справляемся с комарами, они нам помогают: убивают комаров особыми дождями и дымом. Бывало, даже слишком хорошо помогали, изводили их всех, и нам становилось нечего есть. Но я тех времён не помню, это рассказывала бабушка. Вот только сов люди почему-то не истребляют. А зря. Не нужны они. Даже вредны.

-Для чего же я? - тихо спросил Пегасик.

-А ты, я полагаю, просто ошибка. Люди делают много ошибок. Например, всюду натянули провода: это очень опасно. Или, скажем, ночные фонари: они ведь только мешают летать. Вот так и ты. Они тебя сделали, а какую поручить пользу - не придумали.

Пегасик не знал, что ответить. Он хотел сказать, что и ему нашлось бы дело, если б не Сима. Например, он от всех бы отгонял невоспитанных мух. Даже с большим удовольствием. Или обмахивал бы крыльями Евгешино папу, когда ему станет жарко от работы... Но он чувствовал, что птичке эти занятия не покажутся серьёзными. Глотать же мошек и комаров ему не хотелось. Ему вообще не хотелось есть. Рот у него был не для того, чтобы есть, а — чтобы разговаривать.

Они молчали долго. Потом птичка спросила:

-Ну, что же ты решил?

-Когда они обо мне говорили, - вспомнил Пегасик, - я слышал слово "солонка" и слово "уточка". Ты не знаешь, что это такое?

-Уточка - это такая птица. Она живёт с людьми и несёт им яйца. А вот ни одной солонки я в глаза не видела, - призналась птичка.

Они ещё помолчали и подумали.

-Знаешь, - сказала птичка, - от меня тебе вообще мало пользы. Я ведь существо ночное. Нас мало таких. Мы да совы, да мошки эти глупые, да наши друзья летучие мыши, да звезды, да некоторые звери в лесу. Впрочем, вот ещё кошки как будто. Но люди так их разбаловали, что почти все они по ночам спят. Иногда даже в одной постели с людьми. И мыши их не очень-то боятся. Кошки - лишние твари, вроде сов.

-А кто такие звёзды?

-Этого я сама не знаю, - птичка немного смутилась. - Звёзды как будто не очень далеко, но к ним никак не долетишь. И даже ничего не спросишь. Их на небе полно, но все они молчат, только слегка подмигивают. Они как глаза и как огоньки. Я их не понимаю.

-Я тоже умею видеть ночью, - сказал Пегасик. - Но на солнышке мне нравится больше.

-Значит, ты существо дневное, - решила птичка. - А меня солнце слепит... Знаешь, тебе надо поговорить с дневными птицами. Они тебе расскажут, для чего живут, тогда ты что-нибудь придумаешь и для себя. Познакомься с воробьями и с голубями. Они живут в городе. Их полно повсюду.

-Как же я их узнаю?

-Ну... воробей похож на меня, только он чуть крупнее, и клюв короткий... А голубь... Он гораздо больше воробья и гораздо важнее, потому что одет богаче. Но, как мне кажется, все красавцы обычно глупы, ленивы и прожорливы. Поэтому ничего не знаю о голубях. А с воробьями разговаривать приходилось. Можешь к ним обращаться смело, их жизнь трудна, поэтому они довольно простые и понятливые.

Птичка насторожилась, послушала и указала носом в ту сторону, откуда слышался звонкий шум.

-Туда лети. Это их голоса. А я посижу до темноты здесь, только место переменю, чтобы случаем кошка не достала. Будь счастлив.

Птичка ласково кивнула Пегасику и, шурясь от света, осторожно перепорхнула на самую тонкую веточку.

5. Друзья и враги

Звонкий шум доносился от высокого здания без окон, которое стояло на берегу реки и было обнесено забором такой высоты, что даже человеку не перелезть. Во двор въезжали грузовики, с кузовов снимали брезент, потом особый подъёмник наклонял машины, и из них высыпалась пшеница. Зерно было Пегасику безразлично, как и всякая другая еда. Пока летел, он догадался, что пищей ему служит солнечный свет. На солнце у него прибавлялось сил, становилось веселее. Более того, он почувствовал, что поток солнечного света не всегда одинаково хорош. Была одна струя с такими горячими и вкусными СВЕТОНАМИ, что он даже покувыркался в ней немного, хотя первое кувыркание в воздухе всегда страшновато. А там, где свет проходил сквозь лёгкие небольшие облачка, он лился более прохладными и пресными струями, светоны летели как-то лениво и в тело проникали не так глубоко.

-Что ещё за светоны? - спросил Пегасик сам себя. И удивился, что знает ответ: это частицы света.

Он понял, что о светонах рассказала всё та же древняя память.

-Ладно. Светоны так светоны.

Он покружился над навесом, где из машин высыпали зерно.

Под навесом находился бункер. У бункера не было дна, и зерно сыпалось вниз, неизвестно куда.

Когда кузов наклонялся, некоторые зёрна отлетали и падали на каменный пол. Тут их и подбирали птицы. Птиц было много. Голубей Пегасик различил сразу. Крупные, нарядные, гладкие - одни торопливо клевали пшеницу на полу, а другие даже не боялись, хлопая на месте крыльями, хватать её прямо из кузова. Среди них сновали шустрые малыши в чёрно-коричневых и серых пёрышках. Им доставалось меньше зёрен, потому что приходилось ещё уворачиваться от ударов - голуби не церемонились и хорошего тона не признавали.

Пегасику сразу не понравились невоспитанные и прожорливые красавцы: стыдно клевать того, кто меньше. Он не стал к ним даже приближаться, а сел в сторонке, рядом с черноголовым воробышком, у которого явно кружилась голова.

-Что с тобой? - спросил Пегасик. Из разговора с ночной птичкой он понял, что среди летающих принято обращаться сразу на "ты". Воробей косо на него взглянул и грубо чирикнул:

-Ныр-р-ряй ты в воду!

-Я могу, - Пегасик удивился, - но зачем?

Воробей мутным глазом присмотрелся получше и тогда удивился тоже:

-Ты кто такой?

-Я - деревянный живой Пегасик. А ты - воробей, верно?

-Ха! - сказал воробей. - Кем же мне ещё быть-то? Само собой.

-Ты сказал, чтобы я нырял в воду. Зачем надо нырять?

-Ничего не понимаешь, - воробей вяло улыбнулся, но тут же присел от боли. Медленно покрутил головой, как бы прогоняя боль, и объяснил: - Это просто поговорка. Присказка, присловье, посылка. Дескать, не мешай, уходи, проваливай, убирайся. Понял?

-Вроде понял. Но тебе ведь плохо?

-Плохо, неважно, даже паршиво и никчёмно. Только ты ведь не поможешь, не пособишь и не поспособствуешь. Голубя разве поколотить... Да нет, не надо. Он от этого не поболеет. И не поумнеет.

-За что надо поколотить голубя? - спросил Пегасик. И подумал: "Может быть, это как раз и есть моё главное дело - колотить голубей и не зря прожить жизнь".

-Он меня "приголубил" из-за пшеничного зерна, - вздохнул воробей. - Только бить его, говорю тебе, не стоит, бесполезно, напрасно, даже бессмысленно. Он просто несчастный и глупый. И жить ему недолго.

-Почему он глупый? Почему жить недолго?

-Вот он прожорлив - это несчастье. От прожорливости он глуп. А от глупости всегда рано умирают. Вернее - погибают. Короче, у него брюхо - всему голова, ныр-р-рял бы он в воду! - Воробей громко сердито чирикнул и опять присел от боли.

-Я его побью! - вскричал Пегасик. - Покажи мне его!

-Не надо, - воробей улыбнулся. - Ну побьёшь, поколотишь, отгузишь, задашь трёпку, даже влочишь ему - будет он тебе зёрна уступать. А меня-то всё равно бояться не будет.

-Это верно, - согласился Пегасик. - А зёрна мне не нужны.

-Чем же ты кормишься, питаешься, лакомишься, пробавляешься? Мошками, цветами?

-Светом.

-Как это здорово! - воробей вздохнул. - Замечательно, восхитительно, даже превосходно и несравненно. Вот бы мне!..

-Так попробуй.

-И попробую, попытаюсь, даже дерзну и рискну. Просто досадно, обидно, горько, грустно и даже печально, что я сам до этого не додумался. Я, знаешь ли, очень, шибко, весьма, даже ужасно обожаю думать.

Боль в воробьиной голове, по всей видимости, начинала проходить. Глаза прояснились. Новый знакомый стал с любопытством разглядывать Пегасика.

-До чего ты интересный, занятный, даже удивительный! У тебя пустое тело - как лодочка, ложечка, мисочка, солоночка.

-Солоночка? - вскричал Пегасик. - Ты знаешь, что такое солоночка?

-Видел, знаю, представляю, воображаю, соображаю.

-Так говори же! Ведь это я - "Солонка-Уточка"!

-Никакая ты не уточка, - воробей засмеялся. - И уж тем более, абсолютно, совершенно, точно не солонка.

Пегасик, благодаря своему крепкому и живому уму, быстро научился терпеть замысловатую речь воробья и теперь уже вполне терпеливо ждал её окончания.

-Ибо солонка, - продолжал воробей, - есть не более чем сосуд, ёмкость, контейнер, словом, хранилище для соли. А соль - это такая человеческая еда. Она как песок, только белая, как сахар, только не сладкая, а наоборот, невкусная, малосъедобная, неудобоваримая, даже противная. Люди, сидя за столом и поедая пищу, посыпают её солью. Они берут соль из солонки прямо пальцами, что является признаком невоспитанности. Солонка в это время стоит молча и неподвижно. А ты - вона! - летаешь и говоришь. Словом, забудь о соли, ныр-р-ряла бы она в воду!

-Значит, я не солонка?

-Отнюдь не солонка, вовсе не солонка, далеко не солонка, совершенно и абсолютно не солонка! Ты, мой дорогой, скорее лодочка, судёнышко, кораблик. Ты, пожалуй, смог бы перевезти меня через реку, если бы я не летал. Ну-ка, позволь мне в тебя забраться!

Пегасик охотно позволил, и воробей вскочил в углубление, которое, как мы знаем, на самом-то деле и было сделано для соли.

-Превосходно, безусловно, блестяще, даже потрясающе!

Воробей весело выпрыгнул и заскакал вокруг Пегасика, продолжая его разглядывать то одним, то другим глазом. Вежливо потрогал клювом лапки и крылышки, погладил хвостик и гриву, потом вдруг топнул своей лапкой и сморщился:

-Ныр-р-рял бы я на дно! Прими скорее мои извинения и заверения в совершеннейшем к тебе уважении! Ведь я же до сих пор не представился! Не назвал своего имени! Не отрекомендовался!

Он сделал шаг назад и коротко поклонился:

-Воробей.

-Так я это уже знаю,- Пегасик улыбнулся.

-О нет! Ты неправ, ты заблуждаешься, даже впадаешь в ошибку! Когда ты спросил, не являюсь ли я воробьём, ты ведь имел в виду, подразумевал, хотел уточнить просто название птицы, отличающейся, скажем, от голубя, утки, ястреба, чтоб ему нырять, и так далее, и прочая, и в таком же роде. Я в этом смысле ПРОСТО воробей, как и все вон те славные ребята. Я, как они, питаюсь тем, что удаётся стащить, за это моё племя и носит название "воробей", что у людей означает:"Вора бей!" Но я, по мнению моих родственников, знакомых и врагов, такой ворюга, что моё первое, родное, настоящее имя все давно забыли и дали это воровское прозвище - Воробей. Понял?

-Понял, - пробормотал смущённый Пегасик. - А какое же у тебя первое, родное, настоящее имя?

-Семён. А для мамы - Сёма. Одна мама ещё так меня зовёт. Именует. Кличет. Величает. Остальные - дразнят Воробьём.

Пегасик постеснялся спрашивать, за какое же это особенное воровство Сёма получил своё прозвище. Он решил, что приличнее будет перевести разговор на другую тему.

-Для чего живут воробьи?

-Как это для чего? - Сёма удивился.- Только для свободы.

-Для какой свободы? - Пегасик не понял.

Тогда ещё больше удивился Сёма.

-Ты что же, не знаешь, что такое СВОБОДА? Не представляешь? Не ведаешь? Не разумеешь? Не в курсе? Для чего же ты сам тогда живёшь?

-Эх, если бы знать, - Пегасик вздохнул.- Я ведь и живу-то первый день. То есть, раньше тоже была какая-то жизнь, да я помню из неё всего несколько маленьких кусочков.

-Рассказывай! - потребовал воробей.- Всё поведай мне до последней мелочи, и мы во всём разберёмся, дойдём до самой сути, как сказал один человек, до основанья, до корней, до сердцевины. И даже до дна - это я добавляю от себя.

Рядом гудели и скрежетали грузовики, шумели потоки пшеницы, кричали и дрались воробьи и голуби, и только один черноголовый воробышек по имени Сёма и по прозвищу Воробей тихо слушал рассказ невиданного деревянного существа и лишь иногда не выдерживал и восклицал: "Ух ты, чтоб я нырять!"— или: "Знаю, знаю я эту Симу, чтоб ей нырять!" — и наконец: "Это невероятно, небывало, бесподобно, даже уникально и колоссально!"

После рассказа Пегасика Сёма долго молчал и думал. Ничего больше не мог сказать и Пегасик. Начиная описывать свою жизнь, он надеялся, что, может быть, при этом и сам что-нибудь поймёт. Но только ещё больше запутался.

-Значит, так, - сказал наконец воробей.- Ты сделан, скорее всего, или из сосны или из кедра. Не только они имеют шишки, но еловую древесину, так же как и пихтовую, для сувениров не употребляют.

-Я - сувенир? А что это такое?

-Это подарок, красивая безделушка. Понял?

-Значит, я и в самом деле ни к чему не годен, - пробормотал вконец огорчённый Пегасик. Он вспомнил слова ночной птички: "Ты просто ошибка. Люди делают много ошибок".

Но Сёма возразил уверенно и сразу.

-Ни к чему не годен тот, кто ни о чём не думает, - заявил он строго. - Как можешь ты знать что-нибудь о себе, если даже не ведаешь, не представляешь, не можешь вообразить, что такое свобода? Вот что сделаем. Я не буду учить тебя уму-разуму, воспитывать тебя, вправлять

тебе мозги или там наставлять на истинный путь. Я просто кое-что расскажу тебе о той жизни, которую я знаю, а после этого мы с тобой отправимся, отбудем, полетим, устремимся, даже рванём... Куда рванём, я пока не представляю, не кумекаю и не соображаю. Но это мы решим вместе, если захочешь...

-Я уже хочу, - быстро сказал Пегасик. - Я с тобой, Сёма, хоть куда хочу.

Воробей вздрогнул, с признательностью посмотрел на Пегасика.

-Ты назвал меня моим первым, родным, настоящим именем,- сказал он значительно. - Правда, ты ещё не знаешь, что такое свобода, но всё равно мне очень, весьма, даже чрезвычайно радостно, чувствительно и приятно, что ты меня так назвал. Если ты повторишь это, когда узнаешь о свободе, значит мы можем друг другу доверять, друг на друга надеяться и положиться, на мир смотреть одними глазами и даже стать друзьями.

-Говори же скорее, - попросил Пегасик, - что это за штука - свобода.

Сёма поглядел на него внимательно ясным круглым глазом, вздохнул и начал говорить:

-Прежде всего узнай, что СВОБОДА -- это не штука, не вещь, не предмет, а, скорее всего, состояние. Болезнь - это состояние, голод - это состояние, глупость - это состояние, радость - это состояние. Понимаешь меня? Состояние - это то, что или есть или его нет. Неволя, например, тоже состояние. А СВОБОДА - это состояние, когда нет неволи, когда можно лететь куда угодно и делать что угодно в любой момент. Тебе нравится свобода?

-Нравится, - сказал Пегасик. - Даже очень и весьма.

-Тогда слушай дальше, - сказал Сёма и погрустнел. - Ты должен узнать, что воробей - самая свободная птица на свете. Он так свободен, так независим, так правильно воспитан, что жить в неволе долго не может. Он умирает в клетке от тоски по свободе. Даже тесная комната для него - клетка. Ты уважаешь воробья?

-Уважаю, - сказал Пегасик. - Даже весьма и очень.

-Что ж, хорошо, - прошептал Сёма и стал совсем грустным. - Узнай тогда и самое главное. Воробей - такая же несвободная, подневольная, бесправная птица, как и все остальные, которые живут стаями: голуби, утки, куры, гуси, галки. Люди, между прочим, тоже, как мне кажется, могут жить только стайей.

-Чем же это плохо? Все вместе...

-Воробьи думают, что это хорошо, в том-то и беда. Они думают, что в стае легче спастись от хищной птицы и легче добывать пищу. Но это ведь не так. Вот волкам или собакам легче кого-нибудь вместе загрызть. Зато труднее разделить еду по справедливости. Муравьям - я видел их в роще - легче, проще, быстрее, удобнее, надёжнее, выгоднее построить вместе муравейник. И пищу они добывают вместе, и дом свой защищают, и врагов убивают... А голуби? Ястребу труднее заметить одного, чем целую стаю. Одного и кошке труднее выследить. Так нет, они летают стайей, сидят стайей, и всем их врагам очень даже удобно, выгодно, сподручно выбрать кого пожирнее.

-А если поставить сторожей? - спросил Пегасик осторожно.

-Какие там сторожа, одна видимость, Каждый старается быстрее всех набить желудок, живот, пузо, брюхо, чрево, и никто не думает, а просто делает, как все: объедается и всё вокруг себя пачкает.

-Но вместе со всеми веселее, - возразил Пегасик. - У других можно чему-нибудь научиться. Кто-то тебе поможет, кому-то поможешь ты... И насчёт справедливости можно всем договориться. Я вот всего день прожил на свободе, а мне уже очень одиноко.

-Это потому что ты не жил в стае, - сказал Сёма твёрдо. - Представь себе, какая это жуть, какой ужас, какой кошмар, какое безобразие: стая ничего не хочет знать, кроме своей свободы. А что это за свобода, если ни о чём, кроме еды, больше не думать?! Мы летим куда хотим, мы едим что хотим, мы дружно и свободно ругаем голубей, а сами мы - такие же обжоры и неучи, как эти голуби. Скучно мы живём. Понял? Скучно, грустно, а также нудно, серо и неинтересно. Даже вообще бесцветно, безвкусно и убого.

-А ты знаешь, как надо?

-Знаю. Надо жить не только свободно, но и интересно. Я летал в поле. Там жаворонки. Они почти такие же, как мы, только с хохолком на голове. Но как они живут! Утром раненько, перед самым восходом солнца они взлетают повыше и поют. Я пробовал. У меня плохо получалось, но это безумно интересно, увлекательно, привлекательно, завлекательно, развлекательно, соблазнительно, даже поучительно. Я звал воробьёв на поля. Там полно пищи и нет голубей. Там нет кошек и хочется петь. Нет, им не хочется. Ястребов они боятся. Так ястребов и в городе полно... Тогда я полетел в аэроклуб. Это вон там, за рекой, довольно близко. Там летают люди.

-На твёрдых и гладких птицах? Которые отталкиваются от воздуха огнём?

-Немного по-другому. Те, что отталкиваются огнём, летают очень быстро, очень высоко и по прямой. Они перевозят людей, как вон та машина перевозит пшеницу. А в аэроклубе люди летают в одиночку. И делают в воздухе разные фигуры. Я посмотрел, поучился и теперь умею уворачиваться в воздухе и от ястреба, и от коршуна, и от кобчика - от кого угодно. Сколько раз уже я отвлекал хищников от своей стаи. Многих наших от съедения спас. А позвал в аэроклуб учиться - не хотят. Надо же через реку лететь, а голуби тут без них всё поклюют... Вот такие разговоры. Я рассердился, накричал на них, начирикал, наорал, нагрубил... И мне запретили учиться. Но как можно запретить свободной птице?! Я, конечно, не послушался, стал учиться дальше, но тайком, потихоньку, скрытно, воровски. Когда выучился читать, все возмутились, собрали слёт и сказали: "Кто учится воровски, тот вор из воров, то есть ворюга. За это того, кто был Семёном, осудить на новое имя - Воробей. Конечно, бить его не надо, но не будем и защищать". Вот так, Пегасик, я и живу. Свободный воробей в свободной стае, а всё равно одинок. Лучше уж тогда совсем одному. Я давно бы от них улетел, да скучно без никого. Поговорить не с кем. И немного страшновато. Друг нужен. Товарищ и брат.

И он вопросительно посмотрел на Пегасика.

Пегасик не колебался ни секунды.

-Мой дорогой Сёма, - сказал он торжественно, - ты, может быть, обидишься за свою стаю, но, по-моему, все они довольно глупы, ибо только глупцы не хотят учиться.

-А также олухи, - подхватил Сёма, - охламоны, лодыри, балбесы, оболдуи, тунеядцы и даже, я бы сказал, всякая шпана.

Пегасик засмеялся и спросил:

-Откуда ты знаешь столько разных слов?

-Я самостоятельно изучил два языка, - сказал Сёма. - Я свободно читаю на русоком казённом и довольно успешно пытаюсь так же свободно овладеть русским литературным — без словаря, по-письменному и по-печатному.

-Разве может быть два русских языка? -- Пегасик изумился. - Правда, сам я слов пока знаю мало и читать не умею, но различия в одном и том же языке, наверно, никогда не увижу.

-Разница между казенным и литературным языками, - Сёма улыбнулся и стал похож на Евгешинога папу, спокойного и терпеливого, - заключена в порядке слов, только и всего. Это легко увидеть на примере. Давай полетим вон к тому щиту, на котором наклеены разные бумажки. Это доска объявлений. Сядем на козырёк.

Они вспорхнули и под осуждающими взглядами двух стай, давно за ними наблюдавших, перелетели на щит. Сёма свесил голову с козырька и похвалился:

-Читать нередко приходится вот так, вверх ногами, но если очень захотеть, можно и этому выучиться.

-Какая птицам польза от человеческих объявлений?

-Сейчас сам поймёшь, - чиркнул Сёма и стал читать: - "ПРИКАЗ ПО ЭЛЕВАТОРУ №13. Параграф1. Ввиду уборочной кампании выходные дни во всех подразделениях отменяются до её окончания с последующей денежной компенсацией или присоединением их к очередному отпуску в соответствии с распоряжением..." Ты понял что-нибудь?

-Ничего не понял, - признался Пегасик. -- Это какой язык?

-Это казённый. Тут было написано, что в те дни, когда людям разрешено не работать, они всё равно будут работать, трудиться, вкалывать и даже вламывать. Теперь понял?

-Всё равно не понял.

-Завтра воскресенье, то есть выходной день. По выходным люди обычно не работают, а выходят погулять, отдохнуть – так они договорились когда-то. Понял?

-Понял.

-Значит, завтра сюда не должны возить пшеницу, да?

-Да.

-А её будут возить, потому что выходной отменяется. Понял?

-Понял. У вас будет еда.

-Молодец! Только не У НАС, а У НИХ, у этих неучей и лодырей. Мы же с тобой - улетим. Во-первых, отныне я буду презирать еду и питаться светом, как ты. А во-вторых, сдушай, что там написано дальше, самое интересное: "Параграф 2. За систематическое пьянство и прогулы... лишить премии в размере..." Нет, не то. Вот: "Параграф 3. Ввиду уничтожения голубей сего числа, электросвет в помещениях элеватора не включать. Контроль за исполнением поручить..." Дальше неинтересно. Понял?

-Какой ужас! - воскликнул Пегасик. - Жалко ведь голубей, хоть они и невежи. Их надо предупредить...

-Ныряй они все в воду! - грубо прервал его Сёма. - Думаешь, я такой негодяй, что прочёл и промолчал? Я ещё вчера им всё пересказал. Слово в слово. Понял?

-И что же?

-Не поверили: "Пока мы улетим и прилетим, вы всю пшеницу поклюёте". Сегодня их стая уже вдвое меньше, а им хоть бы что. Считать-то не умеют!

-А это ты им сказал?

-Сказал. Сегодня же утром. Знаешь, что ответили? "Ты нас пересчитал, теперь все помрём, проклятый ворюга". Это у них суеверие такое. Я стал ругаться - дали клювом по голове. Врезали. Вмазали. Вломили. Шарахнули, навернули, саданули, приложились, чтоб им нырять! И ведь никто не заступился. Вот она, их свобода!

-Что же с ними будет?

-Давай, оставайся, если хочешь. Всё увидишь. Ты же видишь в темноте. Но лучше я тебе так расскажу, а то твоя нежная душа может не выдержать. Только летим отсюда.

И он на лету стал рассказывать Пегасику, как прошлой ночью в зерносклад вошли люди с мешками, лесенками и фонариками. Хватали спящих голубей - и в мешок. Всех забрать не успели, потому что устали, и мешки кончились. Сегодня, когда стемнеет, придут опять.

-И воробьёв - тоже? - спросил Пегасик.

-Нет, не достали. Воробьи всё же знают меня лучше, чем голуби. На всякий случай сели под самой крышей - там тесно, зато людям не добраться. Да и не такой от нас убыток, как от голубей. Едим-то меньше...

-А если бы дотянулись?

-Конечно, тоже в мешок. Всё же ведь вредим. Им всё равно, что мы ещё мошек ловим, бабочек. Они только видят, как зерно клюём. А мы ведь клюём только то, что они обронили, потеряли, бросили, плохо положили. Но люди любят стрелять из пушки по воробьям. Бывало, целые человеческие народы объявляли нашему роду войну.

-Откуда ты всё знаешь? - изумился Пегасик.

Как раз долетели до реки, и Сёма предложил отдохнуть. На берегу нашли безопасное место в заброшенной железной барже, и Сёма, отдышавшись от разговора на лету, сказал:

-Открою тебе тайну. Нашим не говорил, чтоб не помешали, а тебе можно. Читать я учился в школе, прошлой осенью. Садился в первом классе на открытую форточку и слушал молча, не чирикал. Иногда дети меня замечали, начинали вертеться, и учительница меня

прогоняла. Я научился подлетать к окну совершенно, идеально, абсолютно бесшумно, как сова или бабочка. Притом выбирал таких учителей, у которых дети не отвлекались, а слушали открыв рты. Я тоже слушал как следует и за один учебный год окончил три класса. Пытался учиться и в этом учебном году. Почистил перья, вспомнил всё, что прочёл за лето, и первого сентября бесшумной тенью сел на форточку четвёртого класса "А". Но там ребята постарше, они уже многому обучены. В меня стрельнули из резинки металлическим "комариком" и попали по голове. Хорошо, что внизу было парадное крыльцо: я вспомнил уроки, которые брал в аэроклубе, и кое-как спланировал крутой спиралью на бетонный козырёк. Когда к вечеру отлежался, то решил, что лучше жить с начальным образованием, чем погибнуть с незаконченным средним. Ведь можно, наконец, продолжать учёбу и не в школе, самоучкой. Пусть без системы, но зато и без риска для жизни. Верно?

-Верно, - согласился Пегасик. - Где же ты учился дальше?

-На городской свалке. Читал выброшенные книги, газеты, плакаты, квитанции. Там благодать: всегда тепло, потому что круглый год мусор сжигают. И всегда полно продуктов, а много ли воробью нужно! Однако меня возненавидели, невзлюбили, воспылали ко мне враждой вороны и сороки, чьи гнёзда во множестве расположены по берёзам вокруг свалки. Они решили, что я разведчик и приведу на свалку всех городских птиц. Еды там, конечно, хватило бы всем. Но жадность и скупость - пороки непобедимые. На меня стали охотиться и чуть не заклевали. Никаких объяснений они просто не стали слушать. А когда трое посыльных не смогли меня прогнать — благодаря всё тем же занятиям в аэроклубе — обе стаи сорвались с берёз, и только высший пилотаж да воспитанное в боях хладнокровие помогли мне убраться оттуда живым и даже без единой царапины.

-Так и окончилось твоё образование?

-О нет, что ты! Зачем, отчего, почему? Образование бесконечно, было бы желание. Существует склад макулатуры, я попробовал устроиться там. Было много старого тряпья, много бумаги и даже книг, среди которых попадались и новые. Но всю бумагу там крепко связывают в пачки - не полистаешь. Вот ведь какая несправедливость. С одной стороны, очень хорошо, что люди выбрасывают книги: всякая птица, всякий зверь может получить почти человеческое образование. Но с другой стороны, это плохо, ужасно, отвратительно и даже гнусно, когда книги связывают — тогда они становятся бесполезными. Словом, на складе макулатуры я не задержался.

-И никаких других складов нет?

-Есть ещё книжные магазины, Но там книги не читают. Их там продают. А откуда у воробья деньги? Да и что это за мода - ПРОДАВАТЬ КНИГИ?! Их дарить надо или хоть выбрасывать... Но я нашёл кое-что получше, чем склад, магазин и даже свалка. То есть, нашёл-то давно, а вот решился только в самом конце, когда читать стало негде. Я отправился в библиотеку. Это самое прекрасное место на свете. Во-первых, туда всех пускают. Во-вторых, книги можно и там читать, и унести на время домой... А главное - можно выбирать!

-Что же ты сразу туда не обратился? - воскликнул Пегасик.

Сёма потупился, помолчал, потом махнул крылом и признался:

-Это самая страшная моя тайна. Но уж ладно, от тебя секретов нет. Я, видишь ли, плохо переношу насмешки. От этого я стесняюсь учёных. Когда свои дурачки ругают или тупицы голуби дерутся — это ничего, это мы терпим. Но если я прилечу в библиотеку, а кто-нибудь покажет пальцем: "Смотрите, воробей тоже почитать захотел!", а остальные засмеются, я тогда, наверно, умру от стыда. И за себя, и за своё к ним уважение. Поэтому до сих пор не решался. Но теперь просто некуда деться. Нет сил быть необразованным, когда другие идут вперёд. Сегодня как раз хотел подкрепиться на прошанье и махнуть в научную библиотеку: если уж и посмеются, так хоть настоящие профессора. А может, и не посмеются — культурный ведь народ... Но ты сам видел, каков я был, когда двинули по черепу. Куда лететь с такой головой? Однако же, вот счастье: не полетел в библиотеку, зато встретил тебя. Как говорится, нет худа

без добра. Теперь вдвоём. Немного подучишься читать да летать, а там холода наступят - самое время поселиться в читальном зале. Ну, полете...

Он замолк на полуслове и прислушался, вытянув шею. Пегасику тоже почудился лёгкий шорох и он стал оглядываться.

Друзья сидели на поперечной балке под палубой - вполне безопасное место, где нельзя застать врасплох. Но как знать, что за враг подобрался на тихие звуки их голосов?..

Через открытый люк виднелось небо. И в эту синеву вдруг воткнулись длинные чёрные усы, острые, как иглы. За ними чёрным уголком появилось насторожённое ухо. Голубые глаза пронзили полумрак под палубой, нащупали Пегасика и вспыхнули красным пламенем.

-Не уйдёшь-ш-ш-шь!..

Сима изогнулась, положила чёрную лапу на поперечную балку и сделала вид, что сейчас нападёт.

У Пегасика вздрогнули крылья, но тут же он услышал спокойный шёпот Сёмы.

-Сидеть! Через люк она не выпустит, а по балке ей можно только ползком - не догонит.

-Доска! - шепнул Пегасик.

Под ними от борта к борту была переброшена доска, вся покрытая мелкими круглыми ожогами. Это двоечник из 4-го "А" класса, который стрелял в Сёму железным "комариком", курил здесь потихоньку от взрослых с двумя друзьями, такими же бездельниками, как и он сам. А окурки гасили о доску.

-За мной! - скомандовал Сёма и поскакал по балке в сторону от люка. Пегасик побежал за ним. Скакать он не умел да и бежал не резво - утиные лапки не для того предназначены.

Сзади заскрежетали по ржавому железу кошачьи когти.

Сёма коротко оглянулся на люк, повторил: "За мной!" и кувыркнулся с балки. Пегасик ринулся следом, стараясь повторять все его движения.

Сима тоже была уже в воздухе. Она прыгнула вниз, на доску, и, сильно от неё оттолкнувшись, попыталась достать Пегасика. Но друзья полетели не в сторону от балки, а нырнули под неё, и застать их над доской Симе не удалось. Поняв это, она в воздухе взвыла от ярости, и её расставленные когти рассекли пустоту с тонким свистом.

А пока Сима опускалась на доску в полном бессилии и мчалась по ней к люку с остатками надежды, Сёма с Пегасиком уже вылетели на волю.

Сима легче пуха взвилась на палубу и проводила острым взглядом врага, летевшего на другую сторону реки. Её когти медленно и тихо скребли ржавую палубу старой баржи. В бессильном гневе Сима даже испытала озноб, от которого вся её шерсть ненадолго поднялась дыбом. Надо же: хитрющая живая деревяшка и этот ворюга Воробей нашли как-то друг друга и объединились! Будь Сима побольше ростом, она разорвала бы в клочья эту железную калошу, у которой такой широкий люк и такие неудобные поперечные балки и доски!

Но надо было что-то предпринимать. Сима легла на палубу, немного подумала и решила, что бороться сразу с двумя врагами будет, конечно, труднее, но зато и расправа будет слаще, ибо постигнет их обоих разом. Она представила, как в последнем решающем прыжке достаёт левой лапой воробья, а правой и зубами — деревянного притворяшку, и к ней вернулась радость жизни.

-Обоих-х-х, - прошипела мстительная кошка и, спрыгнув с баржи, помчалась к мосту, который чёрным горбом нависал над рекой в лучах заката.

6. Опасная переправа

Над рекой летелось труднее, чем над сушей. Пегасику казалось, что небо давит сверху и прижимает его к воде. Он сказал об этом Сёме.

-Так оно и есть, - ответил Сёма, задыхаясь.- Над полем воздух идёт вверх, а над рекой - вниз.

Он уже с трудом держался на крыльях.

-Что с тобой? — заволновался Пегасик.

-Голова, - простонал Сёма, - чтоб ей нырять... Кружится, больно... Падаю...

Пегасик понял, что теперь командовать пора ему.

-Сёма! Держись, пока я не сяду на воду! Тогда осторожно опускайся в меня. Сумеешь?

-Понял, - слабо чирикнул Сёма. - Давай...

Раскинув крылья, они планировали на реку. Волнение воды, к счастью, под вечер утихло, и Пегасик не боялся, что его захлестнёт. Он приводнился первым и принял друга в свою лодочку.

-Благодать! - воскликнул Сёма, едва отдышавшись, будто и не собирался только что погибать. - Красота, лепота, наслаждение, даже пейзаж, пастораль, акварель! Хотя, конечно, и опасно.

-Не беспокойся, - отвечал Пегасик, - я чувствую в себе большой запас плавучести.

Широкая медленная зыб качала и несла их по течению, блестя в лучах заходящего солнца.

-Я понял! - сказал вдруг Сёма.

-Что?

-Я понял, почему не долетел. Я ведь голоден.

-Значит, моя пища тебе не подходит, - огорчился Пегасик.

-Ничего, - успокоил Сёма. - Зато тебе больше достанется.

-Солнца хватит на всех, - возразил Пегасик. - Просто не все умеют питаться светонами.

-Как же тебе это удаётся? Может, я ещё научусь?

-Кажется, дело здесь в материале, - Пегасик вздохнул. - Я немного помню, как светоны входили в меня через какую-то зелень на концах веток.

-Через хвою, - уточнил Сёма. - Ты ведь сделан из хвойного дерева... Значит, и мне надо стать деревянным? Ха-ха! Ладно, ничего не поделаешь. Придётся клевать то, к чему природой приспособлен.

И он, свесив голову за борт, испил речной водички.

-Вон плывёт какая-то красная ягода, - сказал Пегасик. - Может, она тебя взбодрит?

-Калинка! - Сёма обрадовался. - Спеленькая!

Пегасик сильнее заработал перепончатыми лапками, и они поплыли к ягоде. Чем ближе, тем заметнее становилось, что её уже пытаются съесть. Вода вокруг ягодки вскипала мелкими бугорками.

-Это малые рыбёшки, - Сёма засмеялся. - Ягода не лезет им в рот.

Он схватил ягоду, раздавил её клювом, с удовольствием проглотил мякоть, а плоскую косточку обсосал и выплюнул в воду. Мелкие рыбки прыгали вокруг и разглядывали прищельцев немигающими круглыми глазами, в которых не было никакого выражения.

-У рыб совсем нет ума, - сказал с сожалением Сёма. - Только рты и желудки. Они глупее голубей. Но их я уважаю больше, потому что они не дармоеды. Рыбы сами добывают себе пищу.

-Пожалуй, они даже красивее голубей, - добавил Пегасик, разглядывая мальков.

-Каждый красив по-своему, - возразил Сёма. - Даже кошка красива, если забыть, какой у неё характер.

Рыбки внезапно перестали прыгать и прыснули в стороны.

Большая голова с круглыми немигающими глазами высунулась из воды и холодно посмотрела на друзей. Взгляд задержался на Сёме, потом голова погрузилась, и из воды выглянул колючий плавник. Затем мелькнул раздвоенный хвост, и большая рыба пошла по кругу, не спуская с друзей страшного взгляда.

-Изучает, - сказал Сёма, весь дрожа. - Сейчас бросится. Почуяла, что я тёплый. Щуки тёплое любят.

Пегасик грёб изо всех сил, но вырваться из рыбьих кругов ему не удавалось.

-Лететь сумеешь? - спросил он Сёму.

Но было поздно, рыба бросилась.

Изо всех сил хлопая крыльями, Пегасик попытался взлететь вместе с Сёмой. Радугой разлетелись мелкие брызги, гладкое лакированное тело выскользнуло из воды, лапки прочертили по поверхности две тонкие линии и оказались в воздухе как раз в тот момент, когда рыба открыла зубастую пасть. Мокрая голова коснулась деревянной лапки. Пегасик ещё раз ударил крыльями. Острое перо спинного плавника чиркнуло по днищу лодочки. Ещё взмах — и только брызги от раздвоенного хвоста блеснули вокруг веером.

Щука промчалась, а Пегасик шлёпнулся в воду позади неё.

-Попробуй взлететь! - крикнул он Сёме. - Она разворачивается!

Рыба уже мчалась в новую атаку.

Сёма закричал от натуги, и Пегасик почувствовал у себя в лодочке пустоту. Было некогда смотреть, хорошо ли взлетел Сёма. В лодочке скопилась вода, и отяжелевший Пегасик, подобно объевшейся утке, мчался у самой воды, хлопая по ней крыльями и чертя полосы вытянутыми лапками. Рыба шёлкала зубами и гналась по пятам.

"Сейчас схватит", - подумал с тоской Пегасик. Но в этот миг сзади послышался лёгкий хлопок, затем раздался всплеск, и погоня прекратилась.

Пегасик выплеснул из себя воду, набрал высоту и огляделся.

Выбиваясь из сил, за ним поднимался Сёма, часто дыша широко открытым клювом. Казалось, ещё чуть-чуть, и он упадёт в пасть бушующей рыбе.

Пегасик понял, что Сёма, рискуя жизнью, ударил рыбу сверху и помешал расправе. Теперь надо было спасать воробья. Пегасик ещё раз кувыркнулся, чтобы вылить из себя последние капли воды, и в последнюю секунду подхватил друга. Быстро теряя высоту, он летел к берегу, а щука шла под ним и, вывернув глаза на лоб, следила и ждала.

Берег был совсем рядом, когда Пегасик почувствовал, что его силы кончаются. Солнце только что закатилось и больше не посылало светонев, а тело после купания стало холодным и плохо слушалось. Сёма казался всё тяжелее, хотя и лежал без движения. Рыба внизу не спеша раскрыла пасть, и Пегасику почудилась свирепая улыбка. Рыба чуяла: это конец.

Вдруг Сёма шевельнулся. Потом заработал крыльями. Он ими едва двигал, но всё же перед самым носом щуки они перестали падать. Разъярённая хищница начала выпрыгивать из воды и махать плавниками, как крыльями, но каждый раз чуть-чуть не дотягивалась. Она даже не заметила, как в пылу погони очутилась на берегу, в каком-то метре от рухнувших на песок друзей. Почти ослепшая на воздухе, задыхаясь от гнева и безводья, щука сделала последний бросок, но схватила только разорванную рабочую рукавицу, которая сослепу ей показалась добычей. Так, не выпуская тряпку из зубов, извиваясь и подпрыгивая, рыбина кое-как добралась до родной стихии, ударила хвостом, и вода сомкнулась.

7. Ночь на аэродроме

Сентябрьская ночь опускалась медленно. Солнце уже полчаса было за горизонтом, а ярко-жёлтые листья на вершинах берёз ещё горели в его лучах. Воздух был спокоен. Каждый звук в нём летел далеко. Тихо вздыхала на песке река. С берега она не казалась опасной.

В городе за рекой сверкали стёкла высотных зданий, деревянных теремов, окошки башенных кранов, золочёные купола старинных соборов и круглые зеркальца, вделанные в концы их крестов.

Блеснула на солнце стеклянной головой и закрыла полнеба огромная птица с узкими прямыми крыльями и раздвоенным хвостом. Она летела прямо на друзей и, казалось, видела их насквозь.

-Ой! - сказал Пегасик.

-Не пугайся! - Сёма засмеялся. - Это планер, человеческая птица. Видишь, впереди даже написано - "А-П". Это её имя.

-Если позвать, она обернётся?

-Нет, она гордая. Ни с кем не разговаривает. А когда не летает, всегда спит.

-Но она не дерётся, не кусается?

-Нет, что ты. Я же говорю — гордая. А ещё внутри у неё — человек. Он, наверно, и не разрешает. А может быть, она вовсе не живая. Как баржа. Вверх-то она сама никогда не поднимается, её другая затаскивает, которая с мотором, как машина. Все они крыльями не машут, и вместо ног у них колеса. Они все машины, чтоб мне нырять.

-Мы с тобой и так чуть не нырнули, - сказал Пегасик.

-Зато какую рыбищу видели! - Сёма уже совсем ожил и смеялся вовсю. - Рыбища была гигантская. Огромная, колоссальная, неохватная, даже циклопическая!

-И зубастая, - добавил Пегасик с усмешкой.

-Бр-р-р! - Сёма поёжился, но тут же его глаза вновь загорелись. - Да! Зубы у неё замечательные, превосходные, исключительные, примечательные, даже умопомрачительные. Никогда не видел таких уникальных зубов!

-Ты не исправим, - Пегасик улыбнулся. - Она тебя чуть не съела, а ты восхищаешься.

-Но ведь не съела, чтоб ей нырять! .. Или нет, не так. Чтоб они с Симой друг друга съели!

-Между прочим, - заметил Пегасик, - до темноты надо устроиться на ночлег, да так, чтобы нас не достала Сима.

-Ты прав, - согласился воробей. - Эта сиамская тварь ненавидит меня давно, тебя недавно, зато обоих нас одинаково. И она не отступит, я её знаю. Боюсь, она уже сходит с моста на этом берегу. Давай устраиваться. Лететь ещё сможешь?

Отдохнувший Пегасик взлетел без труда, но Сёма на всякий случай держался рядом, чтобы вовремя его подхватить.

-Устроимся на берёзе, - предложил Пегасик. - Там красиво и Сима не достанет.

-Не достанет Сима — достанет сова, - ответил Сёма. - Берёза-то голая совсем. Надо нам на черёмуху, в кусты, на тонкие ветки. И Сима не залезет, и сова не пролетит.

Всё же сначала они посидели на верхушке голой берёзы, чтобы Пегасик подкрепился своими светонами.

Сверху было хорошо видно поле, на которое опустился планер. Он и в самом деле был машиной: катился на своём единственном колесе и не складывал длинные крылья, когда люди вели его на стоянку. Прямо за крылья люди привязали планер к земле, а под раздвоенный хвост подсунули красную скамейку с углублением посередине — Сёма важно назвал её стремянкой...

Вообще здесь, на краю спортивного аэродрома, Сёма как-то преобразился. Среди своей родной стаи на элеваторе он хохлился и хмурился, будто случайно попал в чужую компанию. А среди неживых металлических птиц он выглядел как настоящий хозяин. Поглядывал сверху орлом на самолёт и планеры, делал замечания по поводу работы людей, а под конец довольно внятно пробормотал: "Вот она, свобода!"

К тому времени, когда тень леса поднялась до верхушки берёзы, Пегасик уже совсем приободрился, и они, раскинув неподвижные крылья как два маленьких планера, опустились в густые заросли черёмухи и затерялись среди тонких веток, где не пролезть кошке и не пролететь сове.

Когда тень горизонта накрыла самые высокие городские дома, а на телевизионной мачте вспыхнули все шестнадцать красных лампочек, друзья уже крепко спали, прижавшись друг к другу. Вернее, спал один Сёма. Деревянному Пегасику сон не требовался. Так, только небольшой отдых. Но рядом тихо и часто посапывал тёплый Сёма, и Пегасик не шевелился, а только слегка поворачивал свою лошадиную голову и осматривал местность.

Ночь стояла тёплая и безветренная. На травы пал негустой голубоватый туман, от которого веяло слабым холодком. На аэродроме было очень тихо — там все спали перед

ранними полётами. С реки доносились лёгкие вздохи волн и далёкий стук одинокого буксира. Сквозь городское зарево ярко рдели красные огни на телемачте. Звёзды уронили на Пегасика несколько бледных, слабых, едва съедобных светончиков, и он понял, что такое эти звёзды. Они тоже солнца, только они или очень маленькие и слабенькие или до них очень, невообразимо, ужасно далеко...

"Ха-ха, - подумал Пегасик. - Я уже сыплю словами, как Сёма".

В это мгновение кусты рядом качнулись.

Пегасик поглядел вниз и увидел Симу. Её красные глаза пылали под звёздами с такой силой, что испускали светоны горячее солнечных. Её зубы и когти скрежетали, а от шерсти и усов летели голубые и жёлтые искры. С кончиков ушей и хвоста искры стекали зеленоватыми кисточками и потрескивали. Это был кошачий гнев.

Пегасик хотел было толкнуть Сёму, но решил не портить другу сон. Всё равно Сёма не видит в темноте, а спросонок может и глупостей натворить.

Кошка видела во тьме прекрасно. Она сразу поняла, что врагов ей не достать. Но слишком велика была ярость, и она подпрыгнула.

Пегасик качал головой и усмехался. Сима прыгала молча, только тяжело дышала от гнева и ещё потому, что не отдохнула и не подкрепилась.

Вскоре кошка устала. Но не остановилась. Она всё же полезла на черёмуху.

"А если достанет?" - подумал вдруг Пегасик. Сёма почувствовал его тревогу и проснулся. Творить глупости спросонок он не стал, а молча прислушался.

Большая оранжевая луна приподнялась над городом и слегка осветила события. Сёма различил кошку, но не задрожал.

-При луне и летать можно, - прошептал он. - Только вот сова...

А сова тут как тут. Заслонив на миг луну, она бесшумно скользнула рядом с черёмухой, всё разглядела, развернулась и бросилась на ту добычу, которую могла достать. Длинные когти царапнули по белой кошачьей спине, но Сима успела извернуться и, падая с дерева, ударила одной лапой. В лунном свете закружились совиные перья и кошачья шерсть.

-Съешьте друг друга! - прошипел Сёма.

Но второй схватки между хищниками не произошло. С резким криком сова метнулась в чащу леса. Кошка с коротким воем бросилась в другую сторону.

-Спим, - хладнокровно сказал Сёма и тут же засопел, привалившись к Пегасику.

А Пегасик до утра смотрел сквозь густые ветки, как охотилась на мышей сова.

"Вот, значит, почему люди не трогают сов!"

Почти рядом с совой тем же делом занималась Сима. Однажды, бросившись вместе на неосторожную мышку, они в последний миг вежливо уступили её друг другу, и мышья успела юркнуть под корни. Сова с хохотом скрылась в лесу и больше не прилетала, а Сима бросила последний огненный взгляд на неприступную черёмуху и легла вздремнуть под кустиком. Она плотно закусилась четырьмя полевыми и одной лесной мышью, разомлела и решила отложить месть до утра.

Пегасик всю ночь набирался сил, впитывал лунные светоны.

Вполне съедобная пища, хотя и жидковатая.

"Странно, - подумал Пегасик о луне. - Вроде большая звезда, почти как солнце, а так слаба".

8. Уроки в небе

Ещё до рассвета воробей проснулся, как от толчка, и сразу спросил, где Сима. Вон там, внизу, хотел ответить Пегасик, и тут увидел, что Сима исчезла.

-Ты засмотрелся на луну,- сказал Сёма, вертя головой.- Это бывает. Но враг не дремлет, не спит, не зевает, не хлопает ушами, не... Вот она!

Да, враг не дремал и не хлопал чёрными ушами. Заметив рассеянность часового, он взобрался на соседнюю берёзу и уже полз по ветке, чтобы оттуда прыгнуть и разорвать.

-В сторону!

Друзья покинули своё убежище немного раньше, чем Сима успела приготовиться к верному прыжку. Она пробормотала вслед кошачье ругательство: "М-м-мор-р-р вам!" - и не стала тратить силы на бессмысленную погоню.

Дело в том, что мышка, которую они с совой уступили друг другу ночью, вышла в это время из своей норы под корнями, чтобы продолжить заготовку зимних запасов. Поглядеть вверх она догадалась, но не на ветки берёзы, а на небо - нет ли хищных птиц. Ночью она решила, что ее ловили две вежливых совы. А о кошках она даже не слышала, потому что была необщительна и жила только своими личными заботами. Когда Симины лапы накрыли мышку, она и тут подумала, что на неё бросилась сова. Мышка зажмурилась. Но удара клювом не было. Мягкие лапы держали довольно деликатно. Мышка решила поглядеть и увидела весёлые голубые глаза, чёрную мохнатую физиономию с острыми ушами, чёрные лапы и мягкую белую грудь.

-Как тебя зовут? - прошептал зверь. Голос был не злой. Правый глаз зверя добродушно подмигнул.

-Маня, - представилась мышка. - А вас?

Она, конечно, не знала, что сытая кошка и даже не очень голодная кошка не станет глотать добычу сразу.

-Беги! Беги! - раздалось сверху два голоса. И две небольшие птицы, ударив кошку крыльями, взмыли в небо.

Сима не раздумывая оттолкнулась задними лапами и полетела в погоню. Она мгновенно поняла, чьи это проделки, и была уверена, что на этот раз достанет. Но полёт был недолог, хоть она и махала лапами и вертела хвостом изо всех сил. Лесная почва мягко приняла бескрылую и злую кошку обратно.

Когда вторым прыжком Сима вернулась к своей земной добыче, Маня уже сидела под корнями и ругала себя за доверчивость. Ох и длинные же, оказывается, когти спрятаны в этих мягких лапах!

-М-м-ма-а-аня!- позвала Сима.

-Хи-хи! - донеслось из-под корня. Сима сунула на голос быструю лапу, но только слегка оцарапала убегающей Мане кончик хвоста.

-М-м-мор-р-р-р вам всем! - рявкнула Сима и высоким галопом поскакала по траве вслед улетающим своим врагам. При каждом прыжке она пыталась махать всеми лапами и бешено вращала хвостом...

Сёма к Пегасик, довольные победой, летели у самых деревьев над краем длинного и ровного поля.

-Вон к той сушине! - сказал воробей, и они сели на высокую, очень старую берёзу, у которой только внизу было несколько ветвей с листьями, остальные торчали голо и беспомощно. Друзья расположились на самой вершине, на тонкой короткой ветке, и Сёма вежливо чирикнул:

-Здравствуй!

-Здравствуй, Сёма, - вздохнуло дерево. - Опять учиться прилетел?

-Друга привёл, - сообщил Сёма. - Ему надо учиться.

-Да, - согласилась берёза, - учиться надо.

-Как живёте? - спросил её Сёма.

-Сам видишь, умираю помаленьку.

-Вы ещё долго проживёте, - пообещал Сёма.

-Лет пять от силы. Если раньше не спилят.

-Да ведь вы им не мешаете.

- Не мешаю, - вздохнула берёза. - А их сторожу от меня даже польза. Ведь хищные птицы любят сидеть на сухих деревьях. Они высматривают добычу. А он стреляет их из ружья. У меня все ветви исцарапаны дробью.

Пегасик огляделся и увидел рядом на стволе несколько совсем небольших круглых отверстий.

- Вот из-за этого меня пока и сохраняют, - продолжала старая берёза.

- Зачем же ему убивать хищников? - спросил Пегасик. - Он что, очень любит голубей и мышей?

- Нет, малыш. Когда-то он летал на самых быстрых самолётах, врезался в стаю птиц и чуть не погиб. С тех пор он всех вас ненавидит, потому что из-за той аварии ему больше нельзя летать самому.

- А в нас он не выстрелит? - спросил Пегасик.

- Мне бы этого не хотелось, - ответила берёза и со скрипом потянулась. - Но я всегда замечаю, когда он достаёт ружьё. Я вас предупрежу.

- Ваши раны болят? - спросил Пегасик, разглядывая дырочки от дробы.

- Уже почти не больно. Засохшее не болит.

Тем временем на зелёном поле кипела работа. Из палаток выбежали юноши и девушки. Они растягивали на траве белые полотна и втыкали флажки, тащили стол и какие-то железные ящики, отвязывали от земли и вели своих птиц, которые не умеют махать крыльями, и будили других птиц, тоже не умеющих махать, зато очень громко рычащих и быстро-быстро вращающих клювами.

Пегасик уже знал: те, что молчат — планеры, а те, что рычат — самолёты.

Начались удивительные дела. Планер привязывали к самолёту белой тонкой верёвкой, внутрь забирались люди, и самолёт бежал по траве, увлекая за собой планер. Он бежал не очень долго, но планер всё равно взлетал немного раньше. Однако не обгонял самолёт, а летел следом очень послушно. Так они поднимались над лесом и начинали кружить, забираясь всё выше, пока не становились очень маленькими, меньше мухи и комара, а верёвка — совсем незаметной. Тогда комар сворачивал в сторону и оставался в небе, а муха начинала круто спускаться, быстро превращалась в самолёт, рычала уже потише и садилась на траву. К верёвке, которую самолёт приносил на хвосте, привязывали еще один планер, и взлёт повторялся.

За планерами и нужно было наблюдать. В тихом утреннем воздухе они очень интересно кувыркались. Сёма сказал, что это пилотаж.

Вот планер пошёл до круга.

- Спираль, - назвал Сёма. И добавил: - Это очень легко.

Планер задрал нос и кувыркнулся.

- Переворот через крыло, - сообщил Сёма. - Запоминай, это надо уметь, это очень пригодится, мы это делали в барже.

После переворота планер продолжал падать носом вниз, быстро вращаясь и шумя крыльями.

- Штопор, - объяснил Сёма. - Строго говоря, это не фигура, а так, самовращение. Люди его не любят. Делать его нам запросто, покажу.

Планер перестал вращаться, полетел ровно вниз, потом начал задирать нос, перевернулся на подъёме и продолжал полёт уже в обратную сторону.

- Весьма полезная фигура, - заметил Сёма. - Боевой разворот. Если его закончить переворотом через крыло, никто тебя не поймает. Я так всегда обманываю коршунов. Или ястребов. Скорость у них большая, они не успевают перевернуться и с песнями проскакивают мимо.

- Как это "с песнями"? - не понял Пегасик.

- Да без песен, конечно, - Сёма засмеялся. - Это просто мы в авиации любим так выражаться.

Планер выполнял "петли", "бочки", разные перевороты, становился всё больше и наконец тоже покатился по траве на своём единственном колесе. Когда остановился, положил одно крыло на траву, а другое задрал к небу.

-Если ты всё запомнил, запускай мотор, - сказал Сёма. - То есть, давай начинать.

-Погоди, - попросил Пегасик. - Посмотрим ещё.

-Коршун, - сказала берёза.

Не успели друзья оглянуться, а коршун уже сел на соседнюю толстую ветку и сделал вид, что их не замечает.

-Здесь опасно, - сказала ему берёза.

Коршун гордо молчал, будто не слышал. Он оглядывал окрестности с высоты и свысока.

-Вниз посмотрите, - сказала берёза.

От стола, на котором шипел и что-то неразборчиво говорил железный ящик, отошёл худой высокий человек и, оглядываясь на берёзу, побежал к палатке.

-Это сторож, — сказала берёза. — Он вернётся с ружьём.

-Спасибо, - чирикнул Сёма и скомандовал: - Вниз!

Гордый коршун остался на сухой вершине.

Друзья сели в кустах недалеко от палатки и увидели, как оттуда вышел худой человек с ружьём. Он спрятал ружьё за спину и безразличной походкой не спеша двинулся к берёзе. Дерево вздрогнуло, коршун лениво сорвался с его вершины. Человек выхватил ружьё из-за спины и повёл стволом. Из ствола высунулся огонь, следом раздался резкий хлопок. Коршун выронил из хвоста два рулевых пера и бесславно метнулся в сторону.

-Глупому вредно быть гордым, - сказал Сёма. - Взлетаем!

Он показывал и объяснял, как выполнять фигуры. Пегасик прилежно за ним повторял. Он оказался таким способным учеником, что СХВАТЫВАЛ ВСЁ НА ЛЕТУ.

-А знаешь, почему у тебя всё получается? - спросил Сёма, когда они присели отдохнуть. - Потому что ты УЧИШЬСЯ ОХОТНО. Тебе ведь нравится узнавать новое?

-Да.

-Учись, учись, - похвалил Сёма. - Учёные ДОЛЬШЕ ЖИВУТ. А главное — у учёного жизнь интереснее, содержательнее, богаче, разнообразнее, даже удивительнее...

-И ещё полезнее, - скромно добавил Пегасик. - От учёного пользы больше.

Они щебетали и не забывали оглядываться, зная, что враг не дремлет. Но не могли они видеть того, что происходило в укромном месте на другой стороне лётного поля.

А там училась летать злая сиамская кошка Сима.

Учиться летать было так трудно, что неутомимая Сима взмокла и раскалилась — от неё пошёл пар.

Но ни один зверь никогда не умел так ненавидеть, как ненавидела Сима. Ненависть к летучим врагам и помогала ей учиться. У неё ничего не получалось, но тем старательнее она махала лапами и вертела хвостом. И тем лучше она понимала, за что ненавидит своих врагов.

Сима поняла, что её враги — это ВСЕ, КТО УМЕЕТ ЛЕТАТЬ. Она поняла, что ненавидит воробья, который был неуклюж, но научился летать получше ястреба и коршуна. Ненавидит Сима эту деревяшку, рождённую гореть в огне, плавать в воде, стоять на полке, но не летать же! Ненавидит Сима всех голубей и коршунов, ласточек и синиц, ворон, сорок, летучих мышей и даже гусей и уток. И завидует сове. Наверно, сова была когда-то обыкновенной кошкой — ведь у неё такие же глаза и когти! Просто она была настойчива и научилась летать. Притом совершенно бесшумно! Сима умеет бесшумно ходить, значит, она и летать научится! Ах, какая это прелесть - бесшумно летать! И Сима прилежно трудилась.

9. Ночные полёты

-С моими утиными лапами очень неудобно держаться на тонкой ветке, - сказал Пегасик. - Давай сегодня заночуем на сушине. Если, конечно, этот худой тип не вздумает стрелять.

-Он не вздумает, - ответил Сёма. - Коршун в этих местах только один остался. Уцелел. Сохранился. Выжил. Не погиб. Да и тот - без полхвоста. Он точно на сушине ночевать сегодня не захочет. Правда, из-за лишней гордости завтра всё же прилетит. И худой сторож постарается в него попасть. Но не сегодня.

-А в нас?

-А мы сядем так, чтобы нас не было видно.

Они долетели до сухой берёзы и уселись на удобную толстую ветку почти у самой вершины.

-Сима сюда не заберётся, - сказал Пегасик. - Слабо ей залезть на такое высокое дерево.

-Забраться-то, может быть, и сумеет, - сказал Сёма, - но слезать всегда труднее, вот в чём дело.

-Я ей помогу, - пообещала берёза.

-Вы здорово помогли коршуну, - сказал ей Сёма.

-Я бы охотнее стряхнула худого сторожа. До чего же глуп человек...

-Почему глуп? - удивился Пегасик.

-Потому что истребляет хищных птиц.

-Да ведь они же вредны! - воскликнул Сёма. - Людям летать мешают, нам жить не дают... Берёза горько вздохнула.

-И ты, Сёма, глупенький. Нет в природе ничего вредного.

-Как же нет?! А коршуны? А голуби? А кошки?

Сёма так разгорячился, что даже насмешил старую березу.

-Кому же вредны кошки? А, Сёма?

-Кому, кому... Нам, конечно. Воробьям. И даже голубям.

-А воробьи никому не вредны?

-Мошкам, - хмуро ответил Сёма. - И людям немножко.

-А люди — всем полезны? - строго спросила берёза.

-Люди вредны! - В этом Сёма ни секунды не сомневался. - Они только вредны! Они всем вредны!

Берёза опять засмеялась.

-Ты неправ, - сказал Пегасик тихо. - Люди полезны деревянным фигуркам, таким, как я.

-А какая от фигурок польза? - едко спросил Сёма.

Пегасик обиделся и не ответил. Он просто не знал, что можно ответить. Он сам хотел узнать, для чего нужны деревянные фигурки. И Сёме он ещё вчера обо всём этом говорил. А Сёма взял да и забыл. Так друзья не поступают. На это надо обижаться.

-Вы ссоритесь, - сказала берёза. - Вы глупенькие малыши. Успокойтесь. И послушайте, что я вам скажу.

Рассказ старой берёзы

Вот вы сейчас поссорились. Но ведь врагами вы не стали. Вы — друзья. Вы всегда поможете друг другу. Вы друг другу полезны.

-Нужны, пригодны, даже необходимы и незаменимы, - добавил Сёма. Он не мог от этого удержаться.

-Не перебивай, - попросила берёза, - мне и так трудно думать. И говорить мне трудно. Ведь я стара. Если ты, маленький Сёма, перестанешь суетиться и научишься слушать других, то ты совершишь подвиг, за который тебя можно будет уважать.

-Молчу, - тихо ответил Сёма. И провозгласил: - Приступаю к подвигу краткоречия.

-Итак, - продолжала, берёза, - вы друзья и полезны друг другу. Я полезна вам — понятно почему. Но я полезна и коршуну: он с моей голой вершины высматривает добычу. Я полезна худому сторожу — он целится в коршуна. Я полезна жукам-короедам и жукам-древоточцам: они меня грызут. Я полезна снегу — он на мне будет лежать зимой. Я полезна ветру: он свистит-тешится в моих звонких ветвях. Я буду полезна тому человеку, который меня спилит и истопит мною печь: работа и огонь согреют его и тех, кто придёт с ним.

Вы спросите, а есть ли от кого-нибудь польза мне. Есть. Мне полезен дятел: он вынимет из моего тела жуков. Мне полезен дождь: раньше я от него росла и хорошела, а теперь пью его корнями и тем живу. Мне бывает полезна дробь из ружья худого сторожа: иногда она убивает моих мучителей короедов. Мне полезна смерть того человека, который хочет растопить мною печь. Я ведь не хочу гореть в печи.

Но смерть вредна тому человеку. Дробь вредна коршуну, которому полезна я. Да и мне эта дробь больше вредна, чем полезна. Все вы, птицы, вредны насекомым, которых ловите, но зато этим же вы полезны тем, кого едят насекомые. Короче говоря, НЕТ на свете ничего ТОЛЬКО ПОЛЕЗНОГО или ТОЛЬКО ВРЕДНОГО. В мире вообще нет ни пользы, ни вреда. Есть жизнь. Она очень сложна. Все терпят друг друга или борются друг с другом или помогают друг другу. И иначе быть никогда не сможет. Всякое существо, всякий предмет могут быть и полезными, и вредными в одно и то же время. Например, мне вреден топор того человека, который сделает из меня дрова. Но тот же топор полезен мне, если им сделают из меня нужную вещь. Пусть даже ручку для стамески или топориче. Это продлит мою жизнь.

-Извините, - сказал Сёма, - а что такое стамеска?

-О, стамеска — это инструмент, который дарует дереву бессмертия! Стамески бывают разные: прямые, косые, плоские, уголком, полукругом... Я видела их в кино. Здесь, на аэродроме, ночами иногда натягивали меж двух деревьев белое полотно, и на полотне являлся день, и были деревья, и двигались люди, звери, птицы.... Там показывали и мастера, который стамесками и разными другими инструментами вырезает деревянные фигурки.

-Вроде меня? - обрадовался Пегасик.

-Да, вроде тебя. Такая фигурка и есть бессмертие дерева.

-Значит, я бессмертен? Я никогда не умру?

-Не умрёшь. Если не убьют, конечно. Красоту ведь очень легко убить. Ты сам знаешь, как ты хрупок. Красив, но хрупок.

-Разве я красив? По-моему, я урод, ни на кого не похожий.

-Или похожий сразу на многих? - берёза рассмеялась.

-Ах, как это грустно и непонятно! - воскликнул Пегасик. -Одно и то же существо может быть сразу полезным и вредным, уродливым и красивым... Красота бессмертна, но её легко убить... Неужели нет такой красоты, которую убить невозможно?

-Есть такая красота, - сказала берёза. - Это небо. Оно прекрасно, когда нет облаков. Оно прекрасно, когда есть облака. Оно прекрасно, когда закрыто тучами, когда сверкает молния и гремит гром...

-Почему? - спросил Пегасик.

-Потому что за тучами оно всё равно голубое или звёздное, с солнцем или с луной. Поэтому к нему тянутся все растения. Поэтому в него взлетают птицы и люди. Я видела даже кошку, которая пыталась взлететь. Она подпрыгивала, махала лапами, как крыльями, и вращала хвостом, как пропеллером.

-Значит, - спросил Сёма, - небо полезно всем и никому не вредно?

-Не совсем так, - ответила берёза. - Небо, правда, не вещь, не существо и не предмет. Небо — это пространство. Но и оно бывает разное. Когда кошка греется на солнышке, когда она дышит воздухом (а воздух — это тоже небо), тогда небо ей полезно. Но когда кошка пытается летать, ничего, кроме вреда, из этой затеи для неё не получится. Малыши, вы поняли меня?

-Хочу быть бессмертным, - сказал Сёма. - Хочу жить в небе и питаться светом.

-Славное желание, - берёза вздохнула.- Но исполнить можно только первую его половину. К питанию светом приспособлены лишь мы, деревья. Птица скорее умрёт с голоду, чем этому научится. А вот стать бессмертным — пожалуйста.

-Как?

-Вложи свою душу в доброе дело.

-Что же это за дело? Где оно?

-Сам увидишь. Только ищи, - отвечала берёза. - А теперь будем спать.

Тут друзья заметили, что ночь уже наступила. На них глядели звезды ясного неба, огоньки города из-за реки да краешек луны, которая вставала над далёкой горой.

-Вложи душу, вложи душу, - проворчал Сёма, любуясь ночными огнями. - Куда её вложить? А сам, что, без души будешь? Ну как это: вложить душу?

-Я, кажется, понимаю, - сказал Пегасик. - В меня ведь вложено сразу несколько душ.

И он стал рассказывать Сёме, как вкладывал в него душу Евгешин папа, потом Евгеша с мамой...

Сёма слушал, а глаза его слипались. Он много летал в этот день, много волновался и много думал. От этого немудрено устать маленькому воробью, которому от природы не положено думать, а положено делать то же, что вся стая.

Пегасик пожалел друга и замолчал. Сёма этого даже не заметил. Он спал, и ему снилось доброе дело — большое и прекрасное, как небо, всё в звёздах, с двумя лунами и тремя солнцами. И звёздам, и лунам, и солнцам Сёма предлагал взять его душу. И они не отказывались. А души не убавлялось, даже становилось всё больше и больше, она распирала грудь Сёмы счастьем, и он тихонько вскрикивал во сне. Пегасику казалось, Сёме снится кошка, и он гладил друга деревянным крылом, чтобы успокоить. А Сёме снилось, что душа всё растёт и обнимает его уже со всех сторон...

Спал аэродром.

Спала старая берёза.

Спал на ней воробышек, оберегаемый деревянным другом.

Не спала луна. Она только-только ещё встала на чёрно-сиреновом небе, оранжевая, как яичный желток. Луна потянулась и подарила Пегасику полпорции вкуснейших отборных светонев, специально для него припасённых. Пегасик улыбнулся и помахал ей свободным крылом.

Не спала и Сима. После тяжёлой тренировки она успела и отдохнуть на мягкой травке, и закусить парой неосторожных мышек. Место для отдыха она выбрала такое, что могла незаметно из-за лопухов наблюдать за вершиной старой берёзы. Теперь, в темноте, можно было не прятаться. Сима встала, по-приятельски кивнула вылетевшей на охоту сове и поспешила напрямик к берёзе.

-Надо кончать! - прошипела она про себя. - Мор-р-р вам!

Сима, правда, уже догадывалась, что Пегасик видит в темноте, но надеялась, что берёзовый толстый ствол не будет дрожать от её движений, а заодно и укроет. Толщина ствола кошку не тревожила. Почти никто не знал, что ночами она нередко ходила к соседним домам и взбиралась по их гладким стенам до самой крыши. Просто ради тренировки. Открытая Симой хитрость состояла в том, чтобы карабкаться не по ровному месту, а там, где сходятся две стены — по углу. При этом лапы как бы обхватывают дом, а когти всегда находят мелкие выступы или углубления.

Симе ничего не стоило взобраться по корявому берёзовому стволу до середины. Дальше кора пошла белая и гладкая. В неё когти легко вонзались, и Сима продолжала восхождение с прежней скоростью.

Но боль от острых когтей разбудила старую берёзу.

-Ш-ш-што-о-ох? - спросила она со вздохом. - Кто-о-ох?

-Ш-ш-ш, - ответила Сима. - С-с-свои.

Берёза поняла, с кем имеет дело, и вспомнила обещание, которое дала малышам. Но решила позволить нахальному существу взобраться повыше и уж тогда стряхнуть, чтобы наказать попримернее.

За жизнь Сима берёза не боялась, потому что знала об особом умении кошек пружинить лапами при падении и никогда не падать на спину.

На их шёпот Пегасик завертел головой. Он еще не видел Симу, которая пряталась за стволом, но уже слышал знакомый скрип её когтей. Не было на свете более неприятного звука.

Когти приближались. Пора было будить Сёму.

Воробей проснулся и стал хлопать глазами, ничего не понимая. Звёзд было столько же, сколько ему снилось, но луна осталась только одна, а солнца исчезли вовсе.

-Где я? Кто здесь?

-Сима близко, - прошептал Пегасик. - Она лезет на берёзу.

-На какую берёзу? Какая Сима? Где мои души?

Надо было разбудить друга хорошенько, и Пегасик приготовился дать ему тумака, но тут старая берёза напряглась и сильно вздрогнула всем стволом.

-Ой! - сказал Пегасик. Его утиные лапки потеряли опору, он стал падать вниз.

Рядом кувыркнулся Сёма — он тоже не удержался на толстой ветке.

Чуть ниже летела сиамская кошка.

Вот именно: Сима не падала, а летела. Как известно, у всех кошек прекрасное чувство равновесия, они всегда падают лапами вниз. Но Сима не просто падала по-кошачьи. Она ПЛАНИРОВАЛА! Она летела не только вниз, но и в сторону от берёзового ствола. К тому же любая другая кошка падала бы гораздо быстрее.

Воробей и живая игрушка, разумеется, тоже не просто падали. Они мигом распахнули крылья и полетели вокруг берёзы. В свете луны они увидели, как Сима, управляя хвостом и лапами, планирует к ближайшей черёмухе. Это было удивительно и немного страшно.

-Если кошка научится летать, нам будет плохо, - сказал Пегасик.

-Ничего, - ответил Сёма, который уже проснулся. - Мы-то всё равно летаем лучше.

Кошка тем вренением дотянулась когтями до черёмуховой ветки, повисла, покачалась и наконец благополучно уселась на ней.

-Я уже почти сова, - сказала она себе. - Правда, нет крыльев, но крылья мешали бы мне бегать.

Сима поискала глазами своих врагов и увидела, что они кружатся у берёзы.

-Ку-у-уда вы денетесь, голубчики, - пробормотала Сима. - Наша тёплая встреча близка. Сядьте-ка на свою веточку, а я к вам взлечу.

Тут воробей что-то тихо чирикнул, и они с деревяшкой полетели в темноту, в сторону леса.

-Ку-у-уда? - Сима бросилась вдогонку. Она была уверена, что теперь полетит и вверх. С короткого разбега метнулась в небо, но лапы — не крылья, и она оказалась на земле.

-Мор-р-р вам! - вскричала Сима. Но тут же успокоилась, свернулась в траве комочком и стала думать.

Конечно, думала Сима, крылатым врагам живётся легче. Но скоро, скоро полетит и она. Тогда посмотрим... А пока: зачем они отправились в сторону леса? Не для того ли, чтобы просто обмануть? Ну конечно! Это Сёмкины проделки. Они совсем немного пролетят над лесом, потом свернут и возвратятся в город. Кто в городе вырос, тот в лесу только гость. Что ж, тогда вперёд. То есть, назад, в город!

И Сима побежала в сторону моста.

Для враждебной кошки ночные полёты кончились, а для Пегасика и Сёмы они только ещё начинались.

Друзья и в самом деле решили обмануть кошку. Пролетев немного над лесом, они повернули обратно, в сторону реки.

-Сову бы только не встретить, - сказал Сёма.

И сова немедленно появилась. Она бесшумно взмыла к ним из леса, и если бы не луна, рассказывать дальше было бы не о чем. В лунном свете друзья увидели противника и дружно увернулись переворотом через крыло. Сова этого даже представить не могла, хотя и жила у аэродрома, поэтому промчалась мимо.

-К реке! - крикнул Сёма. И началась погоня.

Сова все же не зря жила у аэродрома. Кое-что из пилотажа вечерами видела и она. Только перевороты спасали малышей от её ударов, но это было ненадолго: сова всё ближе прижимала их к земле. Бросаясь в разные стороны и кувыркаясь перед самым совиным клювом, друзья кое-как дотянули до того места, где провели прошлую ночь, и тут, на выходе из последнего штопора, оба врезались в землю.

Трава смягчила удар, но спасения уже не было: сова сделала короткий боевой разворот и пошла в последнее пикирование, выставив страшные когти.

-Сюда! - раздался рядом тонкий голосок.

Не раздумывая, друзья бросились на голос и оказались под корнями старого пня.

Сова промахнулась. От досады она даже позволила себе громко захлопать крыльями, но делать нечего — облетела пень, посидела на нём, вертя головой, и тенью соскользнула в туман, наползающий с реки.

-Кто здесь? - тихо спросил Пегасик, ещё не привыкнув к полной темноте.

-Маня, - раздался тонкий писк.

-А кто ты, Маня? - спросил Сёма.

-Я - лесная мышка. Вы меня вчера спасли от какого-то зверя: лицо чёрное, глаза голубые, голос такой ласковый...

-Это кошка, - объяснил Сёма. - Вроде совы, только не летает.

-Спасибо тебе за спасение, - сказал Пегасик.

-И вам спасибо, - ответила Маня. - Есть хотите? Я собрала зёрен.

Голодный Сёма поклевал наощупь и спросил:

-Зачем ты носишь зёрна сюда? Их ведь можно съесть там, где нашла.

-А зимой? - Маня засмеялась. - Их зимой-то не найдёшь, если нет запасов.

-Значит, это у тебя на зиму, - Сёма перестал клевать.

-Да вы ешьте, - быстро сказала Маня. - Вы ведь гости. Гостю - лучшие зёрна. А для друзей ничего не жалко. Ты тоже ешь, пожалуйста, - попросила она Пегасика.

-Он такую пищу не ест, - объяснил Сёма. - Его пища — свет.

-Свет?! - удивилась мышка. - Ай, как интересно! Кто же ты?

-Я - птица, - сказал Пегасик твёрдо. - Только деревянная. Называюсь Пегасик.

-И твои родители тоже так называются?

Пегасик немного подумал и ответил:

-Мои родители — люди.

-А-а-а, - поняла мышка. - Те люди, которые здесь летают... Когда вырастешь, на тебе тоже будут летать?

-Вот это раз! - воскликнул Пегасик. - Об этом я и не подумал! Слышишь, Сёма, а вдруг я вырасту?

-Это будет здорово, - откликнулся немедленно Сёма. - Тогда ты сможешь привезти сюда целую машину зерна. Мане его хватит до конца жизни, до самой смерти, до последних дней, до... Что ж ты меня не останавливаешь? Подвиг так подвиг...

-Ах! - сказала Маня.

-Ты будешь плавать, как корабль, - продолжал Сёма. - И если та злая рыба на тебя бросится, она разобьёт себе нос и поломаёт зубы. А Симу ты растопчешь одним пальцем. Ха-ха-ха!

-Уж тогда она к нам не сунется! - Пегасик тоже рассмеялся.

Конечно, Мане было не всё понятно из того, что они говорили, но всё же она позволила себе вмешаться.

-Раз ты деревянный, - сказала мышка Пегасику, - тебя нужно поливать, иначе расти не будешь. И корни тебе нужны. И листья. Уж я-то знаю. На той стороне аэродрома есть одна старая берёза. Она засыхает, потому что у неё повреждены корни. Их нарочно подрубил один человек, чтоб она засохла.

-Это злой худой сторож! - догадался Сёма.

-О нет! - возразила Маня. - Он, конечно, сторож худой, но он очень добрый. Когда он подрубил корни, у берёзы высохла вершина, и на неё стали садиться наши враги - ястребы, кобчики и другие хищники. Они садятся, а он их стреляет. Он друг мышей. Я думаю, он сможет скоро избавить нас также от кошек и сов.

Она замолчала, ожидая, что Сёма и Пегасик обрадуются. Но друзья молчали. Они вспоминали разговор с берёзой.

-Так, - сказал Пегасик. - Значит, это он её нарочно погубил.

-До чего же, в самом деле, сложна жизнь, - сказал Сёма. - Что вредно, что полезно? Кто добрый, кто злой? Что плохо, что хорошо? Запутала нас эта сушина. Как жить будем?

-Завтра будем жить, - сказал Пегасик, - а сегодня давай спать. Маня, можно у тебя переночевать?

Конечно, Маня была очень рада. Она теперь понимала, как важны друзья в жизни лесной мыши.

А Пегасик думал совсем о другом, и не было в его мыслях ни веселья, ни покоя.

10. Не топись в костре

Когда Маня и Сёма уснули, Пегасик тихо выбрался из норы и огляделся. Небо уже наполнилось лунным светом до краёв. В нём мелькали четыре ночные птички, которые в сомкнутом строю выполняли над аэродромом групповой пилотаж.

-Я - птица, - подумал Пегасик. - Я умею делать всё не хуже этих птах.

Но от этого ему не стало веселее. На душе у Пегасика скребли кошки.

-Нет, я не птица. Я не умею глотать мошек. Я даже учиться этому не хочу. Значит, пользы от меня нет. Я никому не помогаю и даже не украшаю полку. Маня права: я не вырасту и не смогу перевозить тяжёлые грузы. Значит, пользы людям никакой. Я полетел вместе с Сёмой, но ему от меня одни хлопоты: то обучать, то спасать. Даже для Мани я обуза: тоже спасай меня да ещё устраивай на ночлег. Да и на что мне ночлег? Я деревянный. Не ем, не пью, не сплю, не имею занятия в жизни. Только живу. Лишний я в природе. Хоть в костёр бросайся... Вон прыгает красный свет по деревьям. Это перед палатками разожгли костёр. Броситься, что ли?

Пегасик вышел из-под корня и хотел взлететь.

-Пос-с-стой, малыш-ш-ш...

Перед ним была змея.

Пегасик подумал: "Как хорошо, что нет со мной ни мышки, ни Сёмы. Им бы не поздоровилось".

-Чего тебе? - спросил он без всякой вежливости.

-Иди ко мне, - позвала змея. - Пообедаем.

Она смотрела на него тем взглядом, от которого коченеют птички, мышки, лягушки. Она удивлялась, что он не коченеет.

-Я змеятину не ем, - ответил Пегасик совсем грубо.

-З-зато я ем птичек. Иди с-сюда.

-Я не птичка! - рявкнул на неё Пегасик.

-А кто же ты, мой маленький? - змея приблизила к нему гадкую гладкую морду.

-Я деревяшка, можешь попробовать!

Змея — это была чёрная гадюка, наедавшая последний жирок перед зимней спячкой — высунула быстрый тонкий язык и раздвоенным его концом тронула Пегасика. Потом недоверчиво ткнула твёрдым носом. Потом откинулась назад и посмотрела изумлённо.

-В с-самом деле, малыш-ш, ты нес-съедобен.

Она презрительно отвернулась и заскользила мимо, нарочно задевая Пегасика гладким чешуйчатым боком. Это было противно. Пегасик сердито подпрыгнул, ударил её по спине деревянным крылом и полетел в сторону костра: "Даже несъедобен, вот несча- стье!.. Огнём стану, хоть согрею кого..."

-Пр-ривет! Как ты здесь?

К нему пристроилась ночная птичка. Раньше он обрадовался бы ей, но теперь ему было так же безразлично, если бы рядом появилась кошка или сова.

-Случайно я здесь, - ответил Пегасик продолжая лететь прямо к костру.

-Пр-р-рекрасно! А мы, видишь, отрабатываем ночной групповой пилотаж.

-Зачем?

-Против совы. И против мошек. А также вообще для совершенства. Знаешь ли, наша жизнь — это вечный воздушный бой.

Фр-р-р! Птичка выполнила стремительную "бочку" вокруг Пегасика. То же сделали её подруги, которые всё время летели молча рядом, крыло в крыло.

-Ну,-спросила птичка, - ты нашёл, для чего живёшь?

-Нет, - ответил Пегасик. - Я в жизни лишний. Топиться лечу.

Птички дружно засмеялись.

-Топятся в реке!

-А ты летишь от реки!

-Как же ты утопишься, если ты деревянный?

-Сейчас увидите, - сказал Пегасик. - Только долетим до костра. Его ведь ТОПЯТ дровами. А дрова деревянные, верно?

-Ой! - вскричали птички. - Он утопится в костре! Ужас!

-Не дадим! - вскричала его знакомая. И птички завертелись, не пуская Пегасика к костру. Он слабо отмахивался: - Не мешайте, мне жить нельзя, я лишний...

Но они кружились, пищали и сбивали его о курса, пока все пятеро не очутились у сухой берёзы.

-Сядем рядком да потолкуем ладком, - предложила его знакомая.

Хлопая крыльями, они заставили Пегасика сесть на ветку и посыпались рядом.

-Ну, - сказала его знакомая, - давай познакомимся поближе. Меня зовут Надя.

-Нюра!Нюся! Нюша! - представились её подруги.

-А меня назвали Пегасиком, потому что... Сначала назвали "Уточкой", потому что хвост утиный. Потом — Пегасиком, потому что голова лошадиная. Хотели, чтоб я был солонкой. Но когда вырезали крылья и лапки, то вложили в меня душу, даже не одну. И я ожил. Теперь соль в меня уже нельзя насыпать — я ведь живой. А кошка хозяйская на меня охотится. Значит, жить мне в доме нельзя. Я улетел и честно искал, для чего мне жить. Вот эта берёза, которая сейчас спит, сказала, что в природе нет ничего вредного или полезного — просто все друг другу нужны...

-Верно-ох, - вздохнула берёза и снова уснула.

-А я НЕ НУЖЕН НИКОМУ, - продолжал Пегасик. - Я непригодный. Меня сделали люди, но с людьми мне жить нельзя. Остальным же я только мешаю.

-Может быть, найти таких людей, у которых нет кошки? - спросила Нюра.

-Таких людей нет! - уверенно сказала Надя. - Кошки у них повсюду.
-А может быть, ты должен лететь к лошадям? - неуверенно предположила Нюша. -
Лошади добры.

-Они его не заметят и затопчут, - возразила Надя.

-А почему тебя назвали таким именем? - спросила Нюся.

-Я слышал, будто Пегас — это крылатый конь, на котором летают поэты.

-А кто такие поэты?

-Это люди, которые сочиняют складные речи, именуемые стихами. Например: "К сожаленью - день рожденья".

- А Пегас — он всего один или их целая стая? - допытывалась Нюся.

-Это невозможно, - сказала Надя, - один конь на всех поэтов. Он что же, в крылатой телеге их возить должен? Конечно, можно и по очереди, но тогда его заездят совсем. Скорее всего, у каждого поэта - свой Пегас.

-И всех зовут одинаково? - Нюся удивилась. - Какие люди скучные!

-Это неважно, - сказала Надя. - Я поняла, что тебе можно сделать. Ты должен лететь в город и найти там хоть одного поэта. Он познакомит тебя со своим конём и с другими поэтами, и ты навер-р-няка узнаешь, для чего ты нужен. Может быть, где-то ходит пешком такой ма-а-аленький поэт, что ты как раз мог бы его возить.

-А костёр от тебя не убежит, - добавила Нюра.

-Конечно, - подтвердила Надя. - Во-первых, он не умеет бегать, а во-вторых, костров полно повсюду.

-Ладно, уговорили, - Пегасик наконец улыбнулся. - Полечу в город.

-Только лучше утром,- посоветовала Надя. - Всё равно люди и поэты сейчас спят. Полетай с нами.

От костра Пегасик получал много отличных светонев, к тому же он чувствовал, что тепло для него тоже бесполезно. А от предстоящей встречи с поэтом он так повеселел, что ему и самому захотелось порезвиться.

Они взлетели.

Птички построились квадратом вокруг спасённого Пегасика и всю ночь обучали его полётам в плотном строю.

Когда строй пролетал над костром, тёплый воздух приятно подбрасывал их вверх. Надя хохотала, как сова, и кричала, что обожает восходящие потоки. Раза два, когда они пронеслись над самым огнём, люди у костра вскрикивали и смеялись им вслед.

Во время разворотов Пегасик несколько раз успевал подумать, как было бы глупо, если бы он не встретил птичек и успел бы броситься в костёр. То есть, просто уже не было бы ничего. Даже если бы пилоты и успели выхватить его из костра, он навеки стал бы уродом. Нет, жить гораздо интереснее, чем топиться!

Тут как тут была, конечно, и сова. Но напасть на такую боевую группу не решилась: как бы не задали трёпку. Она полетала большими кругами, покричала, похотала, никого не испугала и удалилась восвояси несолоно хлебавши.

-Ты здорово летаешь, - говорили птички Пегасику. - У тебя настоящий талант. Ты пр-р-росто создан для полёта!

"Ничего подобного, - думал Пегасик. - Знали бы вы, как мешает эта дырка в спине. Так и давит книзу. Не гожусь я для скоростного пилотажа".

Но, думая так, он летал ещё старательнее. Один раз даже попробовал перевернуться спиной вниз. Углубление в спине сразу толкнуло его кверху. Птичкам пришлось восстанавливать строй, но зато они догадались, в чём дело, и сбавили скорость.

После полуночи люди залили костёр и разошлись по палаткам. Потом откатилась на запад луна, а небо стало светлеть.

-Утро близко, - заговорили птички. - Спать пора. План по фигурам и по мошкам давно перевыполнен.

Они пожелали Пегасику счастья и оставили его одного, взяв слово — до встречи с поэтом в костре не топиться.

-А если в городе ни одного поэта не окажется? - спросил Пегасик озабоченно.

-Это невозможно, - сказала Надя уверенно. - Поэты в городе повсюду.

И ночные птички исчезли в лесу.

11. Где найти поэта?

Воробей и мышка давно не спали. Они дружно волновались за Пегасика. Он увидел их возле норы и получил строгий выговор.

-Я думала, ты нас бросил, - сказала Маня.

-А я думал, что тебя кто-то съел, - упрекнул Сёма. - Хоть бы предупредил, что вышел погулять. Так с друзьями не поступают.

Чтобы ещё больше их не волновать, Пегасик промолчал о том, что летал топиться. Рассказал только о встрече со змеей (чтобы Маня была осторожнее) и о полётах над костром с ночными птичками.

Узнав, что надо искать поэта. Сёма обрадовался.

-Я тебя познакомлю, - заявил он. - Это запросто.

Они обнялись на прощанье Маню, пожелали ей счастья и полетели в город.

На этот раз обошлось без приключений, если не считать, что над серединой реки на них пытался напасть коршун. Он налетел сзади, но при этом громко свистел крыльями и что-то кричал угрожающе и неразборчиво. Друзья увернулись и снизились к самой воде. А когда коршун бросился снова, ему пришлось немного искупаться, потому что в его хвосте со вчерашнего дня не хватало двух рулевых перьев.

Во двор элеватора Сёма не захотел даже заглянуть.

-Лучше помочь одному другу, чем стае равнодушных, - сказал он твёрдо. - Летим к поэту.

Они долетели до площади в центре города, обогнули огромное здание театра и опустились на карниз кирпичного старинного дома поменьше, с башенками на крыше, с яркими витринами, с шумным народом в дверях.

-Это магазин "Детский мир", - сообщил Сёма. - Здесь продают детские игрушки и детскую одежду.

-Поэт здесь? - обрадовался Пегасик. - Это детский поэт?

-Оглянись! - велел Сёма.

На другой стороне площади Пегасик увидел картину. Мелкими цветными камушками на стене театра был выложен могучий, прекрасный человек. Он стоял, крепко расставив длинные ноги. Одна рука была в кармане, другая сжата в кулак. Человек был без шапки и без пальто. Он грозно и весело улыбался.

-Поэт! - сказал Сёма.

-Он сочиняет складные речи, именуемые стихами?

-Он сочиняет великие стихи, - гордо сказал Сёма. - Некоторые я даже знаю наизусть. Вот послушай:

Пойдём, поэт,

взорлим,

вспоём

у мира в сером хламе.

Я буду солнце лить своё,

а ты - своё,
стихами!

Само солнце ходит к нему в гости, вот какой человек! И, между прочим, у него есть стихи для тебя:

Деточка,
все мы немного лошади.
Каждый из нас

по-своему лошадь,

-Да-а-а, - прошептал Пегасик, - точнее не скажешь. И конь у него, наверно, самый-самый!
Они живут в театре?

-Конечно и безусловно, - отвечал Сёма. - Видишь, написано:

"Театр имени Маяковского". А Маяковский — вот он!

-А это, верно, Маяковский?

-Точно, железно, вернее не бывает! Его такой же портрет я видел в школе, когда уже читать умел.

-Тогда летим! - обрадовался Пегасик. - Только где в таком домище коня искать?

-Найдём по запаху, - успокоил Сёма. - Я бывал на конюшне.

Они легко проникли на чердак, оставив без внимания ворчанье театральных голубей.

-Тут щель всегда найдётся, - сказал Сёма.

Не щель, а целая дверь, широко открытая, вела с чердака на балкон, а за балконом светилося таинственное пространство театра. Но лететь в эту дверь было почему-то страшнее, чем лезть в мышиную нору.

-Я стесняюсь, - признался Пегасик.

Тогда Сёма решил первым.

-Где наша не пропадала, одна живём! - крикнул он и бросился в дверь, очертя крылом голову. Пегасику пришлось не отставать.

Они пролетели среди каких-то верёвок и полотен, разрисованных деревьями и дворцами, и скоро увидели зал со множеством красных кресел. Зал был высок, огромен и кругл. Все его стены были заняты балконами и ложами. Кресла стояли в ложах и на нижних балконах, стулья — на балконах среднего яруса, а на самом верху — длинные лавки. Эти голубые лавки были размечены белыми линиями и пронумерованы по местам — Сёма знал и цифры. А позади лавок был ещё барьер для зрителей, которые любят смотреть спектакль стоя.

Сёма с Пегасиком сели на этот барьер и стали ждать.

12. Рухнувшая мечта

-Я давно собираюсь познакомиться с Маяковским, - тихо говорил Сёма. - Да всё не было повода. А теперь всё будет вполне прилично, законно, допустимо, нормально, даже естественно и запросто. Я скажу: "Уважаемый Владимир Владимирович! Мы с другом знаем и любим ваши великие стихи о поэтах, солнце, птицах и лошадях. Нельзя ли познакомиться мне лично с вами, а моему отважному другу — с вашим замечательным крылатым конём?" Как?

-Не называй меня отважным, - попросил Пегасик. - Даже если это и правда, всё равно неловко об этом говорить. Просто скажем, что я хотел бы узнать, не родственники ли мы с его Пегасом, и спросить, для чего надо жить такому существу, как я. Только почему ты решил, что он сейчас обязательно выйдет? Может быть, он сидит сейчас вместе со своим Пегасом в мастерской на горе Парнас и записывает стихи?..

-У него никогда не было и никогда не будет никакой мастерской и ничего такого. Он пишет стихи везде и всюду, даже на улице. Об этом говорили в школе. А сюда он придёт обязательно. Во-первых, здесь идёт его пьеса, я прочёл на афише. Поэты обязательно смотрят

все свои пьесы, чтобы сделать их ещё лучше и чтобы все стихи были прочитаны правильно. А во-вторых, мы ведь ждём его! Поэты всегда чувствуют, когда их где-нибудь ждут.

Ждать им пришлось недолго. Скоро и в самом деле на сцену стали выходить люди. Они появлялись из-за кулис и начинали тихо о чём-то разговаривать сами с собой или друг с другом. Сёма объяснил: разучивают роли. Потом по залу прошёл высокий человек в сером костюме, сел в первом ряду и несколько раз хлопнул в ладоши.

-Начнём репетицию, - сказал он громко. - С самого начала.

Люди на сцене начали разговаривать громкими голосами, ходить особой, театральной походкой, танцевать, петь и слушать музыку. Специальные фонари острыми лучами освещали то одного, то другого. Иногда люди что-нибудь делали не так или забывали слова. Тогда человек из зала сердито поправлял их, подсказывал, а два или три раза даже выбежал на сцену и показал, как надо двигаться.

-Может быть, это Маяковский? - прошептал Сёма.

-Нет-нет, - ответил Пегасик. - Ты вспомни, какой он огромный. А этот такой, как все,

Тут репетиция окончилась, и мужчина в сером костюме громко сказал:

-Пока ещё очень плохо, братья артисты! Мы ведь ставим необычный, никому ещё не знакомый спектакль. Спектакль для детей, а для детей нужно играть лучше, интереснее, чем для взрослых. К тому же, это спектакль на стихи Маяковского, великого русского поэта. Играть его героев нелегко. Вот, например, хотя бы этот эпизод:

Но у Пети

грозный вид.

Отвернуться норовит.

Мы знаем, что Петя — толстый буржуйский сынок. Казалось бы, всё просто. Но ведь с грозным видом нападают, а не отворачиваются. Вот и надо сыграть так, чтоб было страшно и смешно сразу: скупой Петя с грозным видом, с пончиком в зубах отворачивается от голодного щенка. А Сима, сын кузнеца, грозен по-настоящему:

Объявляю к общей гласности:

все щенята

в безопасности!

Я защитник слабого

и четверолапого.

Сима грозен, но он и добр при этом. Значит, надо играть грозную доброту! Вот видите: двое грозных, а такие разные! Но есть ещё Влас. Он тоже сын людей труда, но это уже третий характер. Влас - лентяй и лоботряс. И тоже не прост. В самом начале он ложится спать, взяв журналчик.

Всё в журнале интересно.

-Дочитаю весь,

хоть тресну!

Здесь надо сыграть его таким симпатичным любителем чтения. А вот когда наутро он из-за этого в школу опаздывает, тут только и становится ясно, что он — лоботряс.

Один из артистов, который играл художника, осторожно сказал:

-По-моему, нельзя из разных стихов даже великого поэта делать пьесу. Тем более без его согласия. Будь Маяковский жив, ему бы это не понравилось...

Сёма при этих словах подпрыгнул и с отчаянием уставился на Пегасика.

-А я отвечу вам его словами! - вскричал мужчина в сером костюме. - Вспомните предисловие к "Мистерии-буфф": "В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие "Мистерию-буфф", меняйте содержание, - делайте содержание её современным, сегодняшним, сиюминутным!" Маяковский был новатором и приветствовал бы наш спектакль, если бы сегодня был жив! Мы - представители того самого будущего, о котором он говорил, за которое боролся. Будем же достойны его доверия, будем новаторами как он!.. А теперь — перерыв.

Лица людей остались грустными и сердитыми. Так они и ушли за сцену, недовольные собой.

-Ужас! Кошмар, безобразие, трагедия, скандал, даже конец света! - завопил Сёма, едва зал опустел. - Ты слышал? "Будь Маяковский жив"! Значит, Маяковского уже нет в живых? Какое горе!

Пегасик до того растерялся, что даже не нашёл слов, чтобы утешить друга.

Они долго молчали, потом молча вылетели из театра.

13. Умей читать!

На карнизе "Детского мира" устроили совещание.

-Великого поэта нет среди нас, - печально сказал Сёма. -И даже самая светлая память никогда не восполнит нам этой потери. Друг мой Пегасик, от горя и голода у меня раскалывается голова. Надо скрепить сердце и лететь на эlevator, иначе для дальнейших поисков я не буду годен.

-Какие там поиски! - Пегасик даже топнул лапкой. - Искать-то больше некого.

-Ты неправ, я с тобой не согласен, - мягко возразил Сёма. - Я готов спорить с тобой, доказывать тебе обратное, переубеждать тебя... Ой! До чего же голова трещит! Давай пообедаем, а дальше я знаю, что делать.

-Я сыт, - сказал Пегасик. - А на эlevator больше не хочу. Если для тебя это не будет опасно, подожду тебя здесь.

-Хорошо, - согласился Сёма. - Только больше не исчезай.

-Ладно, - Пегасик засмеялся. - Я только загляну в магазин. А встретимся на карнизе.

Сёма улетел, а Пегасик стал кружиться над крышей, высматривая отдушину, чтобы проникнуть внутрь.

Все окошки в башенках оказались закрытыми. Он сел на карниз и осмотрелся.

В магазине имелись две двери. В одну постоянно входили и выходили люди. Возле другой стоял автофургон. Из него переносили в магазин разные картонные коробки. Магази́нная дверь за грузчиками не захлопывалась. Это был единственный путь. Пегасик дождался, когда понесли очередную коробку, и бесшумно влетел вслед за рабочими.

В детском магазине было на что посмотреть. На вешалках красовались нарядные одежды, на полках свежим лаком блестела обувь, жужжали и мигали яркие заводные игрушки на прилавках, улыбались красивые молодые продавщицы, гомонила толпа детей, пап, мам, бабушек и дедушек.

В торговом зале уже перелетали с витрины на витрину несколько воробьёв и синиц, поэтому на Пегасика никто не обратил внимания. А он выбрал полку с деревянными игрушками, осторожно опустился на неё и затих.

"Зачем я это делаю? - спрашивал он себя. - Хочу узнать, го́жусь ли я в игрушки?"

Люди равнодушно проходили мимо полки с Пегасиком. Дети на эту полку даже не оглядывались. Все спешили туда, где шумели моторы планетоходов, стрекотали пулемёты с лампочкой в стволе, где большие мягкие куклы испуганно моргали на оружие длинными ресницами и хором звали маму.

Пегасик осторожно оглядел своих соседей. Яркие небольшие куклы-пирамидки были хороши. Но их, наверно, давно все дети имели. Неуклюжий деревянный грузовик был мало похож на машину и покрашен какой-то грязной краской. А кубики в его кузове никуда не годились по сравнению с пластмассовым конструктором, из которого можно собрать подъёмный кран, самолёт, грузовик и ещё множество всего. О металлическом конструкторе, о радиоконструкторе, о магнитных играх и говорить не приходилось.

"Видно, деревянные игрушки уже совсем не нужны", - подумал Пегасик.

И тут он почувствовал, что на него смотрят. И очень внимательно.

Сначала он этому обрадовался и едва не шевельнулся. Но когда краем глаза увидел, КТО на него глядит, он пожалел, что явился в этот магазин.

К прилавку подбежал Евгеша и застыл, широко раскрыв глаза. Следом за ним сквозь толпу пробилась к пустому прилавку Евгешины мама и папа и тоже застыли.

В эту минуту Пегасик страдал невыносимо. На него смотрели во все глаза самые близкие существа. Люди, которых он любил.

"Они мои родители, - думал Пегасик. - Но мне к ним нельзя. Они ведь не будут знать, что со мной делать. Им придётся прогнать кошку, и мыши с крысами съедят все их продукты. Я не смогу стоять у них на полке. Или сидеть в клетке. Или порхать, чтобы их развлечь. Я хочу работать, как лошадь, как лодка, я хочу быть полезным. Простите меня, родители, но я не игрушка!"

- Это он! - громко прошептал Евгеша и взял маму за руку. - Я же вижу, это он!

- Девушка! - позвал папа продавщицу. - Как называется эта игрушка? Мы хотим купить.

Молодец папа, он умел хранить тайну.

Продавщица обернулась и быстрой рукой взяла Пегасика за хвост. Теперь ничего не оставалось, как и дальше притворяться неживым. Продавщица повертела его в руках, разглядывая, хохотнула и позвала подругу:

- Ира! Тут спрашивают... Что это за чудо у нас?

Ира подошла, взяла Пегасика за голову, потом за бока, тоже повертела и сказала:

- А кто это выставил? Это продавать пока нельзя. Видите - не отфактуровано...

- Что-что? - папа не понял.

- Фактуры, говорю, на это нет! - Ира фыркнула. - Как глухие прямо...

- Это Пегасик! - выкрикнул Евгеша. - Папа! Мама! Ну давайте же его возьмём!

- Ха, Пегасик! - Ира поморщилась. - Где это написано?

И, держа Пегасика за хвост, пошлёпала им по своей ладони.

- Когда отфактуруете? - спросил папа строго.

- После обеда приходите. - сказала продавщица Ира. - Товароведы будут по игрушкам. А лучше — завтра.

- Завтра — нет! - молил Евгеша. - Сейчас!

Но бессердечная Ира только пожала плечами и унесла Пегасика за витрину. Там она ещё раз повертела его в руках, пробормотала сердито: "Что попало, даже этикетка не наклеена!" - и, оставив неотфактурованного на столе, вернулась к прилавку.

- Как пройти к директору магазина? - спросил папа ещё строже.

Продавщица Ира стала невнятно объяснять, мама с папой переспрашивали, а Евгеша негромко заплакал.

Только не надо над ним смеяться. Даже взрослые, бывает, плачут в таком положении, а он ведь совсем небольшой мальчишка.

Слышать взволнованные голоса близких людей Пегасик больше не мог. Ему захотелось заплакать, но он не умел, и от этого было ещё хуже: слёзы облегчают горе, пусть даже ненадолго. И тогда он захлопал крыльями, закричал и полетел к той двери, через которую проник в магазин. Но сгружать ящики уже перестали, на дверь снова навесили пружину, и она плотно закрылась.

Пегасик заметался. Он кричал, на него оглядывался, и все говорили: "Какой странный голос у этой птицы. Какой-то человеческий".

Одна из форточек оказалась на этот раз распахнутой, и Пегасик вылетел в неё.

Забыв обо всём, он с криками мчался через площадь, едва не погиб в троллейбусных проводах и остановился только перед портретом Маяковского. Огромный прекрасный человек улыбнулся ему грозно и весело и, как показалось Пегасику, ободряюще подмигнул.

- Не было у меня крылатой лошади, - слышался Пегасику шёпот Поэта. - Я всё сам. И каждый поэт должен сам.

Пегасик кувыркнулся, завертелся штопором и пришёл в себя лишь у самой земли, когда чуть не врезался в гранитный бордюр. Он бешено заработал крыльями, быстро набрал над площадью высоту, немного успокоился и с размаху шлёпнулся на карниз "Детского мира", где уже волновался друг.

-Ну и что? Заглянул в магазин?

-Заглянул.

-Доволен?

-Нет.

-Ничего интересного?

-Ничего.

Пегасику было стыдно, что он опять не рассказал всю правду, но зачем напрасно огорчать друзей?

-Ладно, - сказал Сёма хмуро. - Вижу я, нельзя тебя оставлять одного: обязательно найдёшь, чем расстроиться. Но ничего, я тебя порадую сейчас. Я тебя развеселю, растормошу, успокою, утешу и даже обнадёжу.

Сёма совершенно забыл, что собирался совершить подвиг краткоречия. А Пегасику было в эту минуту особенно тяжело и хотелось тишины. Но друзьям надо прощать их слабости и даже некоторые недостатки, поэтому Пегасик только вздохнул.

Чуткий друг Сёма сразу понял.

-Всё, - сказал он. - Переходим к делу. Ты объявления на этом магазине читал? Ах, да, ты же читать ещё не умеешь. Надо будет тебя научить. Но учиться будешь не так, как я. Займёшься только литературным языком, а то казённый слишком засоряет мысли... Однако и он полезен. Пока ты гулял в магазине, я проглядел все объявления на дверях. И вот что обнаружил. Читаю.

Сёма свесил голову с карниза и вслух прочёл:

-"В понедельник (то есть сегодня!) в рамном цехе карандашной фабрики состоится литературный вечер. С чтением своих стихов выступит известный в городе поэт Голубьев В.Г. Начало в 17.00".

-Ну и что? - спросил Пегасик вяло.

-А то, что 17 часов уже скоро! И то, что я бывал на карандашной фабрике. И знаю, где рамный цех. Летим!

-А зачем?

-Да как ты не понимаешь?! Ведь поэт Голубьев Вэ Гэ прилетит туда верхом! Пока он будет выступать, мы с его Пегасом и познакомимся. А?!

Эх, как радовался Сёма! "Мне бы так, - подумал Пегасик. -Только мне уже радости не видать. Пегаса-то нет..."

-Хорошо, - сказал он вслух. - Полетим. Только всё это зря. Не будет никакого Пегаса.

-Это ещё почему?

Но разве поверил бы Сёма, что Пегасику шепнул об этом каменный портрет на стене? Да мало ли что может послышаться в шуме ветра?!

И Пегасик ответил:

-Мне так кажется.

-Это ничего, - заверил Сёма. - У меня такое тоже бывает. Покажется, покажется да и перестанет. Летим!.. А впрочем, это совсем недалеко, минут пять лёту. Давай-ка я немного поучу тебя грамоте.

И, летая взад-вперёд вместе с Сёмой, Пегасик прочёл первые в своей жизни слова: "ТЕАТР ИМЕНИ МАЯКОВСКОГО".

14. Битва на столе

Они прилетели на карандашную фабрику в 4 часа, и Сёма, разгуливая по крыше проходной, поучил Пегасика узнавать человеческое время по часам, которые висели над воротами:

-Ну, уже без десяти пять, - сказал наконец Пегасик. - То есть, 16.50. Стало быть, через десять минут начнётся литературный вечер.

-Молодец, - похвалил Сёма. - Теперь не пропадёшь. Эх, мне бы твои способности, конь ты мой деревянный!

-Что бы ты с ними стал делать?

-Как что? - Сёма удивился. И вдруг задумался. - А правда, что? Ведь я — обычный воробей. Я не плаваю, не вижу в темноте, не могу питаться светом. И, наконец, не так уж долго проживу. Ну, научился бы я читать быстрее. Ну, освоил бы пилотаж за один день. А какой толк? Может быть, и по голове дали бы раньше. И умер бы скорее... Вообще, я где-то на свалке читал, что быстро живущие и умирают быстрее.

Пегасик собрался было напомнить другу его слова о том, что учёные живут дольше, но тут к воротам подкатила низкая, чёрная, блестящая машина и стала сигналить. На гудки появилась из проходной женщина с блестящими пуговицами.

-Кого привёз? - спросила она шофёра.

-Поэта! Открывай! Опаздываем!

-Вечно мы опаздываем! - сказала женщина сердито. — Пешком опаздавали, на лошадях опаздывали, на машинах — опять опаздываем. Нам крылья дай, мы и на крыльях будем опаздывать...

Она ушла в проходную, железные ворота отъехали в сторону, и поэта повезли к огромному зданию, имевшему всего два этажа, зато с очень высокими окнами.

-Вот видишь, - сказал Пегасик, - у него нет коня.

-Это ничего не значит, - отрезал Сёма. - Конь может захворать, приболеть, занедужить и даже занемочь. Летим! Мы-то на крыльях не опоздаем, потому что нам торопиться некуда.

Рамный цех располагался на первом этаже. Все форточки были нараспашку. Друзья влетели в самую крайнюю и незаметно сели на кран-балку, высоко над головами людей.

-Эта балка ездит, не то что в барже, - сказал Сёма. - Но ты не бойся: никакой кошке сюда не забраться. Кругом колёса, рельсы, моторы...

Какой-то человек закричал: "Шабаш!", и в цехе стало тихо. Рабочие быстро собрались к высокому зубастому станку, который Сёма назвал пилорамой. Они сели на брёвна, стряхнули с себя опилки и вытерли руки.

Снизу приходили ещё люди в тёмной рабочей одежде, вытирали большие тёмные руки и тоже садились на брёвна. Из стеклянной будки, на которой Пегасик сам прочёл слово "МАСТЕР", принесли стол и два стула. На стулья сели два чисто одетых человека. Один из чисто одетых очень интересно рассказывал о стихах и, к удовольствию друзей, дважды вспомнил Маяковского. Потом он сказал, что сейчас известный поэт Голубьев Виссарион Гаврилович расскажет о своём творчестве и прочитает стихи.

Поэт сурово поднялся и рассказал, как трудно сочинять настоящие стихи. Под конец он тоже вспомнил Маяковского:

-Я согласен с Владимир Владимировичем: поэзия - это в самом деле та же добыча радия. В грамм, как говорится, добыча, в год труда. А теперь — немного самой этой поэзии, если позволите.

Он читал суровым голосом. Стихи были очень серьёзные. В них говорилось, что человек родится, чтобы трудиться. И что у каждого дорога идёт от школьного порога.

-Ох, как это правильно! - шептал Сёма. - Ох, наверно, и Пегас у него умнящий!..

Пегасику тоже понравились стихи о труде и дороге, он кивал и даже немного улыбался, хотя события в магазине и на площади продолжали его угнетать.

-Теперь немного улыбнёмся, - сказал поэт Голубьев и улыбнулся. У него была широкая улыбка, добрая и весёлая. Глядя на него, заулыбались и рабочие.

-Я прочту вам шуточные стихи, - сказал поэт.- Они называются "ИЗ ПУШКИ - ПО ВОРОБЬЮ",

Он немного помолчал, чего-то ожидая, потом начал весело читать:

Безалаберная птица,
Никудышный воробей
Со скворцами не сравнится,
Хоть его из пушки бей.
Не поёт он солнцу песни,
Всюду смотрит, что стащить,
Потому его, хоть тресни,
С жаворонком не сравнить.
И добавлю, что при этом,
Откровенно говоря,
Воробью по всем приметам
Далеко до снегиря.
Эту глупую пичугу
Я от сердца от всего
Подарю на память другу —
День рожденья у него.
Пусть кричит всю жизнь из клетки:
"Чивы-чивы! Чик-чирик!"
Но зато сидят на ветке
На свободе снегири.

Голубьев коротко поклонился и слегка откинул голову назад, ожидая, что его "шуточное" оценят по достоинству. Люди слегка засмеялись. Кто-то пару раз хлопнул в ладоши.

-Эти отихи родились экспромтом, - сказал поэт. - Игра воображения при виде воробья. Принимать всерьёз не обязательно. Но вообще-то моё отношение к воробью, если без шуток, однозначно отрицательное.

-А за что? - спросил какой-то молодой рабочий.

-Я отвечу выдержкой из "Энциклопедического словаря", которая, собственно, стала поводом для этих стихов и которую помню дословно: "Воробьи - злостные вредители зерновых; с ними ведется борьба отравленными приманками". Это, понятно, уже далеко от поэзии, это суровая правда жизни, а жизнь, как известно, борьба: кто кого. Но в этой борьбе есть своё место и у поэзии.

Больше Сёма выдержать не мог. До этого он только подпрыгивал на месте и молчал, а теперь с криком слетел вниз и заскакал перед поэтом по столу.

-И это называется поэт?! - вопил отважный воробей. - Да что ты в нас понимаешь?! Знаешь ли ты, неуч, что твои хвалёные скворцы принадлежат к отряду воробьиных? Даже не мы им, а они нам — ближайшие родственники! И полям и садам от них достаётся больше, чем от нас!

Поэт отмахивался от Сёмы стихами, люди хохотали и хлопали в ладоши, молодой рабочий кричал: "Так его! Ура!" А Сёма не унимался.

-Я тебе отвечу выдержкой из другого "Энциклопедического словаря": "Воробьи приносят большую пользу, уничтожая вредных насекомых"! А жавороночки твои - они воробьям двоюродные братья! И снегири, между прочим, тоже из воробьиных! Эти красавцы вообще нахалы! Им лень в лесу искать рябину, они всей стаей в город летят! Вам это нравится: ах,

снегири на ветке, как яблоки в мороз! А нам из-за них воровать приходится! Поэты! Люди! Ну заступитесь вы за нас!

Конечно, никто, кроме Пегасика, не понимал, о чём так громко чирикает сердитая серая птаха. Рабочие хохотали, а поэт всё пытался прихлопнуть Сёму папкой со стихами.

И тут чисто одетый, что сидел рядом с поэтом, схватил свою шляпу и быстрым движением накрыл ею воробья.

Люди захохотали ещё сильнее, потому что Сёма продолжал бушевать и под шляпой. Но тут чисто одетый встал и поднял руку.

-Ну, всё, друзья. Разрядились, теперь будем задавать Виссариону Гавриловичу вопросы. Прошу.

Пегасик уже ничего на свете не видел, кроме страшной шляпы. Он был почему-то уверен, что чисто одетый понял все слова Сёмы и за это после литературного вечера он сунет бедную птицу в карман, открутит ей в машине буйную голову и на ходу выбросит из окна на дорогу, под колёса. Пегасик так ясно себе это представил, что по его деревянному телу пробежала дрожь.

Коварная шляпа лежала на краю стола. Но Сёма продолжал буйствовать, и чисто одетый не сводил со шляпы глаз. Два раза он даже протягивал к ней руку. Если нападать по прямой, он заметит сразу, и тогда будет достаточно этой его протянутой руки.

План родился! Пегасик побежал по балке в самый дальний её конец и оказался за спиной чисто одетого. Теперь нужно было бесшумно спланировать между головами поэта и его помощника, сделать над столом крутой вираж со снижением и грудью сбить шляпу на пол. Пока она будет падать, Сёма вернёт себе свободу.

Атака началась. Правильно поставленные крылья не издавали ни звука. Скорость росла.

В тот момент, когда Пегасик был почти уже у цели, головы его врагов начали вдруг сближаться — они усаживались поудобнее, ожидая вопросов.

Деваться было некуда. Деревянные крылья больно чиркнули их по кончикам ушей, но и сам Пегасик ощутил боль в крыльях. Он испугался, не повреждены ли хрупкие пёрышки, но они послушно ввели крепкое тело в вираж. И ещё не успели поэт с чисто одетым схватиться за уши, как крутая грудь Пегасика сбила шляпу со стола.

Удар о шляпу так потряс его, что крылья почти перестали слушаться, а в глазах потемнело. Пегасик не видел, куда летел, и уже начал прощаться с жизнью.

И он бы врезался прямо в молодого рабочего. Но рабочий следил за его атакой с самого начала. Поэтому в последний миг он успел убрать свою голову и дружески улыбнулся.

-Отчаянный малыш, - пробормотал рабочий. - Для друга жизни не пожалел. Только мог и не рисковать: мы бы его и так освободили.

Однако что это была за птичка, рабочий разглядеть не успел.

Зрение вернулось к Пегасику перед окном. Крылья, хоть и плохо, но слушались. Из последних сил он добрался до кран-балки, и тут же рядом оказался Сёма. После подшляпной тьмы он ещё таращил глаза, но не переставал ругаться.

-Да будет вам известно, что нас пять тысяч видов! - кричал он уже охрипшим голосом. - Всех шляпой не накроете! Даже знаменитая птица-лира — и та воробей!

Он шумел еще целую минуту и в конце важно добавил три совсем уж непонятных слова: "ПАССЕР БРИССОН, КАРРАМБА!" *

Поражённый образованностью и мужеством друга, Пегасик молчал и только восхищённо покачивал головой.

А люди внизу бушевали ещё сильнее Сёмы. Они размахивали руками, что-то выкрикивали, и чисто одетый не мог их остановить. Наконец поднял руку старый рабочий, и его товарищи замолчали.

-Спасибо вам за интересное выступление, - сказал рабочий, усмехаясь в усы. - Вопросов к вам не имеется, приезжайте ещё, если захотите, до свидания.

Люди захлопали в ладоши и так, хлопая, разошлись. Поэт и чисто одетый спустились к своей машине и поехали прочь.

-За ними полетим? - спросил Сёма мрачно.

-Для чего?

-Надо же до Пегаса добраться.

-А ты, если бы лошадьё был, возил бы такого?

-Ныр-р-ряй он в р-р-реку! - отчеканил Сёма.

-Так о чём же с таким разговаривать? Да и зачем Голубьеву Пегас, если есть машина?

В эту секунду коварная кошка Сима, подкравшись по крыше к самой кран-балке, бесшумно прыгнула и выпустила когти.

Она была согласна поскользнуться на железной балке и свалиться вниз: после полёта с берёзы она уже не боялась падений. Но теперь оба врага должны были падать вместе с ней, трепыхаясь в её беспощадных когтях и мечтая о скорейшей, не очень мучительной гибели.

До сих пор друзей спасала их ловкость. Один раз помогла старая берёза, вовремя стряхнувшая Симу. Теперь же им помог новый друг, молодой рабочий с пилорамы. Правда, спасти их он не обещал и не собирался, помог совершенно случайно, сам того не зная. Просто ему нужно было перенести к пилораме бревно. Он нажал кнопку на своем пульте, и кран-балка поехала.

От рывка Сёма и Пегасик едва не свалились вниз. А Сима, уже падавшая на них с крыши, промахнулась. Видя, как дернулась и поехала балка, она замахала всеми лапами, завертела хвостом, но полёт всё же получился недостаточным. Только одной лапой Сима дотянулась до балки. Когти царапнули по железу и сорвались. Она упала на брёвна.

Пегасик услышал знакомый скрежет и оглянулся. Сима лежала внизу на бревне и смотрела на них с тоской.

-Ну зачем мы тебе? - спросил Пегасик.

Сима не ответила. Она отвернулась, положила голову на лапы и стала думать. Как всякая настоящая кошка, она ни за что не собиралась отступать. Не о чем тогда и разговаривать. А подумать стоило вот о чём. Эти двое крылатых умны и осторожны. Да к тому же им почему-то и везёт. Значит, просто так, подкрадываясь, их не возьмёшь. Нужно придумать нечто замечательное, чтоб наверняка.

-Она больше нас не тронет, - сказал Пегасик. - Видишь, ей стыдно.

-Не знаешь ты кошек, - возразил Сёма. - Летим отсюда.

-Куда?

*\ВОРОБЕЙ (англ.) БРИССОНА (фр.), ЧЁРТ ПОБЕРИ(исп.)!\

-Неважно. Лишь бы отсюда.

-Посидим немного здесь,- попросил Пегасик. - Что-то я о шляпу сильно ударился. Отдышаться надо.

Он опять слукавил перед Сёмой. Деревянное тело быстро пришло в себя и могло снова лететь куда угодно. Пегасику просто хотелось понаблюдать за Симой и понять, что она задумает.

15. Разные брёвна

Вид упавшей кошки был такой горемычный, что молодой рамщик даже не стал прогонять её с брёвен. Он осторожно перенёс кран-балкой нужное бревно к станку и, закрепив его в захватах, вежливо Симу предупредил:

-Сейчас будет шумно. Но не опасно.

Завыли моторы, заходили вверх-вниз зубастые стальные полотна. Рамщик сел в своё кресло, взялся за рычаги и, направляя бревно, вместе с ним поехал навстречу опасным пилам. Зубья вгрызлись, а захваты всё толкали бревно вперёд, и с другой стороны станка вместо бревна выдвигалась пачка не очень толстых, но широких брусьев-плах. Не допилив немного до захвата, рабочий отъехал со своими плахами обратно, повернул их и снова пустил в зубья. Теперь из станка выходила пачка точно таких же квадратных брусков, как тот, из которого сделан Пегасик. Сима хорошо помнила этот брусок. И теперь она глядела на множество длинных-длинных заготовок и представляла, что это уже пегасики. Сотни летающих деревянных солонок! Они кружились плотным роем, хлопали Симу крыльями по чутким ушам и кричали хором: "Ну-за-чем-мы-те-бе, ну-за-чем-мы-те-бе..." Хор визжал, рос и надвигался.

Сима вскочила, отпрянула, выгнула спину и зашипела. Она догадалась потрясти головой, и рой пегасиков исчез. Остались только вздрагивающие бруски да дружный хор прыгающих зубастых пил: "Ну-за-чем-мы-те-бе, ну-за-чем-мы..."

Вдруг пилы остановились. К Симе подбежал рабочий.

-Ну, что ты, киса? Я же говорил, это не опасно...

Он хотел её погладить.

Но Симе вдруг представилось, что сейчас её схватят за загривок, зажмут вместо бревна и начнут так же пилить на бруски. Она взвыла, отскочила и помчалась к выходу.

-Ударилась, бедняга, - сказал рабочий вслед. А когда она скрылась, отправил готовые бруски на транспортёр и занялся следующим бревном.

С кран-балки через окно было видно, как Сима выскочила из цеха, чуть не попала под грузовик с опилками, вскачь перебежала двор, обогнула соседний корпус и между железными прутьями ограды проскользнула на улицу, в заросли полыни и лебеды. Там Сима упала на спину и стала кататься и выть от горя. Потом замерла, принимая решение. Через секунду она вскочила и побежала в сторону городской свалки.

Последних действий Симы воробей с Пегасиком не видели, потому что их внимание было теперь занято следующим бревном. Они даже слетели пониже и сели поближе, чтобы лучше слышать.

А бревно стонало и охало.

-Ох, пилят! Ох, больно! Ох, тошно! Ох, тяжело!

-Чем же ему помочь? - волновался Сёма.

-Ничем, - спокойно отвечал Пегасик. Он вспоминал свои боли.

-Ох, за что? - стонало бревно, - Ох, пошто? Ох, зачем? Ох, куда?

-Давай помешаем рабочему, - предложил Сёма.

-Не стоит, - отрезал Пегасик.

-Почему?

-Хороший человек злое делать не будет.

-Ох, не надо! Ох, обратно хочу! Ох, в воду! Ох, на дно!

Бревно охало всё глуше и слабее, потому что почти целиком превратилось в плахи.

Когда его поворачивали и превращали в бруски, оно уже молчало.

-Я ничего не понял, - сказал Пегасик. -"Обратно, в воду, на дно..." Что это оно говорило?

Сёма подумал и вспомнил.

-Я знаю. Летим, это рядом.

Они выпорхнули в форточку, долетели до угла, и тут Пегасик увидел, что фабрика стоит на самом берегу реки. Поодаль толкли воду буксиры и мелкие самоходные баржи, сновали моторные лодки. Залив у фабрики был специально углублён и огорожен, и там, в тёмной стоячей воде, тесно лежали толстые брёвна, похожие на то, которое только что распилили.

-Это затон, - сказал Сёма. - Здесь вода не замерзает ни в какие морозы. Отсюда брёвна вон теми крючьями затаскивают в цех, чтобы распилить. Понял?

-Понял. А сюда они как попали?

-По реке. Далеко в лесу их спилили, бросили в воду, а здесь поймали и — в затон. Понял? Ну, давай присядем.

Они опустились на самое толстое бревно, которое выше других выступало из воды и имело самую светлую древесину.

-Привет! - сказал Пегасик.

-Привет! - прогудело бревно.

-Привет! - отозвались остальные.

-Кто вы? - спросило толстое бревно. - Такую птицу я уже видел, а ты кто, малыш? Ты как будто деревянный...

-Да, - ответил Пегасик. - Я деревянная безделушка. Люди нечаянно вложили в меня душу, но от них пришлось улететь, вот и ищущу теперь, где же от меня польза будет.

-Кому польза? - спросило тёмное бревно, едва выступающее из воды.

-Я не знаю, - ответил Пегасик. - Надо бы кому-нибудь хорошему.

-А что такое хорошо? - спросило тёмное бревно. - Ты это знаешь?

-Хорошо никого не обижать.

-Раз, - сказала тёмное бревно.

-Хорошо иметь друзей.

-Два.

-Хорошо много знать.

-Три.

-Хорошо много уметь.

-Четыре.

- Хорошо иметь врагов, - сказал вдруг Сёма и объяснил: - Жить веселее.

-Пять.

Друзья задумались.

-Вы не робейте, называйте, - тёмное бревно глухо засмеялось. - Я умею считать до 240, потому что мне 240 лет. Вы можете назвать 240 "хорошо".

-Кажется, уже всё, - сказал Пегасик неуверенно.

-Этого хватит, - отрезал Сёма.

-Этого слишком много, - сказала темное бревно. - Ведь всё это невыполнимые желания, не больше. НЕЛЬЗЯ никого не обижать. Ибо такова жизнь. НЕЛЬЗЯ иметь друзей. Ибо они могут предать и, значит, обязательно предадут, раз могут... НЕЛЬЗЯ много знать и много уметь, ибо нельзя ответить на вопрос, что такое много. И НЕЛЬЗЯ иметь таких врагов, от которых, как вы изволите выражаться, "жить веселее". Такие враги не есть враги. Они уже есть друзья. Так-то... Но вы мне симпатичны, ибо вы есть мыслящие молодые существа. А мыслящие существа всегда доходят до истины, состоящей в одном едином великом НЕЛЬЗЯ! Слабость вашего ума состоит в вашей молодости. Это у вас пройдёт, ибо всё проходит с годами. А пока я - совершенно даром! - подарю вам знание. Сейчас я сообщу вам, что такое ХОРОШО. Вы готовы это усвоить? Итак: ХОРОШО ЛЕЖАТЬ В ВОДЕ. Это гораздо лучше, чем стоять на корню. Это более сытно и всё - без труда. Не надо тянуть влагу из земли корнями - она вокруг, она в избытке. Не надо перегонять влагу по стволу - она всюду проникает сама. И ты тяжелеешь, тяжелеешь, тяжелеешь... Конечно, птице этого не понять, я рассказываю тебе, летучий родственник. Повторяю: хорошо лежать в воде — это сытно. Однако ЕЩЁ ЛУЧШЕ - ЛЕЖАТЬ НА ДНЕ. Тебя там не качают волны. Тебя не толкают катера и соседи. В тебя не вонзают крючьев сплавщики. На тебя не садятся болтливые птицы. И, наконец, над тобой не шумит ветер, который так мешает думать. На дне тебя окружают СЫТОСТЬ И ТИШИНА. Ты КАМЕНЕЕШЬ, КАМЕНЕЕШЬ... Есть, правда, ещё промежуточное состояние, когда ты ещё плывёшь, но уже не на поверхности...

-Топляк! - презрительно рявкнуло светлое бревно.

-Да, люди называют такие брёвна топляками. Один конец топляка обычно слегка выступает из воды. Он опасен для быстроходных лодок и кораблей. Такого типа, например, как "Казанка", "Обь", "Крым", "Заря", "Ракета" и тому подобное. Он может пробить им дно, и они потонут. Некоторые брёвна находят в этом интерес, это по-своему почетно, однако хлопотно и не всегда приятно. Поэтому настаиваю: самое лучшее - КАМЕНЕТЬ НА ДНЕ. И вы, сухой собрат, не спорьте: вы ещё слишком мелко плаваете, чтобы на равных разговаривать с топляком. А мне до этого, по-своему почетного, звания остаётся всего несколько недель. Вон какая у меня осадка!

-А кому это полезно? - спросил Пегасик.

-Кому — что?

-Кому полезно, если вы окаменеете?

-Глупый вопрос, дружок. Это полезно, разумеется, мне. Кому же ещё?

-Вот тебе раз, - сказал Пегасик. -Ещё одному топиться охота. Только кому-то в костре, а этому - в воде.

-А что же, - сказала темное бревно с важностью, - огонь лишь немногим уступает воде. Сгорая, мы возносимся к небесам, рассеиваемся в пространстве и в виде мелких частей существуем повсюду. Совсем-совсем не худо. Но я предпочитаю топиться в воде. По мне, это проще. Ведь чтобы сгореть, надо ещё высохнуть. А это хлопотно. И, главное, голодно. Все-таки дерево создано больше для влаги, чем для огня.

-Дерево создано для жизни! - прогудело сердито светлое бревно. -И не надо путать жизнь со смертью. Топиться — хоть в огне, хоть в воде — это смерть. И ничего более. Да, быть сухим голодно. Однако из сухого дерева люди изготовили скрипку и рояль. И что может быть прекраснее и достойнее для дерева, чем породить музыку?! Вот оно, настоящее БЕССМЕРТИЕ! Послушай меня, малыш. И ты, птичка, послушай. Я — кедр. И все прочие в этом затоне — кедры. Ты, малыш, тоже сделан из кедра, я это чувствую по голосу. Сейчас вы узнаете кое-что о настоящей жизни.

Рассказ кедра

Я помню себя с того момента, как шишка полетела на землю.

Я в этой шишке был маленьким орешком. Вскоре шишку подняли человеческие руки. Меня вместе со всеми достали из шишки и спрятали в землю. Помню, как от сырости и тепла я стал наливаясь силой и взломал свою скорлупу.

Расти я начал сразу и вверх, и вниз. Отчётливо помню то мгновенье, когда пробил землю и впервые увидел свет. Никогда с тех пор я не знал и не хотел ничего лучше солнечного света.

Мне кажется, я мог бы описать все восходы солнца за все триста пятьдесят лет моей жизни. СВЕТ - это ПЕРВАЯ ЦЕННОСТЬ.

Когда я немного подрос, человеческие руки опять вмешались в мою судьбу. Они осторожно извлекли меня из земли, обмотали корешок чем-то влажным и перенесли на то место, где я провел всю свою жизнь. Это было прекрасное место на холме. Много солнца и птичьих песен.

Часто приходили люди и приносили с собой музыку.

МУЗЫКА - это ВТОРАЯ ЦЕННОСТЬ, которую я узнал в ранней молодости и полюбил на всю жизнь.

Я рос крепышом, и людям нравилось отдыхать под защитой моих ветвей. С годами моя крона приобрела форму шара, её не пробивал никакой дождь, и людям это тоже очень нравилось. Они присаживались на толстую сухую подстилку из моих длинных иголок и разговаривали. Я научился понимать их речь и узнал, что для людей главная ценность - их мысли. Человек гораздо слабее дерева, он легко может потерять свою одежду, своё оружие, свои украшения. Но мысли его — всегда при нём, их у него не отнять. И чем больше мыслей, тем богаче человек. Мне посчастливилось услышать беседы чрезвычайно богатых людей. Обладая

хорошей памятью, я многое запомнил, а с годами и понял многое из того, что они говорили. Я с удивлением обнаружил, что очень многие из людей до самой смерти не догадываются о своём главном богатстве. Они всю жизнь стараются накопить побольше разных вещей, но умирают нищими, потому что накопили мало мыслей. Мыслители, у которых мало вещей, всю жизнь кажутся им презренными бедняками, но перед смертью они всегда завидуют мыслителям.

Мимо меня проносили хоронить всех людей, которые умирали, и я слышал, что о них говорили живые. Об одних было сказано, что они много успели сделать и могли бы еще больше, если бы не умерли. Других жалели за то, что они жили только для себя и не оставили по себе доброй памяти. Ведь память -- это тоже мысли. Она бывает доброй и недоброй. И никакой другой памяти нет, потому что память - это продолжение человеческой жизни.

Вот так, слушая людей, я приобрёл для себя ТРЕТЬЮ ЦЕННОСТЬ — МЫСЛИ... Вы, верно, устали меня слушать, малыши?

-Нет, что вы, - поспешил ответить Пегасик, а Сёма добавил: -Очень даже интересно и увлекательно.

-Тогда я доскажу, осталось уж немного. Осталось только сообщить вам, юные друзья, что сейчас, когда я превращён людьми в ничтожное бревно и погружен в воду, меня посещают такие же безумные мысли, как и моего несчастного тёмного собрата. Я тоже порядком устал от жизненных трудов, меня так и тянет полежать на дне. Но я вырос не в чаще леса. Я много слушал людей и думал о жизни больше, чем другие кедр. Повторяю: лечь на дно и окаменеть — всё равно что умереть. Ни света, ни музыки, ни мыслей. Я не спрашиваю, зачем и почему, я просто не согласен топиться. Ни в воде, ни в огне. Пускай меня распилят, я потерплю. Пусть хотя бы по одной моей мысли достанется всем брускам и доскам, которых из меня наделают, это уже хорошо. Это уже хорошо, потому что не смерть. Может быть, одна доска превратится в скрипку. Значит, я обрету свою ВТОРУЮ ЦЕННОСТЬ — МУЗЫКУ и даже буду создавать её вместе с людьми. Может быть, из другой доски вырежут узоры и украсят ими дом. Узоры заиграют на солнце, и я обрету свою ПЕРВУЮ ЦЕННОСТЬ — СВЕТ. А если из какого-нибудь бруска вырежут голову мыслителя, я, может быть, обрету свою ТРЕТЬЮ ЦЕННОСТЬ — МЫСЛИ, в большом количестве. Разве это хуже, чем каменеть на дне реки в темноте и глухоте?

-Мне кажется, будто я давно всё это слышал, - сказал Пегасик.- Но я живу всего четвёртый день. Вы не знаете, что это значит?

-Знаю, малыш,- прогудело бревно.- Это значит, что тебя вырезали из светлого старого кедра. Запомни нашу беседу. Может быть, мы ещё встретимся. Ведь и из меня могут вырезать такую же живую фигурку.

-А не знаете ли вы, для чего я живу? - спросил Пегасик.

-Посмотри вокруг, - ответил старый кедр. - Тысяча брёвен лежит в воде. Это были кедр. Каждый жил своей жизнью. Теперь у всех одна судьба: вон по тем роликам вташат в цех, распилят и наделают миллионы одинаковых карандашей. Но потом их судьбы снова разойдутся. Одним карандашом ребёнок нарисует свою первую картинку, другим художник сделает свой лучший рисунок. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

-Нет, - признался Пегасик.

-У каждого своя судьба, - объяснил старик.- Но карандаш выбирать её не волен. Что заставят, то и нарисует. А вот ты - другое дело. Ты можешь выбирать. И не только МОЖЕШЬ, но и ДОЛЖЕН. В твоей счастливой голове вмещается много мыслей. Ты всему даёшь свою оценку, и никто не может тебя заставить думать иначе, если ты сам не захочешь. Это большая удача - выбирать дорогу САМОМУ. Сделай это, малыш. Задача трудная, но только тебе одному она под силу. Быть свободным в выборе труднее, чем слепо выполнять чужую волю. СВОБОДА - ЭТО ЧЕТВЁРТАЯ ЦЕННОСТЬ. Она есть всегда. Ею надо лишь научиться пользоваться. Летай везде и смотри, чем заняты другие кедр. Это поможет тебе сделать свой выбор... Или найти свой выход... Своих ты всегда узнаешь по красноватой плотной древесине, по небольшим коричневым сучьям, а где нет лака, то и по запаху. Запомни его хорошенько.

Друзья подышали кедровым запахом НА ПАМЯТЬ, простились со всеми брёвнами и пожелали им счастливой судьбы. Брёвна желали им того же. Ничего не сказал только топляк. Ему было не до них. Он ТЯЖЕЛЕЛ.

Пролетая мимо рамного цеха, они и туда заглянули, подышать кедровым запахом. Молодой рамщик приветливо им помахал.

-А ты хотел на него напасть, - вспомнил Пегасик.

-Я был ещё молод и глуп, - ответил Сёма. - Я был необразован, неопытен, неучён, неподкован, туп, несообразителен и даже слаб в коленках.

16. Осуществлённая мечта

На городской свалке в этот день произошла кровавая драма. Вожак всех ворон, старый, испытанный в воздушных и наземных боях, Его Грознолетательство Воряга Тринадцатый был подкараулен у кучи свежесброшенных гнилых арбузов, схвачен и зверски растерзан неизвестной сиамской кошкой. На глазах ошеломлённой стаи!

Эта кошка была выгружена из самосвала вместе с арбузами и валялась среди них мертвец мёртвого. Когда же вождь, по праву старшинства, сел на неё, чтобы отведать первым, хитрая городская тварь ожила и проявила невиданную силу, невероятное проворство и неслыханную жестокость.

Никто ничего не успел понять, как Его Грознолетательство уже пал жертвой кровожадного вероломства. Никто ничего не успел предпринять, как тело великого летателя было нагло и мгновенно затащено в старую стиральную машину.

Все попытки отбить у врага тело для воздания последних почестей успеха не имели. Кошка защищала добычу яростно, изобретательно, хладнокровно и неутомимо, сделав калекими многих из друзей покойного.

Вследствие скорого наступления темноты, решающий штурм стиральной машины был перенесён на утро.

До полуночи возмущённая стая бурно митинговала, выслушивая и отвергая способы казни для гнусной заморской твари. Наконец, единодушным голосованием было решено её разорвать на такое количество клочьев, чтобы досталось каждому, а кости разнести по сорочьим гнездам на три километра в окрестности. Приняв решение, стая забылась тревожным сном.

А утром, когда после жаркого боя стиральная машина была захвачена, внутри не оказалось ни преступницы, ни останков Его Грознолетательства.

...Собственно говоря, вкус вороньего мяса, даже самого свежего, Симе никогда не нравился. Разве может быть вкусным мясо нечистой птицы, питающейся отбросами? И здорового балбеса, который бросился на неё первым, Сима взяла себе исключительно ради широких и крепких крыльев.

Сидя в стиральной машине на чёрной туше, она в своё удовольствие потешилась, не щадя нападающих и приговаривая при этом: "Дурачьё крикливое, куда прёте? Это вам не объедки делить. Прочь пошли, падальщики, другой пакости вам мало. Ха, вам бы с собаками подраться..."

Ночью она ушла открыто, не боясь прыгающего света свалочных костров, и унесла с собой только крылья. Правда, перед этим она благородно столкнула в огонь черную тушу своего нечаянного помощника, примолвив: "Лучше сгореть тебе, чем быть съеденным своими, ваше Грязнолежательство".

Она долго шла лесом в сторону города, на полпути устала и решила отдохнуть. Закусив парой неосторожных мышек, втащила крылья на берёзу да там в развилке и задремала.

На рассвете Симу разбудил собачий лай. Она без страха поглядела вниз, но сразу поняла, что спускаться не стоит. Врагов оказалось трое, к тому же они были явно знакомы с правилами охоты, не то что городские дармоедки.

Лайки терпеливо ждали Симу под берёзой и не собирались уходить. Они хорошо знали, что голод не тётка, и весело, даже дружелюбно потявкивали:

-Слазь! Слазь! А то похудеешь, невкусная будешь!

-А как вы меня будете есть: все вместе или по очереди?

-Все! Враз! - отвечали умные лайки.

-Тогда я лучше буду худеть! - смеялась Сима и перетаскивала свои драгоценные крылья всё выше.

-Брось! Брось! - лаяли собаки. - Это же не едят! Это перья!

Сима не ответила и начала примериваться к крыльям. Собаки думали, что она пытается их грызть, и отрывисто смеялись.

Берёза, на которой устроилась Сима, росла на краю глубокого, узкого и длинного оврага. Для испытания крыльев место было опасное. Но выбора не оставалось: лайки были намерены проявить свою испытанную и знаменитую собачью выдержку.

Сима долго приноравливалась к вороньим крыльям. Она брала их в зубы, засовывала под мышки, упирала в грудь и в живот, а когтями передних лап искала место покрепче, чтобы хорошо ухватиться.

-А вот и хозяин! - залаяли собаки. - Вр-раз тебя снимет из ружья!

Человек был далеко, но он приближался и в руках у него действительно было ружьё.

Сима пришла в отчаяние. Она сидит высоко на дереве, человек запросто спутает её с каким-нибудь диким зверем и выстрелит. А может и не спутать, просто так убьёт. Спуститься же и помякуть, чтобы пожалел, Симе не позволяла гордость - всё же в ней текла королевская кровь далёких предков.

Пока она размышляла, человек увидел на дереве добычу и побежал. Издали он принял Симу за невиданную птицу и торопливо стал целиться. Это был не сам хозяин собак, а его несовершеннолетний сын, который взял отцовское ружьё тайком и намеревался подстрелить ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ.

Время истекло. И Сима, кое-как вцепившись в крылья всеми четырьмя лапами и надеясь только на чудо, соскользнула по тонким веткам вниз.

Мальчишка выстрелил.

Сима почувствовала горячий удар по хвосту. Вращать стало нечем. Но ведь летают же без махания и вращения!

И широкие вороньи крылья, которыми она просто не в силах была махать, вдруг легко понесли её над оврагом!

Снизу вдоль оврага дул ветер. Это он подхватил крылатую Симу и, согласно закону физики, она понеслась ему навстречу, набирая высоту и боясь теперь только одного — сделать что-нибудь не так и рухнуть с высоты своих мечтаний в зубы этим жадным охотникам, которые с обиженным лаем и визгом понесли по склону оврага в погоню.

Впрочем, собаки быстро запутались в буреломе и остановились.

Сима летела навстречу ветру. Сияло солнце, качался внизу лес. Всё было так, как она представляла. Теперь можно было даже признаться, что не просто представляла, а ВСЮ ЖИЗНЬ МЕЧТАЛА и видела во сне. Ведь только из-за недоступности неба она ненавидела тех, кому ничего не стоило взлететь. Но теперь, покачиваясь в полёте, Сима простила их всех: и ночную птичку Надю, и воробья Сёму, и крылатую деревянную солонку с лошадиной головой, и даже этих грязную голубей, у которых такое вкусное мясо.

Теперь она равна птицам и будет питаться одними мышами!

Симины когти, вцепившиеся в крылья, свело до судорог. Даже если б хотела, она не смогла бы их разжать. Ей стало казаться, что крылья к ней приросли. Она попробовала ими

двинуть, но сразу поняла, что это опасно: ее подбросило и едва не перевернуло. Немедленно заболел срезанный дробью конец хвоста.

Но ни секунды Сима не чувствовала себя несчастной. Она не думала, что коварный порыв ветра может в любую секунду ударить её о близкие верхушки деревьев или просто перевернуть. Она не представляла, как будет опускаться на землю и чем это кончится — ведь никакой полёт не может продолжаться бесконечно...

Она просто была счастлива. Впервые в жизни.

Потому что наконец-то ЛЕТЕЛА!

Оставим её одну. Пусть себе летит.

17. Копия

Пегасик искал себя, Сима рвалась в небо, а Евгеша тем временем страдал. Он стал несчастен и одинок.

Ласковая хитрюга Сима исчезла навсегда, потому что обиделась. И хотя кошка была неправа, он её жалел. Когда же Евгеша думал о Пегасике, на глазах у него наворачивались слёзы. Пусть не лошадь и не утка, пусть даже не солонка, зато такой живой... Чтобы Сима не достала, ему сделали бы полочку под самым потолком. Его кормили бы... чем? Неважно, нашли бы чем кормить. Его выпускали бы полетать по улице.

Евгеша представлял, что вот он сидит в классе, а Пегасик — у него на плече. Нет, не разрешат. Или вот он идёт, гуляет, а Пегасик порхает рядом и садится на ладонь. А вот они вместе купаются, и можно послать с Пегасиком домой записку: "Скоро придём, не беспокойтесь". Только придавить камушком, чтобы не сдуло. Или - мама забыла дома часы...

-О чём мечтаешь, сын? - Это вошёл папа. - Уроки сделал?

Евгеша кивнул. Он вообще не любил лишних слов. А папа в это время тоже был в задумчивости и не заметил кивка.

-Чего молчишь? - Он посмотрел на сына. Евгеша снова кивнул.

-Ага, - сказал папа. - Тогда зайди ко мне.

На папином верстаке Евгеша сразу увидел Пегасика.

Что за радость! Он протянул руки и шагнул к верстаку.

Папа сзади предупредил: "Осторожно, лак ещё не высох", и лишь тогда Евгеша присмотрелся и увидел, что голова у Пегасика без сучка, что нет ни глаз, ни крыльев...

-Так это не тот...

-Совершенно новый, - сообщил папа очень бодро.- Давай сделаем всё, как в прошлый раз, авось оживёт...

-Давай, - согласился Евгеша. Но радость уже погасла. Он не любил заменять старые игрушки новыми. Старый друг лучше новых двух. А тот, первый Пегасик был для него уже старой игрушкой. Там, в "Детском мире", Пегасик их, конечно, проверял: если сумеют выручить, значит нужен, а если нет... Больше он не вернётся.

И на глазах Евгеша опять навернулись слёзы,

-Ничего, сынок, - сказал папа и положил ему руку на плечо. - В жизни часто бывают такие неудачи, что всё приходится начинать сначала. Нужна выдержка. Бери инструмент, вырезай всё, как тогда. Может быть, нам повезёт ещё раз. Наберись мужества.

Евгеша вытер слёзы, набрался мужества и взялся за инструмент. Хорошо, что папа всё понимает и не насмехается над детскими слезами. Ему можно доверять.

Работал Евгеша осторожно, боялся испортить, не спешил. Когда закончил, мама и папа ждали у включённого телевизора. Только музыку на этот раз не передавали. И был не вечер, а ещё день. И не день рождения, а самый обычный. И Евгеша НЕ ВЕРИЛ, что новая игрушка оживёт, хотя и старался.

Мама подула на покрытого лаком нового Пегасика и поставила его сушиться на сервант. При этом она не сказала ни одного слова. Видно, тоже мало верила, хотя и старалась, и по головке гладила, как тогда.

Потом они допоздна сидели у телевизора, старались не смотреть на сервант и всё время туда поглядывали.

Когда уже выключили телевизор и собрались спать, по двери заскрежетали когти. Папа открыл. Вошла измученная Сима. Она хромала и тащила в зубах помятое чёрное крыло с торчащими во все стороны перьями. Папа хотел взять у неё крыло, но она глухо и грозно заурчала и ушла со своей ношей под Евгешину кровать.

Больше в эту ночь событий не было.

Рано утром закрыли все форточки и перенесли нового Пегасика на папин верстак. Поставили на то же место и отошли.

Мама, папа и Евгеша смотрели на Пегасика и не заметили, как подошла Сима. А когда заметили, было поздно.

Увидев Пегасика, Сима забыла свою хромоту, двумя прыжками пересекла прихожую, одним — мастерскую и взлетела на верстак.

-Ах! - сказала мама.

Но ничего не случилось. Кошка понюхала деревянную фигурку, презрительно фыркнула, спрыгнула с верстака и трусцой, хромая, убежала на кухню, где у нее стояло блюдо с молоком.

-Значит, не вышло, - сказала мама.

-Похоже, - сказал папа.

Евгеша не сказал ничего. Ушёл в детскую и закрыл за собой дверь.

-В школу не опоздай, - предупредила мама.

Евгеша не ответил.

Неудачную копию Пегасика папа убрал на свой подоконник и, с глаз долой, закрыл занавеской.

-Что ж, - пробормотал он тихо, - всё прекрасное — неповторимо.

18. Цена совершенства

Как обычно, Пегасик не спал. Они с Семой ночевали на окне самого красивого деревянного дома, за резным наличником.

-Совершенно недоступное место, - бормотал Сёма. - Абсолютно недоступное, безукоризненно, безусловно, бесподобно недоступ... - и он заснул, не договорив, и тут же ему стал сниться сон о том, что он, Сёма, уже не воробей, а орёл, сидит на совершенно недоступной вершине, а кругом горы. Снизу в него стреляют злые худые сторожа, но заряды не долетают и катятся вниз, на головы сторожей, а следом катится множество кошек, а вокруг летают ястребы, совы и зубастые рыбы, они дерутся меж собой, а до Сёмы долететь не могут, а он распахивает мощные крылья, грозно говорит: "Чир-р-р" и никуда не летит, потому что простая пища ему не нужна - он питается свежим солнечным светом...

Тёплый Сёма беспокойно ворочался рядом, тоненько верещал: "Чир-р-р", а Пегасик жалел его и вспоминал трудный день, после которого так устал бедный воробей.

...Правда, это был на редкость мирный день. Никто на них не нападал, светило солнышко, было тепло, почти не было ветра, и в воздухе летали паутинки.

-Экскурсия! - сказал Сёма. - Я покажу тебе город. Ты увидишь чудеса: деревянные, каменные и железные.

Целых полдня они летали по городу. Присаживались на деревья, чтобы получше разглядеть фасады. Простукивали жестяные узоры водосточных и дымовых труб. Вертелись вместе с железными резными флюгерами. Скользя и оступаясь, лазали по кирпичной кладке и

гипсовой лепке, чтобы на ощупь оценить качество и тонкость работы. Отлетели подальше от белокаменного здания с башенными часами, полюбовались и потом сидели на этих часах, слушали их стук и разглядывали высокий памятник посреди площади.

Как раз в это время к памятнику возлагали цветы. Люди шли медленно, даже фотограф не суетился. Всё было очень интересно и не очень понятно, но тут часы начали бить, да так громко, что Пегасик от неожиданности вскрикнул и пустился наутёк.

Чтобы не тратить время на плотный обед, Сёма на лету проглотил бабочку и несколько вялых осенних мух, которые уже готовились к зимней спячке. Пегасик тоже попробовал поймать муху, и это ему удалось. Он с гордостью отдал ее Сёме, а Сёма назвал его кормильцем.

- Вот это самый прекрасный дом в городе, - сказал наконец Сёма. - На нём самая богатая резьба. Сделана из кедра.

Дом был большой, двухэтажный, с башенками на крыше. А резьба на окнах красовалась такая, что под ней совсем исчезали бревенчатые стены.

Правда, в одном месте брёвна были видны даже слишком хорошо. Там, прямо на тротуаре, стоял грузовик. На бортах его кузова, как гимнасты, балансировали двое рабочих. Они кривыми специальными железками отрывали от окна всю его красоту. Потому что красота здесь была уже кем-то изрядно поломана. Ещё двое рабочих стояли в кузове. Они принимали и аккуратно укладывали красоту на дно.

- Интересно, зачем это? - спросил Пегасик. - Доламывают...

- Полетели за ними, - предложил Сёма. - Может, там узнаем.

Рабочие совсем оголили одно окно, сели в кузове на лавку, и машина поехала. Друзья полетели следом.

Когда долетели. Сёма сказал:

- Благодать: в этом доме столько дыр, хоть всю стаю загоняй!

Здание было старинное, из красного кирпича, со стрельчатыми окнами и с башенкой. Над каждым его окном было ещё маленькое окошко без стекла — легко влететь и вылететь. На чешуйчатом куполе башенки возвышался деревянный шпиль с шишечкой, а в окнах там не было даже рам — большая ворона могла пролететь и не зацепиться.

Внизу в настежь открытую железную дверь, подобную воротам, вносили красоту. Над дверью Сёма прочёл: "РЕСТАВРАЦИОННАЯ МАСТЕРСКАЯ". Рядом с дверью под навесом было сложено много досок и до небес пахло кедром. Внутри дома, на первом этаже — было видно сквозь дыры — что-то вертелось, двигалось, отлетало, гудело, выло и визжало,

- Странный дом, - сказал Пегасик. - Немного даже страшный.

- Зато кедра сколько! Летим туда!

- Только через верх. Я в дверь боюсь: не повезет.

Влетели в широкое окно башенки. Однако ничего интересного там не оказалось. Пили, ели, громко разговаривали какие-то люди, играла музыка.

- Интересно, - сказал Сёма, когда вылетели наружу. - Галдят, кричат... Совсем как воробьи и голуби, только едят больше и кричат громче.

- Так ведь обед у них, - возразил Пегасик. - Вот и радуются.

- У тебя вон на солнце всегда обед. Ты же не кричишь...

- Привык. А в молодости даже кувырчался.

- Это когда же — в молодости?

- Да в прошлую субботу.

- Так ты думаешь, что они все моложе тебя?

- Я думаю, - сказал Пегасик, - они счастливее меня: делают своё дело, знают, чего хотят, вот и радуются жизни. Мне бы так...

В маленькое окошко второго этажа они на всякий случай сразу влетать не стали, а сели на край и заглянули в помещение.

Там людей не было.

-Верстаки! - удивился Пегасик. - Да как много!

-Вот эти грубые столы? А для чего они?

-Ничего они не грубые, - Пегасик даже чуть не обиделся. - На таком же точно столе, если хочешь знать, сделали меня. Я что же, грубый, по-твоему?

Сёма посмотрел на него, на верстаки и — не поверил.

-Не может быть. Ты вон какой... гладкий, блестящий...

Но Пегасик его уже не слушал. Он распахнул крылья, слетел вниз и стал важно ходить взад-вперёд по верстаку, разглядывая зажатую в нём заготовку с нарисованными узорами и заглядывая в круглые отверстия, которые были в ней просверлены. Сёма скакал рядом и всё ещё не верил: "Неужели правда?"

-Прижимной винт, - объяснял на ходу Пегасик, - рукоятка, жёлоб, направляющие, гребёнка, второй зажим. А это все - упоры. Понял?

Сёма смотрел на него во все глаза и молча кивал. Таким он Пегасика ни разу не видел.

-А вот это что? - спросил он робко.

-Выкрутная пила. А по-простому - "змеяка". Потому что на змею похожа и след змеиный оставляет, когда узоры ею выпиливают... Вот это — стамеска плоская, это - полукруглая... это — киянка, молоток деревянный... Это — брусок. Это - вода в банке...

-Воду в банке я и сам знаю, - сказал Сёма. - И хватит важничать. Я тебе уже верю. Извиняюсь я перед тобой, каюсь, преклоняюсь и даже млею.

-А что значит "млею"? - Пегасик сразу перестал важничать.

-Это значит — очень сладко уважаю.

-Нечего меня "очень сладко уважать". Мне просто всегда надо верить. Я никогда не вру.

-А про костер, как ты топиться хотел? Ты ведь только вчера признался.

-Так я не врал. Я промолчал.

-Промолчать — значит всё равно соврать. Понял?

-Ладно, - Пегасик вздохнул. - Больше не буду.

Тут открылась дверь, что вела в комнату под башенкой, и оттуда стали выходить рабочие.

Сёма с Пегасиком кувыркнулись под верстак, низом отлетели в дальний угол и там незаметно поднялись к самому крайнему окошку.

Рабочие на ходу перебросились ещё несколькими словами и встали к верстакам. Застучали киянки, заходили взад-вперёд пилы, и в мастерской поднялся стон и плач, который заглушил даже шум станков на первом этаже.

-Ох, пилят! Ох, больно! Ох, тошно! Ох, тяжело!

-Вспомни пилораму, - сказал Пегасик. - Это, наверно, доски из того самого бревна.

-Ох, не надо! - стонали доски. - Ох, обратно хочу! Ох, в воду! Ох, на дно!

-Нечего! - сказал им Пегасик. - дальше надо жить!

Один из рабочих выпилил в своей доске все узоры. Они оказались такими же, как те, что снимали сегодня с самого красивого дома. Он закрепил узоры на верстаке специальными планками и взялся за стамески. Полетели стружки. Здорово пахло кедром.

Доска всё стонала и охала, но, конечно, рабочему казалось, что она просто скрипит, шуршит и трещит под его острыми инструментами. Рядом с верстаком этого рабочего был подвесной стеллаж, на котором лежали уже готовые узоры. Пегасик и Сёма перелетели туда, чтобы разглядеть их поближе.

После стамесок узоры становились выпуклыми, ребристыми и блестящими, будто их смазали маслом. Они играли бликами ламп и молчали.

-Какое совершенство! - воскликнул Сёма.

-Вам хорошо? - спрашивал Пегасик тихо. Но щёголи узоры играли светом и молчали. "Наверно, - подумал Пегасик, - та единственная мысль, которая оставалась в доске, заблудилась в этих сплошных переходах и не может выбраться. Или вообще из топляка сделано..."

Но, конечно, узоры были чрезвычайно хороши собой.

-Насмотрелся? - спросил он Сёму.

Тот покачал головой:

-Давай полетаем, ещё поглазеем.

Они слетели на первый этаж и посидели над станками, из которых доски выходили очень гладкими. Сёма искупался в свежих душистых опилках и остался очень доволен, а Пегасик забрался в гору стружек и так долго оттуда не появлялся, что у Сёмы лопнуло терпение, он закричал на весь цех, стал разбрасывать стружки и разворошил бы всю гору, если бы друг со смехом не появился с другой стороны.

Кедровый запах заполнял всё здание. Над станками он поднимался вверх плотными, вкусными волнами. Друзья плавали в нём и наслаждались.

А когда они сели отдохнуть над верстаком молодого резчика, он неловко повернул стамеску, и острое жало вонзилось ему в руку. Рабочие бросились на помощь. Обмотали руку резиновым жгутом, забинтовали, привели человека в белом халате...

-Да-а-а, - сказал Сёма. - Ради совершенства приходится страдать.

-А какая у них дружба! - сказал Пегасик. - Как они помогают друг другу...

-Нам бы так, воробьям, - вздохнул Сёма. И предложил лететь на свежий воздух.

Когда вылетели, исправленную красоту уже грузили в кузов, чтобы везти обратно...

19. Старая мебель

Сидя за резным наличником возле тёплого спящего Сёмы, Пегасик предавался воспоминаниям всю ночь, а под утро сделал вывод: "Самое утомительное занятие - это экскурсия".

В забывчивости он сказал это вслух, и Сёма проснулся.

-Повтори, - попросил он. Пегасик повторил.

-Это в высшей степени верно, - сказал Сёма с чувством. - Давай больше не устраивать экскурсий.

-Хорошо, - согласился Пегасик. - Но как же мне тогда искать себя?

-А ты ещё не нашёл?

-Нет.

-Ты всё ещё не знаешь, кому ты нужен?

-Да.

-Ты нужен мне. Понял?

-Понял. Мне без тебя тоже никак. Но я хочу ещё кое-что узнать.

-Говори. Узнаем. Я ведь тоже люблю узнавать.

-Мне непонятно, ДЛЯ ЧЕГО меня такого сделали.

-Как для чего? Для солонки. То есть, для соли. Чтоб ты был солонкой, хранил в себе соль и стоял на столе,

-Это ерунда. Вчера, когда мы летели мимо универмага, на столиках продавалось множество солонок —стеклянных, деревянных, каких-то ещё - только очень-очень простых и удобных. Меня сделали НЕ ДЛЯ СОЛИ, вот и всё.

-А для чего же? - Сёма расстроился.

-А ты - для чего?

-Я-то? Ну-у-у, я вывелся из яйца, как все воробьи выводятся... Просто воробей...
Природное существо...

-Вот! Ты — природное существо! А я — искусственное! Я специально вырезан человеком! По чертежу! Меня скон-стру-и-ро-ва-ли! Понимаешь?

-Понимаю. Ну и что?

-ДЛЯ ЧЕГО сконструировали? Не место мне среди тарелок, я им не подхожу. К тому же я живой...

-Вот и живи.

-Но я не могу спокойно жить, если не знаю, ДЛЯ ЧЕГО я сделан! Надя, ночная птичка, сказала, что я просто безделушка. Это же получается, что меня сделали ДЛЯ БЕЗДЕЛЬЯ?!

-По-моему, люди ДЛЯ безделья ничего не делают, - сказал Сёма. - Они только ОТ безделья творят какие-нибудь глупости. Но Евгешин папа не бездельник, верно? Да и ты тоже делом занят - себя ищешь...

-Это резчики в мастерской не бездельничают. Они создают совершенство. А я — просто летаю и смотрю. И ты со мной мучаешься.

-А узоры на домах, - Сёма потрогал клювом резной наличник, - для чего они? Эй, узоры! Вы для чего?

Узоры молча играли на солнце.

-Они ведь тоже бездельники, - сказал Сёма. - Какая от них польза?

-Не знаю. Вот это и надо узнать. Если узнаем, тогда...

-Что тогда?

-Тогда разберёмся. Полетели в театр.

-Зачем? Пегаса нет на свете, добрый поэт умер, а злого Голубьева в театр не пустят, это уж точно, железно, законно...

-Там на сцене я видел старую мебель. Я думаю, до театра она служила у многих людей. Она много и рассказать может.

-От старых кресел ты хочешь узнать, зачем людям безделушки?

-Да.

-Летим! - воскликнул Сёма. - Твоя идея меня восхищает, вдохновляет, умиляет, воодушевляет, настраивает, организует и даже настрополяет.

-Что такое "настрополяет"?

-Это значит, что я готов на любые подвиги.

Пегасик не стал напоминать Сёме о подвиге, к которому он приступил на аэродроме, а просто сказал:

-Тогда ладно. Полетели.

Помахав крылом портрету великого поэта, друзья проникли в театр привычным путём — через чердак.

Сквозь тросы, полотна, марлю и верёвки они радостно выпорхнули на освещённую сцену и увидели, что там пусто. Не было ни старинных кресел, ни стульев, ни шкафов. Только голый пол, сделанный не из кедра. А на полу, свернувшись клубком, дремал толстый рыжий кот.

Они были так огорчены, что Сёма чирикнул, а Пегасик охнул. Оба тут же оглянулись на кота — не услышал ли. Но рыжий лежебока и ухом не повёл. Тогда они улетели, как и в прошлый раз, на самый верхний балкон и сели на лавку, чтобы обсудить положение.

-Мне кажется, - сказал Сёма, - что всё это старьё после спектакля свезли на свалку. Оно ведь больше не нужно. Будет другой спектакль, понадобится другая мебель, новая...

Пегасик не согласился.

-Никакую мебель выбрасывать не будут, если на ней еще можно сидеть.

-Да что же им, сидеть не на чем? - Сёма засмеялся. - Вот сколько кресел в зале! Все красные, мягкие. Их берегут: видел, даже полотном накрывают. А старые могли просто отдать каким-нибудь людям, которым не на чем сидеть.

-И всё же, - Пегасик опять не согласился, - мне кажется, что у них где-нибудь есть комната, а в той комнате всё и хранится. На всякий случай.

-Как зерно на элеваторе, - Сёма кивнул. - Верно. Это по-хозяйски. Где же нам эту комнату найти?

-Я м-м-могу пом-м-мочь, - раздался тихий ласковый голос, и две сильных лапы придавили друзей к лавке.

Рыжий лежебока!

Хозяин в театре, он знал, как подкрасться быстро и незаметно.

Пегасик и Сёма дружно притворились мёртвыми.

-М-м-молодцы-ы-ы, - промурлыкал рыжий. - Вы славные ребятки. Я ещё позавчера вас прим-м-метил. Храбрые. И дружные. М-м-мне такие н-н-нравятся. Я сам-м-м такой. Только вот н-не с кем-м-м м-м-мне дружить. Работа ответствен-н-ная, н-н-никуда не уйдешь. Поговорить по душам-м-м не с кем-м-м.

Друзья не двигались.

-Да вы н-н-не бойтесь, - уговаривал кот. - Я бы вас давно отпустил, если б не боялся, что улетите, н-н-не дадите слова сказать. Хотел бы съесть, я бы и р-р-разговар-р-ривать не стал, вер-р-рно? А я ведь даже когтей н-н-не выпустил. Н-н-ну давайте так: я отойду в сторонку, н-н-на два прыжка, и поговорим. Ладно?

-Ладно, - согласился Пегасик.

-Не улетим - сказал Сёма.

Мягкие тяжёлые лапы перестали их прижимать, и, когда они открыли глаза, кот сидел на лавке, на расстоянии двух своих прыжков.

-Большие у вас прыжки, - похвалил Сёма, оправляя перья.

-Такая р-р-работа.

-А можно узнать, какая? - спросил Пегасик.

-Вр-р-редная для м-м-ышшей, но полезная для театр-ра. Понимаете меня? Пр-р-риходится и с кр-р-рысам-м-ми им-меть дело. Это, доложу вам-м, пр-р-ренепр-р-приятные существа.

-Вы их съедаете? - спросил Сёма.

-Только м-м-мышей. И то довольно р-р-редко, для р-р-разнообразия, чтобы вкус не забывать. А птиц не тр-р-рогаю совсем, - поспешил он добавить.- М-мы ведь, кошки, все завидуем птицам-м-м. Но н-н-нападают на вас только те, у кого зависть чёр-р-рная. Очень уж летать хочется, вот и мстят всему птичьему р-р-роду. А я завидую по-добр-рому. Это ж такое чудо — летать! За это не убивать надо, а пр-реклоняться. Я даже м-м-мух не обижаю, хоть они и надоедливы. Их жизнь кор-ротка, им-м-м только и удовольствия, что полетать.

-Вот вы какой! - Пегасик удивился. Он вспомнил пойманную для Сёмы муху, и ему стало стыдно.

-Вы благородны и мудры, - сказал Сёма торжественно.

-Тогда давайте знаком-м-миться, - промурчал кот и протянул лапу. Друзья даже не заметили, как он оказался рядом.

-Однако! - Сёма восхищённо покачал головой.

-Пр-р-рофессионально, не более, - кот усмехнулся в усы. При этом усищи его смешно сошлись перед носом, а потом опять разошлись в стороны.

-Это Пегасик, а я - Сёма, - представился воробей.

-А у меня классическое кошачье имя, - сказал кот. - Василий. Лучше — Вася. И давайте перейдём-м-м на "ты", это будет очень приятно.

-Нам тоже очень приятно, - сказал Сёма.

От радости кот за одну секунду прыгнул на соседнюю лавку и обратно, перевернувшись при этом в воздухе.

-Ты настоящий акробат! - восхитился Сёма.

-Да меня тут все балуют, - сообщил Василий. -Сторожа варят суп с мясом и без меня не садятся к столу, артисты просто пичкают пирожными. Но ведь от пирожных можно растолстеть. А мне р-р-работа н-не позволяет. Я очень стр-р-рог к себе, постоянно тр-ренируюсь, чтобы все м-м-мускулы р-работали, как пр-ружины. Вам ведь знакомы пр-ружины?

Пегасик вспомнил тугие пружины на дверях "Детского мира" и грустно кивнул.

-Особенно люблю разные прыжки с переворотами, - продолжал кот. - Это ведь похоже на высший пилотаж.

-Ты и про пилотаж знаешь!

-В театре, братцы, м-много чего м-можно узнать. Очень-нь славное м-место. Службу здесь я считаю для себя высокой честью.

-Однако суровая у тебя служба, - заметил Пегасик.

-Суровая, - согласился Василий. - Н-но иначе н-нельзя. Гр-рызуны пор-ртят р-реквизит и декор-рации. А кр-рысы просто опасны: они могут перегр-рызть электрическую пр-проводку, а от этого случаются пожар-ры. Любой театр-р, знаете ли, сгор-рает всего за двадцать минут, поэтому надо дер-ржать ухо востр-ро. Я и дер-ржу.

-Завидую тебе, Вася, - сказал Пегасик. - Ты нашёл своё место в жизни.

-А ты, малыш?

-А я, видишь ли, просто безделушка. Я, правда, не виноват, меня таким сделали. Теперь ищу, ищу себе настоящее дело, а найти не могу. Я с горя чуть не утонул в костре.

-Хм-ммм, - протянул Василий задумчиво. - Кажется м-мне, твоему горю м-можно помочь.

-Как? - вскричали друзья хором.

-Я с ним совсем замучился, - добавил Сёма. - Того гляди утонешь.

-Н-не будем-м-м спешить, - протянул кот. - Сначала м-мне н-надо потолковать с одним-м человеком-м. Завтра вечером-м-м у нас пр-ремьера. Он-н придёт непр-ременно. Пр-риглашаю вас. Наши р-ребята подготовили к н-новом-му сезону очень славн-ную пьесу. Она н-называется "Кот в сапогах". Мн-не дали там-м н-небольшую р-роль. Пр-ридите?

-Прилетим! - вскричал Сёма.- Примчимся! На крыльях восторга! Мы уже смотрели у вас пьесу Маяковского! Блеск!

-Да-да, - Василий кивнул. - Она называется "Каким быть?" Я вас видел на репетиции, но не стал подходить. Думал, поднимем шум-м, помешаем главном-му р-режиссёр-ру. А он у нас недавно, ему сейчас трудно.

-Это тот, в сером костюме, что всех ругал? - спросил Пегасик.

-Да-да, он-н-н самый. Голова, знаете ли. Большой ум-мница. Думаю, пр-ри н-нём р-р-работать будет интер-ресно. Видите, только пр-ришёл, а уже р-разглядел м-меня. Это, знаете ли, большой дар — н-найти каждому дело по душе. Я вас с ним-м познакомлю. А сейчас идём-м-мте, покажу р-реквизит.

-Что такое реквизит? - спросил Сёма.

-Это всё, что на сцене: костюмы, декорации, мебель... А кстати, зачем-м вам мебель?

Он быстро бежал по коридорам и лестницам, но дышал ровно и разговаривал так спокойно, будто сидел в старинном кресле.

-Спросим у неё, зачем людям безделушки, - объяснил Пегасик.

-О, пр-ревосходная идея, - оценил Василий. - Завидно даже, что она пр-ришла н-не в мою голову.

-Да ведь не от хорошей жизни, - отозвался Пегасик.

-Согласен-н, нужда - лучший изобретатель. Н-не хотел бы я быть безделушкой... Ну, мы пр-ришли.

И Василий нырнул под запертую дверь.

-Всё запирается р-ради пожар-рной безопасности, - пояснил он. - Сейчас кур-рят даже многие девушки, м-мода такая...

-Что такое мода? - спросил Пегасик.

-Это странное стремление всех быть похожими н-на кого-то одного... Кур-рение очень вр-редно для здор-ровья, поэтому их р-ругают. И они пр-рячутся, чтобы кур-рить. А среди сухих декор-раций, да ещё с девичьей р-рассеянностью — далеко ли до беды...

Они очутились в очень высокой, очень просторной и очень светлой комнате. Чего здесь только не было!

-Это шпаги и м-мушкетеры для спектакля "Сир-рано де Бержерак", - показывал Василий. - Вон те страшные м-маски - для "Медеи". Вот это соор-ружение ставится на повор-ротном-м круге посреди сцены, оно может изображать и спальню, и кабинет, и цех, и даже улицу или парк культуры. Вон та стена дома, где рядом собачья будка и якорь, - для спектакля "Квартиранты". Вон та колонна - для "Кота в сапогах". А вот — то, что вам-м-м нужно. Перед вам-ми м-мебель, так сказать, всех эпох и стилей. Которые вас ин-нтересуют?

-А можно с ними заговорить? - спросил Пегасик.

-Они давно ждут, - Василий улыбнулся. - Они любят погово-р-р-рить.

-Здравствуйте, уважаемые, - сказал Пегасик.

-Мир вам! - сказал Сёма.

-Ах, какой тон, какие манеры! - послышались деревянные голоса. - Какой такт, какое понимание! Мы рады! Проходите! Присаживайтесь! Чувствуйте себя как дома!

-Простите, - продолжал Сёма, - но долгая жизнь, суровые времена так опалили вас, так обветрили, такие оставили следы, так изменили внешность, что при всём благородстве вашего происхождения мы, к несчастью, не в силах определить ваше, так сказать, родовое начало...

-То есть, проще говоря, - вмешался Пегасик, — нам хотелось бы побеседовать с кем-нибудь из моих родственников.

-Хотя это вовсе не значит, - добавил Сёма, - что ни с кем другим нам беседовать неинтересно. Во все даже напротив.

Пегасик полетал среди мебели, чтобы его разглядели.

-Ах, это кедр! - послышался бархатный голос. - Голубчик! Пожалуйте сюда, на мой столик!

Это говорил старинный резной торшер с шёлковым абажуром. Небольшой столик, пристроенный к его суставчатой ноге, был как раз таким, чтобы уместиться Пегасику и Сёме. Они последовали приглашению, а Василий разместился в старинном плюшевом кресле с богатой резьбой на деревянной спинке.

-Что вас интересует? - пророкотал торшер. - Но раньше, разумеется, хотелось бы узнать, с кем мы, так сказать, имеем честь?

Друзья подробно представились, а Василий коротко добавил:

-Надёжные ребята. Мои друзья.

-Что ж, - сказала торшер. - Друзья нашего друга - наши друзья. Спрашивайте.

-Вопрос-то всего один, - сказал Пегасик. - Вы много видели и хорошо знаете людей, не правда ли?

-В известной степени, да, - отвечал торшер скромно.

-Так вот, объясните, света ради, для чего людям безделушки?

-СВЕТА РАДИ? - повторил торшер. - Что за изумительно точное выражение! Я сам всю жизнь являюсь источником света и уж, поверьте, знаю ему цену. Он достоин самого высокого почитания и самого глубокого поклонения. Но от людей я всегда слышал — "бога ради", "ради бога" и никогда не понимал, что это означает. А свет — это понятно и прекрасно. От кого слышали?

-Ни от кого, - Пегасик смутился. - Просто свет - моя пища. А недавно мы беседовали с одним мудрецом, из наших, и он называл свет высшей ценностью жизни. Вот я и подумал...

Среди мебели раздался одобрителным шорох и скрип.

-Этот малыш далеко пойдёт, - послышался чей-то голос.

-Итак, - громко сказал торшер, - вопрос задан: - Для чего людям безделушки? И знаете, мой юный друг, при всей его внешней простоте я что-то не вижу столь же простого ответа.

-Подумать бы надо, - сказал двухтумбовый стол, покрытый зелёным сукном. - Такой вопрос - не безделушка.

Среди мебели прокатился короткий смех, и на некоторое время стало так тихо, что друзья затаили дыхание.

-Я по-прежнему в затруднении, - сказал через некоторое время торшер. - Но я увидел некий вспомогательный путь. Если мы пойдём по этому пути, он может привести нас к цели... Я попробую вспомнить, что люди НЕ СЧИТАЮТ безделушками. Тогда, быть может, мы поймём, что для них означают безделушки.

-Доказательство от противного, - пояснил двухтумбовый стол. - Плюс метод исключения. Это верный путь. Но, надеюсь, в разговоре примут участие не только бывшие кедры. Опыта довольно и у сосновой, и у берёзовой мебели, а совместные поиски всегда ускоряют результат. Мозговой штурм, как говорят люди.

-Буковым к дубовым тоже есть что рассказать, - раздался низкий голос книжного шкафа.

-Конечно, - сказал Пегасик.

-Разумеется, - сказал торшер.

-Естественно, несомненно, , непременно, само собой и даже безусловно, - сказал Сёма.

-Итак, начну я, - сказал торшер.

Рассказ торшера

-Первым, кому я светил, был его превосходительство генерал-губернатор Пнин-Васюганский. Он проживал тогда на улице Миллионной. Теперь эта улица - Пролетарская. Стоял я в его домашнем кабинете.

Мой столик, на котором вы изволите сейчас находиться, никогда ничем не занимали. Только небольшая фигурка бульдога стояла посередине и скалила зубы. Фигурка была отлита из золота. Это такой металл - жёлтый, мягкий, ни к какому труду не пригодный, но очень дорогой. Видимо, потому что тяжёлый.

Я стоял между двумя креслами. Включали меня только для особо важных гостей.

Хорошо помню, как однажды вечером к его превосходительству пришёл один такой гость. Они включили мою лампу, сели в кресла и стали разговаривать. Гость о чём-то просил генерала, а генерал отвечал, что это сделать невозможно. "Это против моего обыкновения и моего долга, - сказал генерал. - Более того, это незаконно. В этом вопросе вам легче найти общий язык вот с этой золотой безделушкой, чем со мной". Он встал и принялся расхаживать по кабинету. Гость тем временем достал из кармана пачку хрустящих бумаг одинакового цвета, положил бумаги на столик, а собаку поставил сверху. Бульдог выглядел очень внушительно: крепко стоял на коротких кривых лапах и всем своим свирепым вedom показывал, что назад бумаги не отдаст.

-Это были деньги. - сказал двухтумбовый стол. - У людей они часто ценятся дороже света, а иногда и жизни.

-Верно, - подтвердил торшер. - Но когда генерал-губернатор увидел их под золотым бульдогом, он взял их, как лягушку, осмотрел, как блоху, и заявил гостю: "За такие гроши вы и с собакой не договоритесь. Заберите вашу взятку". Однако помню и другие случаи, когда его превосходительство только смотрел на деньги и говорил с улыбкой: "Вот видите, голубчик, насколько проще договориться с другом человека, чем с самим человеком! Приходите тогда-то". И когда гость приходил опять, под безделушкой лежали уже не деньги, а нужная ему бумага с круглой печатью.

Вот и вопрос: была ли золотая фигурка безделушкой, если умела делать незаконные дела?

Потом мне пришлось долго стоять в том же кабинете безо всякого дела. С меня стирали пыль и никогда не включали. На подставке написали белой краской какой-то номер. Целыми днями было много людей. Они постоянно спорили и курили, и дым был гораздо противнее, чем у генерала. Говорили, что главное — это дрова, свет и вода. Однажды кто-то предложил отправить в печку меня. Я натерпелся страху, но потом оказалось, что это шутка. Через

некоторое время главным стали называть кирпич. Потом главным были продукты, транспорт, снаряды. Потом главным называли бетон, план, дисциплину и множество других непонятных вещей, которые мне не запомнились. Но каждый день начинался с того, что главным называли людей. Так и говорили: "Главное сейчас — люди".

Не так давно в моём кабинете стало безлюдно. Меня снова поставили между двумя креслами и стали включать для гостей. О людях больше не говорили. Говорили о квартирах, машинах, мебели, о каких-то материалах и участках, о какой-то аппаратуре, и снова гости клали на мой столик деньги и ставили сверху фигурку собаки. Бульдог был точно такой же, как генеральский — очень тяжелый. Хозяина спрашивали: "Собачка золотая?" Он отвечал: "Чугунная. Но хочет быть золотой". Остальные слова у них были те же самые.

А год назад хозяин перестал приходить в кабинет, и меня привезли вот в это милое общество.

-Итак, - сказал двухтумбовый стол, - безделушки бывают золотые и чугунные. Они стоят на месте и умеют делать незаконные дела вместе с людьми. Кто может добавить?

-Если позволите, я продолжу, - раздался голос книжного шкафа. - Мне тоже пришлось иметь дело с человеческими вещами. В этом вы можете убедиться, прочитав слово, вырезанное на моей верхней доске. Оно говорит и о моей близости к некоторым людям... Прочитали? Теперь слушайте.

Рассказ книжного шкафа.

-Досточтимый торшер поведал о безделушке, которая играла немалую роль в жизни людей. Я же, наоборот, расскажу о нужных вещах, которые были превращены людьми в безделушки.

Жил-был очень умный человек. Он имел много книг, которые хранил в дубовых шкафах. Шкафы были сделаны по специальному заказу, имели дверцы из толстого стекла и гордились своим назначением. Книги в них стояли и старинные, и самые новейшие, очень тяжёлые и совсем невесомые. (Вы, несомненно, знаете, что большая мудрость не требует многих слов). Жизнь книг в шкафах была беспокойной до крайности. Мало того, что они постоянно спорили между собой. Они достаточно часто покидали свои места на полках, а когда возвращались, то отдувались, как после тяжёлой работы, и жаловались, что их страницы исчерканы карандашом. К тому же после каждой отлучки они тяжелели от закладок.

Как известно, люди смертны. Однажды пришло время умереть и нашему учёному. Перед смертью он успел написать последнюю бумагу, которую поместил на видном месте в одном из шкафов. Эта бумага называлась завещанием, в ней наш хозяин приказывал, как живым распорядиться его вещами. Всех вещей у него только и было, что книги да шкафы. В завещании он велел передать все свои бесценные книги в библиотеку, а о шкафах почему-то забыл. Может быть, он думал, что это само собой разумеется — перенести книги в библиотеку вместе со шкафами. Но другие люди — видно, ещё более учёные — доказали, что, поскольку шкафы в завещании не указаны, то передаче в библиотеку они не подлежат. И книги разлучили со шкафами.

Не надо вам рассказывать о дальнейшей судьбе мудрых книг — они оказались в надёжных руках. Судьба же шкафов была трагична. Правда, все они попали в одни руки - в руки родственников умершего. Они попали даже в одну квартиру. Но если раньше они стояли рядом, и из слов, вырезанных на их верхних досках, составлялось мудрое изречение, то теперь их поместили в разных комнатах и наполнили совершенно разными вещами.

Больше всего повезло шкафу №1 - его поставили в детской и набили игрушками. Все дети, как известно, очень похожи в привычках: они любят поиграть и пошуметь. Дверцы шкафа закрывались только на ночь, порядок на его полках воцарялся лишь изредка, когда взрослые

ждали гостей и затевали уборку. Так что жизнь первого шкафа стала вполне сносной, хотя ему и не хватало прежних учёных споров.

В шкафе №3 дубовые полки заменили стеклянными, заднюю стенку сделали зеркальной и наполнили бывшее хранилище мудрости сверкающим стеклом. Это было особо ценное и особо дорогое стекло, украшенное резными узорами.

-Хрусталь, вероятно, - подсказал двухтумбовый стол.

-Совершенно верно. Вазы, блюда, рюмки, фужеры, пепельницы и солонки из этого стекла покоряли хозяев своим блеском и звоном. Поэтому раз в полгода их чистили особым белым порошком, протирали мягкими салфетками и никогда ничем не наполняли, чтобы не испортить звук. Я полагаю, всем вам известно, что звуку лучше всего способствует заполненная воздухом пустота. Есть даже выражение: "Пустая бочка громче поёт", кажется, так. Или звенит...»

-Громче гремит, - подсказал двухтумбовый стол.

-Да-да, простите, - вздохнул шкаф. - Старею... Так вот, пустая хрустальная посуда громче гремела, то есть, конечно, звонко звенела, когда по ней ударяли полированным ноготком. А любоваться ею было очень приятно, если сесть на ковёр и включить ёлочную гирлянду с цветными лампочками. Впрочем, гирлянду со временем заменили цветомузыкой — кстати, это очень удачная человеческая выдумка, — но в жизни шкафа радости не прибавилось. Должен вам заметить, что дуб - вообще дерево серьёзное, склонное к размышлениям, поэтому после долгого и приятного общения с книгами пустой звон стекла вызывал у шкафа самую настоящую мигрень. Правда, иногда спасала хорошая музыка, если включали не слишком громко, и посуда на неё не отзывалась.

Судьба шкафа №2 сложилась особенно трагично, поэтому о нём я рассказываю в последнюю очередь. Его поставили на видное место в гостиной и наполнили книгами. Да-да, книгами! Как раз в этом вся трагедия.

Нельзя сказать, чтобы книги были плохими. Совсем наоборот. Это были сочинения известных, знаменитых и даже великих писателей. Более того, их одели в богатые обложки и отпечатали на самой лучшей бумаге. Надо также отметить, что все эти книги были расставлены на полках в строгом порядке и очень красиво подобраны по цвету корешков. Беда состояла в том, что их НИКОГДА не доставали из шкафа. Правда, им не давали пылиться и каждый месяц включали ради них пылесос. Книги были таким образом обречены на безделье и от безделья вели себя как-то не по-книжному. Едва встав на полку, они затеяли не научный спор и не беседу о свойствах русской литературы, а распрю о справедливости. Но не о той, высшей справедливости, которой интересовались книги учёного. Эти спорили о месте на полках. "Позвольте, - говорили книги с голубыми корешками, - наш цвет - это основной цвет неба, высший цвет, а мы стоим ниже, чем серые и чёрные тома, имеющие цвета всего лишь облаков и туч". "А нас поставили рядом с белыми, - сердились оранжевые. - Разве это вкус? Да и справедливо ли, наконец, помещать рядом книги с таким разным цветом кожи?!"

Но гостям нравился вкус хозяев. Когда их вводили в гостиную, они прежде всего бросались к шкафу и начинали говорить, что книги подобраны с большим вкусом. Правда, стеклянные дверцы при этом никогда не открывали и книг руками не трогали. Самое большое, что они могли себе позволить, это прикоснуться к вырезанному на верхней доске слову. "Очень подходящее слово", - говорили гости и садились за стол, но не для того, чтобы спорить, а чтобы объедаться, хвалить еду, питьё, хозяйку, друг друга, любоваться игрой света на гранях хрусталя и стараться перекричать музыку, которая играла в такие вечера особенно громко.

Ели они и пили из простой посуды. Дорогая бездельничала.

Но вот в семье наследников начались и споры. Пониманию книжного шкафа они были недоступны, но, как обычно, касались вещей и денег.

Во время одного такого спора был опрокинут шкаф №3. Разбились стёкла на его дверцах и полки. Из посуды уцелели только пепельница и солонка. Швабра видела, как этот шкаф куда-то вынесли из дома.

Когда выросли и уехали дети, шкаф №1 набили разным тряпьём и задвинули его в дальний угол детской, которая стала чем-то вроде кладовки.

А шкаф №2 вскоре разлучили с книгами-безделушками. Книги к тому времени очень поднялись в цене, и хозяева, которые стали нуждаться в деньгах, продали их так дорого, что могли бы купить ещё больше нового хрусталя.

-Как это дико! - воскликнул Сёма. - Менять книги на стекло!

-Книги или посуда, - прогудел двухтумбовый стол, - большой разницы нет, если из книг ничего не брать, а посуду ничем не наполнять.

-Но всё же, - сказал торшер, - люди что-то в этом находили.

-Это и предстоит узнать, - сказал Пегасик.

Василий делал вид, будто сладко спит, хотя, конечно, всё видел и слышал. Иногда он даже кивал, не открывая глаз, если мысль приходилась ему по душе.

-Что же стало со шкафом №2? - спросил торшер.

-Он перед вами, - ответил шкаф. - По объявлению в газете меня продали сюда, в театр, как старинную мебель.

Долго царило печальное молчание, только тихо постукивали лапки Пегасика, который быстро ходил до крохотному столику торшера взад-вперёд: три шага туда, три обратно.

-У вас на верхней доске вырезано слово "ДРУЗЬЯ", - сказал Сёма. - Что же было на остальных шкафах?

-На каждом из нас, как я сказал в самом начале, было всего одно слово. Зато когда мы стояли рядом, получалось мудрое изречение: "КНИГИ - ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВЕКА". Но, как видите, и друзей люди умеют превращать в безделушки. А безделушки становятся для них такими друзьями, что люди из-за них дерутся.

Василий кивнул, не открывая глаз.

-Да-да-да! - послышался гневный тонкий голос откуда-то из-за шкафа. - Люди много дурного совершают из-за так называемых безделушек.

-Это вы, уважаемая скамья подсудимых? - осведомился двухтумбовый стол, и голос его стал как-то мягче. - Просим, просим.

-Да, друзья мои дорогие, - прозвучало из-за шкафа. - Мне впервые за многие годы захотелось поговорить.

Рассказ скамьи подсудимых

-Ведь только здесь, среди вас, я начала верить, что возможна жизнь без подлости, без предательства и лжи. Среди вас я начала верить в доброту, в разум, научилась понимать шутки. С вами вместе я сыграла свою первую роль на сцене, и эта роль была мне по душе, хотя играла я сама себя. Разумеется, для этого меня и пригласили сюда прямо из зала суда — чтобы я играла роль скамьи подсудимых. Но человек, который садился на меня в начале спектакля, в последнем действии вставал невиновным, победителем, и сам становился судьёй. Мне не посчастливилось видеть такое в жизни... Простите, я плачу...

Помнится, когда людям пришлось судить самого первого преступника, понадобилось очень быстро изготовить меня, первую скамью подсудимых. Не оказалось подходящих досок, а из дальнего леса как раз привезли только что спиленную дремучую пихту. Сначала её хотели нарядить к Новому году посреди городской площади, но вместо этого отвезли на пилораму. Надеюсь, никто не станет спрашивать, что такое пилорама?..

До этого все сухие доски были израсходованы на строительство домов. Использовать же сырыми можно только пихтовые доски, потому что они, высыхая, не коробятся. Вот и попала я вместо праздничной площади - в зал суда.

Когда на меня впервые опустился человек, я ничего не почувствовала. Это был самый обыкновенный человек. Такой же, как тот столяр, который меня строгал, сколачивал и даже разок взобрался на меня с ногами, чтобы проверить прочность.

Но вот свидетели начали рассказывать о преступлении, и сидящий на мне человек стал тяжелеть. К концу суда он давил так, что я готова была заскрипеть и развалиться. И жаль, что этого не случилось. К моему несчастью, столяр оказался мастером своего дела. Он не только вложил в меня душу, потому что сам пострадал от первого преступника. Он ещё сделал меня так, что между моими досками не образовывалось щелей, скрип был совершенно невозможен, а нагрузки я могла выдержать такие... Как раз такие нагрузки мне и пришлось выдерживать всю жизнь.

Первого преступника осудили столь строго, что я подумала:

"Теперь никто из людей не решится на преступление, и стоять мне без дела, пока не отправят куда-нибудь в зал ожидания или на дрова".

Однако мои надежды не оправдались. Оказалось, что из тысячи людей всегда найдётся кто-нибудь, кому не нравится хоть один человеческий закон. А среди тысячи таких, кому не нравится хоть один закон, может оказаться человек, готовый закон нарушить, то есть преступить, то есть — преступник. Для преступников людям пришлось построить тюрьму, где их держали взаперти после печальной встречи со мной. А я - я никогда не ждала и не хотела этих встреч. От тяжести преступников с их преступлениями у меня ломило всё тело. Ночами меня мучили кошмары, в которых люди убивали друг друга из-за безделушек (вы только вслушайтесь: ДРУГ— ДРУГА!), оставляли друзей в беде — тоже из-за безделушек, погибали бессмысленной смертью — опять из-за безделушек, проживали свою жизнь даром — всё из-за тех же безделушек.

Что это были за безделушки? Не СВЕТ, не ЗНАНИЯ, не МУЗЫКА и не СВОБОДА. А всем вам знакомые деньги, драгоценности, лишние вещи, впустую истраченное время. Но я узнала также, что безделушкой может быть и честь, если она не дружит с совестью. И совесть, если она не дружит с умом. И даже сам ум, если с ним нет доброты...

Взволнованная скамья подсудимых смолкла. Молчали и все остальные. Только Василий несколько раз молча кивнул. Только лапки Пегасика опять застучали по торшерному столику: раз-два-три, раз-два-три...

-Простите меня, уважаемая скамья, - сказал он вдруг и остановился. - Я ещё молод и не всё понимаю. Особенно насчёт СОВЕСТИ, ЧЕСТИ и УМА. Вы не могли бы дать примеры?

Скамья молчала ещё семь минут (это было отмечено старинными резными часами, которые стояли у окна и никогда не ошибались), после чего сказала:

-Хорошо, я приведу три примера. О Чести, Совесть и об Уме. Я буду педантична, как в суде, потому что так мне немного легче вспоминать. По той же причине не стану называть имена.

ПРИМЕР ПЕРВЫЙ. Некий человек поступил на службу и дал слово служить честно. При этом он не знал, что служить придётся преступникам. Человеку велели грабить и убивать других людей, и он ЧЕСТНО грабил и убивал, хотя уже понял, что ни о какой честности в таких делах не может быть и речи. Когда его судили вместе с его хозяевами, он сказал, что дал слово служить честно и служил честно, потому что честь ему всего дороже. На, вопрос о том, есть ли у него совесть, он не ответил. Вот так честь без совести оказалась не только ненужной, но и вредной.

ПРИМЕР ВТОРОЙ. Некий человек узнал, что его товарищи хотят совершить доброе дело. Казалось бы, надо радоваться. Но он не обрадовался, потому что доброе дело хотели совершить не по правилам. И он запретил его совершать, потому что был главным. "Не надо запрещать, - говорили ему товарищи. - Когда все увидят, что дело получилось доброе, появятся новые правила, и СОВЕСТЬ твоя будет чиста. Но этот человек остался твёрд. И тогда из-за его

запрета свершилось страшное зло. И этого человека судили. Когда его спросили, где же был его УМ, отец СОВЕСТИ, он не смог ответить. Совесть без ума оказалась вредной безделушкой.

ПРИМЕР ТРЕТИЙ. Некому очень учёному человеку довелось свершить великое открытие. Но открытие было такое, что могло принести и невиданные блага, и неслыханное зло. Дело было лишь в том, кому доверит своё открытие умный человек. А он, будучи ЖАДНЫМ, отдал открытие на службу злодеям, потому что злодеи могли заплатить ему на несколько монет больше. Люди испытали немало горя, пока сумели победить злодеев. Когда УМНЫЙ виновник сидел перед судом, у меня едва не сломалась спина. И все оттого, что не было в этом человеке ДОБРОТЫ.

Доброта — не безделушка, друзья мои. Хотя я могла бы привести пример, когда и она - без УМА - к добру не приводила. Но я очень устала и прошу меня простить.

Скамья всхлипнула и замолкла.

На этот раз все молчали так долго, что стало казаться, будто время остановилось. И когда так стало казаться всем, двухтумбовый письменный стол расправил своё истёртое зелёное сукно и заговорил.

-Дорогие мои товарищи по сцене! Счастливая судьба свела нас вместе в этом храме добра, ума, чести, совести и веселья. Думаю, никто из вас не считает себя здесь несчастным.

-Никто! Конечно! - раздались со всех сторон скрипучие старческие голоса.

-Но мне всё же стыдно перед вами, - продолжал стол. - Вы все, прежде чем оказаться здесь, испытали от людей тяготы, несчастья и даже трагедии. А мне с первого дня жизни выпало видеть людей только с самых светлых сторон. И раз уж сегодня мы говорим о безделушках, не отступлю от этого правила и я. На моей широкой крышке их перебивало множество. Некоторые жили на ней постоянно. И ни об одной не могу сказать ничего дурного. Более того, горжусь знакомством с ними. Но начать придётся с самого начала, и рассказ может оказаться долгим.

-Мы готовы слушать, - отвечали все хором.

Рассказ письменного стола.

-Я не очень стар по сравнению с вами. Лучший в городе столяр, Александр Васильевич Несговоров, изготовил меня из хорошо высушенного кедра весной 1941 года. Он хотел подарить меня своему внуку, тоже Александру Васильевичу Несговорову, который тем летом должен был окончить артиллерийское училище.

Вся семья ждала молодого офицера с молодой женой. На моей крышке в обыкновенной стеклянной вазочке стояли живые цветы, всегда свежие. Это была первая безделушка, с которой я познакомился. Она означала РАДОСТНОЕ ОЖИДАНИЕ. И ничего другого, сколько-нибудь полезного, с ними, кажется, не делают. Люди дарят цветы тем, кого любят, чтобы сделать им приятное.

Для тех, кто не знает, я должен объяснить, что ЛЮБОВЬ у людей — это желание постоянно видеть того, кого любишь, и делать ему приятное. Должен заметить, что это далеко не так просто, как может показаться.

(В этом месте рассказа Пегасик и Сёма посмотрели друг на друга и улыбнулись, а Василий решительно кивнул, не открывая глаз).

Лейтенант Несговоров в отпуск не приехал. Началась великая война, и он пошёл со своими пушками защищать свое отечество, свой город, своих любимых и в том числе меня. Так он писал в своём первом письме с фронта. Все его письма я знаю наизусть, потому что они подолгу лежали на моём зелёном сукне, а потом - до конца войны и далее - в верхнем ящике правой тумбы.

Лейтенант Несговоров был очень весёлым человеком. Старший лейтенант Несговоров стал очень суровым человеком, так было угодно войне. Капитан Несговоров совершил на фронте подвиг и вернулся к нам без ног. Цветы стояли для него в стеклянной вазочке на моей

крышке, а он заплакал, этот сильный человек, потому что не мог с пола до них дотянуться и понюхать. Я готов был отдать ему все свои четыре ноги, если бы это было возможно.

Но капитан не любил сдаваться. И совершенно не умел отступать. Если нужно было победить, он готов был ради этого умереть. И раз уж выжил на войне, то победил и свою беду. Он стал писателем.

Сначала на моей крышке лежали только его тяжёлые руки, тетрадь, деревянная ручка со стальным пёрышком и стояла стеклянная чернильница. Всегда были и свежие цветы — об этом заботилась вся семья, но особенно его жена, самая добрая в мире женщина.

Потом, когда первый рассказ капитана Несговорова был напечатан в журнале (как хорошо я помню победную тяжесть этого журнала!), приехали его фронтовые друзья и привезли гильзу от снаряда. "На память о нас и о нашей противотанковой пушке" — так было сказано. И гильза осталась на моей крышке. Когда-то у неё было дело — уничтожить врагов. Теперь, стреляная, она была безделушкой. Но капитан, который опять стал очень весёлым, нашёл для неё новое занятие. Он обрезал гильзу наискосок и стал держать в ней ручки, карандаши и кисти. Как человек весьма талантливый, он сам делал рисунки к своим рассказам.

Ещё одна безделушка стала всё чаще появляться на моей крышке. Это была кукла-неваляшка, которую называют ещё "Ванькой-Встанькой". Её приносил сын писателя, Васятка, который уже настолько подрос, что мог положить на мою крышку свой нос. Отцу очень нравилось, когда Васятка играл с "Ванькой-Встанькой". Куколка никак не хотела лежать. Стоило малышу отпустить руку, и она вскакивала. Васятка сердился, а отец смеялся: "Учись у "Ваньки" и сам никогда не ложись! А повалят — вставай!"

В это время чьи-то шаги замолкли у двери, и кто-то зазвенел ключами.

-Это за мной, - сказал стол. - На сцену.

-Давайте продолжим через час, - предложили часы.

Малыши вспорхнули на карниз и оттуда видели, как рабочие вынесли стол и несколько стульев, а также пустую оконную раму и картонную вазу с бумажными цветами.

Кот Василий с места не сдвинулся. Он строго следил, чтоб не курили.

-Я голоден, - заявил Сёма, когда закрыли дверь.

-Заходит солнце, - сказал Пегасик. - Надо бы и мне успеть подкрепиться.

Василий впервые при них выпустил когти и мощной лапой открыл неплотно притворённую форточку.

-Запом-ните окно. Сюда же потом-м и вер-рнётесь. Мы будем-м ждать.

20. Последняя встреча

-Куда полетим? - спросил Сёма. - Я на элеватор не желаю.

-Я хотел бы повидать своих, - ответил Пегасик. - Хоть через окошко, потихоньку. А ты сможешь поесть - там кормушка.

-Поспешим, - предложил Сёма. - Надо успеть раньше дождя. Смотри, какие собираются тучи.

Лететь пришлось не очень далеко. Пегасик уже знал город, и скоро они были у цели.

-Вот эти два окна в первом этаже, - показал Пегасик. - Ты садись на левое, где кормушка, а я - на правое. Там отёрнута занавеска, я как раз загляну.

То, что увидел Пегасик в мастерской Евгешинового отца, было удивительно. За стеклом на подоконнике сидел другой, точно такой же Пегасик, только без сучка в голове, и от этого он казался красавцем.

Копия была неподвижна. Но разглядывать её Пегасику оказалось некогда, поскольку там же, на подоконнике, бок о бок со вторым Пегасиком сидела Сима. Вместо хвоста у неё торчал короткий обрубок, а сама она стала будто немного больше.

Едва Пегасик сел на окно, Сима тотчас же его увидела и прилипла к стеклу. Она скребла его когтями и что-то кричала. Но все щели в окне уже были замазаны на зиму, ничего услышать невозможно. Сима металась по подоконнику, продолжая кричать и не спуская глаз с Пегасика.

-Сёма! - позвал Пегасик.

Воробей перепорхнул к нему, но при виде беснующейся Симы сразу метнулся в небо.

-Погоди! - Пегасик устремился за другом. - Зачем?

-А вдруг она уже летает?! - крикнул Сёма, когда Пегасик его догнал. - Помнишь сухую берёзу?

-Так ведь окно...

-Да она и стекло может разбить. Летим на элеватор, я совсем не успел поклевать.

Если бы они знали, ЧТО им кричала Сима!

Она звала их мириться и дружить. Она клялась никогда больше не трогать воробьёв и пегасиков, а также всех прочих летающих малышей... Она сначала не догадывалась, что её не слышно. А когда сама не разобрала, что сказал Пегасик, то пришла в отчаяние.

Проводив глазами бывших своих врагов, Сима вдруг отпрыгнула к самому краю верстака и оттуда бросилась на стекло.

Вместе с осколками она вылетела наружу и огляделась. Сёма и Пегасик быстро уменьшались в вышине. Ветер дул справа. Сима развернулась против ветра и, раскинув лапы, приготовилась к полёту, как уже делала это на вороньих крыльях. Порыв ветра толкнул её в грудь, но не подхватил. Её лапы пружинно ударились о землю, рычащий зверь покатился по траве.

На звон стекла в мастерскую прибежала Евгешина мама. Она выглянула в разбитое окно, но ничего, кроме стекляшек, не увидела. Не заметив, что все стёкла выпали наружу, мама ошибочно подумала: "Мальчишки играли с мячом", - и вернулась к своим делам. И правильно: вставлять стёкла - дело мужское.

Пегасик и Сёма не слышали, как Сима разбила стекло, и не увидели, как она бесславно рухнула на траву и тут же куда-то убежала. Они благополучно долетели до элеватора и ещё в воздухе были встречены громом приветствий.

-Слава Семёну! - кричали одни.

-Да здравствует Ворюга Первый! - вопили другие.

-Чир-р--р-р!!! - слышалось отовсюду.

Сёма пытался что-нибудь узнать, но все верещали, и тогда он начал подбирать зёрна, на которые никто не обращал внимания. Пока приветствия не утихли, он успел насытиться вполне.

Тут вперёд вышли его родственники и объяснили, что стая, благодарная Сёме за избавление от голубей и гибели, избирает его вождём до конца дней его (да продлятся они во веки веков), и отныне каждый воробей обязан называть Сёму не иначе, как "Ваше Быстролетательство Ворюга Первый". Родня же может звать ещё Семёном или Сёмочкой.

-Это за что же мне такая быстровысокая честь? - Сёма усмехнулся.

-Ты спас нашу стаю от поголовного ночного истребления, - ответили ему. - Ты прочёл нам роковое объявление об уничтожении птиц на зерноскладе, помнишь, Ваше Быстролетательство?

-Хм, помню. Тогда, может быть, лучше — Быстрочитательство?

-Гениально! - завопила стая. - Да будет так!

-Тогда, - продолжали родственники после овации, - мы впервые послушались твоего мудрого совета и никогда об этом не забудем и потомкам нашим велим помнить. Глупые же голуби уничтожены, и весь корм достался нам. Отныне, присягая тебе на верность, стая клянётся свято выполнять все твои гениальные приказы. Прими нас, отец, под благодающую сень твоего августейшего крыла!

-Чир-р-р-р! - загремело в воздухе.

Сёма повёл бровью. Мигом наступила тишина.

-Ладно, - изрёк он в этом почтительном и невероятном безмолвии, - я подумаю. А сейчас мне некогда. Государственные дела... Вы тут, стало быть, кормитесь, не шибко деритесь и соблюдайте осторожность — чтоб часовые были, как я учил... Вер-рнусь— посты пр-ровер-р-рю!

-Слава вождю! - завопила стая.

-Слава другу вождя! - чирикнул кто-то на всякий случай.

Друзья важно кивнули и отбыли в театр.

-Вот тебе и доброе дело, - пробормотал Сёма. - Осталось душу вложить.

21. Старая мебель (продолжение)

Первые капли дождя ударили по крыше театра, когда они влетали в форточку.

Письменный стол был уже на своём месте и делился впечатлениями о спектакле.

-Сегодня мне досталась роль императорского стола, - говорил он грустно. - Не самая удачная роль: император подписывал на мне указ о смертной казни хорошего человека. И хотя всё было не всерьёз, я вполне почувствовал то же, что переживала наша уважаемая скамья подсудимых. Бумага тяжелела... А вот и наши малыши! Давайте продолжать.

Рассказ письменного стола (продолжение)

Мой рассказ будет не таким уж длинным, как я предполагал вначале. Капитан Несговоров, этот нестигаемый человек, успел написать только две книги. Из-за фронтовых ран он умер в расцвете лет, не достигнув вершины своего таланта.

Я достался Васятке. Он готовил на мне уроки, мастерил модели кораблей... Потом уехал на пять лет и вернулся инженером.

Пока он учился в институте, его кораблики стояли на моём зелёном сукне, как в бухте, и ждали своего адмирала. Ботик Петра Великого, научное судно "Витязь", ледокол "Ермак", крейсер "Варяг", героический бриг "Меркурий" и торпедный катер. Рядом с ними стоял портрет его отца. Рядом с портретом - "Ванька-Встанька". Там же стояла красная коробочка с отцовскими орденами. Всё это были вещи, ни для какого дела не пригодные. Но никто ни разу не назвал их безделушками. Это были ПРЕДМЕТЫ ГОРДОСТИ. Мать Васятки, Валентина Васильевна, часто садилась ко мне, чтобы почитать письма — старые, с фронта, и новые, от сына. Она трогала ордена, модели кораблей, "Ваньку-Встаньку" — и плакала. Слезы, как вам известно, выражают у людей страдания. Но, хотя Валентина Васильевна страдала всегда из-за этих ненужных вещей, она никуда их не прятала, а наоборот, старалась быть к ним поближе.

Из этих наблюдений я сделал вывод, что ненужные вещи бывают НУЖНЕЕ НУЖНЫХ. Я вспомнил слова друзей капитана, подаривших ему гильзу: "На память..." Кажется, мне удалось сделать открытие: для людей ПАМЯТЬ бывает равна самой жизни. А хранится память не только у них в голове, но и в разных вещах. В том числе и ненужных. Ведь есть у людей даже огромные ненужные вещи. Например, так называемые ПАМЯТНИКИ. Их не едят, в них не живут, ими не торгуют. Но люди и в мыслях не держат считать их безделушками.

(В этом месте рассказа Василий открыл глаза и кивнул, а Пегасик с Сёмой переглянулись - они вспомнили памятник на площади и людей с цветами у его подножия).

Есть от таких ненужных вещей какая-то польза, которая даже больше, чем от еды и питья, - продолжал стол. - Тех, кто плохо относится к памятникам, люди презирают и даже иногда наказывают.

Или вот, возьмите хотя бы театр. Лади приходят сюда, чтобы волноваться, плакать вместо того, чтобы поесть и поспать после работы. А ведь им здесь рассказывают выдумки и показывают ненужные, ненастоящие вещи, вроде вот этих декораций. Но людям НУЖЕН этот обман. Для чего? Не знаю.

Итак, я должен закончить свой рассказ.

Вернулся из института Васятка. Василий Александрович Несговоров. В морской форме. Механик дальнего плавания.

Модельки подарил детскому клубу моряков.

Отцовскую гильзу спрятал в чемодан.

Коробочку с орденами вручил матери.

"Ваньку-Встаньку" сунул в карман.

И уехал на свой корабль.

А меня на прощанье погладил по крышке и - подарил своему другу.

Они дружили с детского сада. В школе сидели за одним столом. Только Васятка увлекался кораблями, а друг его — самолётами. Я знал все их тайны, и когда после пятого класса они решили убежать на великую стройку, я собирался вместе с ними.

Но отец Васятки был тогда ещё жив и отговорил нас. Он объяснил, что в бегах сейчас неучу просто не выжить, а на стройке неуч никому не нужен. Надо уметь и знать хоть что-нибудь. А лучше — побольше. Он сказал: "Заканчивайте школу, тогда вместе сбежим". И хотя он был без ног, мы ему поверили. А вскоре он умер, и мы остались насовсем: не бросать же мать одну в такое время.

Короче говоря, я был другом обоих и охотно жил бы с любым из них.

Итак, Василий Александрович уехал на свой корабль, а я перебрался к его другу. Надо мной теперь висели модели самолётов: допотопных, дозвуковых, сверхзвуковых, гиперзвуковых и небывалых. Однако мой новый хозяин не был лётчиком и вообще не имел отношения к авиации, если не считать, что когда-то прыгал с парашютной вышки.

Он был журналистом.

Он часто и надолго уезжал. А когда возвращался - выкладывал на меня безделушки. Точнее сказать, то были маленькие памятники его встреч. Пулемётную гильзу он привёз с пограничной заставы. В неё он потом поставил перо океанской чайки, которое подобрал на палубе траулера, а рядом с пером — несколько стеблей степного ковыля, которые сорвал, когда распахивали целину. С великой стройки, на которую они с Васяткой собирались убежать, он привёз сварочный электрод — не буду объяснять, что это за штука, но на письменном столе это уж точно безделушка.

Стояла на моей крышке и много трудилась пишущая машинка. Сменяли друг друга исписанные блокноты. Постоянно пополнялась пачка чистой бумаги. Все эти нужные вещи я вспоминаю лишь потому, что была среди них одна знакомая вам безделушка, которой была придавлена от сквозняков пачка бумаги.

Догадались?

Это была та самая или точно такая же чугунная собачка, о которой рассказывал уважаемый торшер. Уж не знаю, как она попала к хозяину, но могу вас уверить, что никаких других дел, кроме придавливания чистой бумаги, она не выполняла. Впрочем, однажды ей представился случай...

Хозяин писал фельетон. Это такой смешной рассказ, в котором разоблачается зло. И едва он закончил, как вошёл некий человек. И стал уговаривать хозяина, чтобы тот порвал своё разоблачение. Журналист отказался. Тогда некий человек спросил, нельзя ли ему потолковать наедине вот с этой симпатичной собачкой — может быть, она окажется поговорчивее, ведь она друг человека... Хозяин поднялся из-за стола и взял собачку в правую руку: "Если через пять секунд не окажетесь за дверью, через шесть окажетесь на полу! Р-раз..." Гость выскочил за три секунды.

Вот и всё, что я могу рассказать о безделушках. Для чего они людям, судить трудно. Всегда зачем-нибудь нужны, раз люди их делают.

-А нельзя ли узнать, как вы оказались в театре? - спросил Пегасик. Теперь он ходил взад-вперёд по широкой крышке стола, и топоток его на сукне был едва слышен.

-Это история того, как я сам чуть не стал безделушкой, - ответил стол. - Случилось, что мой хозяин попал в автомобильную катастрофу и повредил спину. Долго пролежал в больнице. А когда вернулся, работать сидя уже не мог. Только стоя. Поэтому он привинтил к стене чертёжную доску. Перенёс туда свою пишущую машинку, блокноты и бумагу, а на мне оставил только безделушки. Погладил по сукну ладонью и больше не подходил.

Однажды к нему пришёл друг, художник нашего театра. Он сказал: "Столище у тебя бездельничает, а мне сразу для нескольких спектаклей нужен как раз такой". "Да, - согласился хозяин, - хорошие ВЕЩИ ОТ БЕЗДЕЛЬЯ ПОРТЯТСЯ". И в тот же день я оказался среди вас.

Кот Василий перепрыгнул с кресла на стол и подозвал Пегасика и Сёму.

-Вот с его последним хозяином я вас и познакомлю.

-С журналистом?

-Да. Только теперь он сочиняет пьесы. Их ставят в нашем театре.

-Он нам всё и объяснит? - спросил Сёма.

-Конечно.

-Или ты уже сам всё понял? - спросил Сёма Пегасика. - Для чего нужны безделушки? Где твоё место в жизни? Ты это понял?

-Кажется, надо сначала хорошо понять, что такое КРАСОТА и что такое ПАМЯТЬ, - ответил Пегасик. - Похоже, всё вообще зависит только от меня.

-Значит, всё почти в порядке, - сказал Сёма. - А мне тоскливо. Мне печально, грустно, безотрадно, безысходно и даже муторно.

-Что значит "муторно"?

-Это значит - "печальнее некуда". Понял?

-Понял, - сказал Пегасик. - Только это ты зря. У тебя всё яснее ясного. Ты нужен целой стае, Ваше Быстрочитательство.

-Не называй меня так, - попросил воробей. - Для тебя я хочу быть всегда просто Сёмой.

-А для них?

-А эти пусть хоть как называют, лишь бы глупостей не делали. А то ведь, ежели что не так, они меня одного во всём и обвинят. Знаю я их. С ними бессмертным не станешь... Мне бы в библиотеку! Но мы с тобой до неё ещё доберёмся, правда? Ты только смотри, топиться не вздумай.

-Ладно, - пообещал Пегасик, - не вздумаяю.

22. Два сообщения

Вы даже не представляете, до чего не хочется мне заканчивать это сказочно правдивое повествование. Грустно, как сказал бы Сёма, тоскливо, печально и даже муторно, честное слово. Но рассказывать уже почти нечего. Остались только два сообщения, чтобы внести ясность в некоторые вопросы.

Сообщение первое.

(Из газеты "Томский курьер" за 30 февраля позапрошлого года).

"Как мы уже сообщали, в 30 километрах к северу от города появился необычный зверь. На вид это крупная рысь, но мастью он напоминает сиамскую кошку и имеет между лапами перепонки, позволяющие зверю, прыгнув с дерева, пролететь значительное расстояние.

До последнего времени эта "сиамская рысь-летяга", как прозвали её местные охотники, питалась только мышами. Ещё однажды видели, как она тащила вороньи крылья. Но недавно житель одной из окрестных деревень пожаловался, что у него прямо со двора каким-то зверем

похищены крылья только что ошипанного гуся. Подозрение пало на "рысь-летягу", поскольку охотники опознали на месте преступления её характерные следы.

Для борьбы с опасным, не боящимся людей хищником была снаряжена специальная экспедиция, которая нашла зверя по следу и спугнула его.

В ещё тёплом логове охотники обнаружили пару истрёпанных вороньих крыльев и немного гусяного пуха. Снег в радиусе более двухсот метров вокруг логова был странным образом взрыхлен и утоптан. Человек, склонный к фантазиям, мог бы предположить, что зверь пытался здесь научиться летать на гусиных крыльях — такое заключение сделал один из следопытов.

Следы бегства необычной рыси привели охотников к высокой берёзе на краю большого оврага и там потерялись.

Общественная редакция отдела "Природа и мы" просит всех, кто узнает что-либо о странном звере, сообщить нам по адресу..."

Сообщение второе (От автора)

Может быть, вы уже догадались, что это я был последним хозяином двухтумбового письменного стола.

Мой закадычный приятель, рыжий театральный кот Василий, познакомил меня с Пегасиком и Его Быстрочитательством Сёмой, и я с их слов записал эту сказочно правдивую историю.

По счастливой случайности отец Евгеша, известный в нашем городе резчик по дереву, тоже оказался моим давнишним другом — в небольших городах такие случайности не редки — и теперь Евгеша больше не плачет о летающей солонке. Он вообще очень возмужал, много читает и занимается спортом, чтобы скорее вырасти и помогать всем, кто нуждается в защите. Он ходит в гости к Пегасику, а Пегасик с Сёмой летают в гости к нему. Правда, видятся они не так уж часто, потому что Пегасик очень занят: он работает сразу в двух местах.

Как известно, театр — место удивительное. Вспомните, как вам всегда хотелось чего-нибудь необычного, едва вы переступали его порог. И вы начинали оглядываться и осматриваться в надежде ещё до начала спектакля увидеть ДИКОВИНКУ. Вот такой диковинкой и работает в нашем театре Пегасик.

Почти перед каждым спектаклем он летает над головами зрителей с небольшой афишкой или просто с маленькой, но яркой электрической лампочкой. А на новогодних праздниках, которые проводятся в театре для детей, он, если не занят, разбрасывает вокруг ёлки блёстки и конфетти. Бывайте почаще в театре и вы его увидите.

Главной же работой Пегасик считает свои выступления в аэроклубе, хотя и живёт в театре. На занятиях по теории полёта он показывает курсантам фигуры простого, сложного и высшего пилотажа, а также собственные разработки, для людских аппаратов невыполнимые, чтобы поднять у будущих пилотов творческий дух. При этом, чтобы в лодочке не возникали завихрения, мешающие полёту, её на время закрывают специальным чехлом из парашютного капрона. Значок мастера спорта по высшему пилотажу Пегасик не носит из скромности, хотя и объясняет это тем, что, мол, значок слишком тяжёлый.

Живёт Пегасик, как уже сказано, в театре, на складе реквизита. Помогает Василию стеречь театральное имущество. Обладая тонким обонянием, он однажды предотвратил пожар, когда начала дымиться электропроводка. Молодые актрисы его обожают и пытаются сделать из него личного почтальона, но ему такая работа не нравится. Согласился он только на роль почтового голубя в спектакле "Каким быть?", который всё же поставили по детским стихам Маяковского. Пегасик во втором действии сообщает пионерам о приближении скворцов, которых, кстати, с большим успехом играют их родственники, воробьи из стаи Его Быстрочитательства Сёмы Первого. Вывалившись в сажу, эти талантливые птицы так похоже

подражают трелям скворцов, так лихо исполняют пионерский марш, что билеты на спектакль давно уже не продаются в кассах, а выдаются лучшим классам города, когда в школах подводят итоги соревнования.

Но главное, конечно, не в том, кто где работает. Лишь бы каждого работа радовала, лишь бы все были здоровы и никто никого не обижал.

Жизнь прекрасна, потому что удивительна.

Счастливого пути!

Оглавление

1. Рождение Пегасика
2. Тревожная ночь
3. Утро, полное событий
4. Первое знакомство
5. Друзья и враги
6. Опасная переправа
7. Ночь на аэродроме
8. Уроки в небе
9. Ночные полёты
10. Не топись в костре
11. Где найти поэта?
12. Рухнувшая мечта
13. Умей читать!
14. Битва на столе
15. Разные брёвна
16. Осуществлённая мечта
17. Копия
18. Цена совершенства
19. Старая мебель
20. Последняя встреча
21. Старая мебель (продолжение)
22. Два сообщения